

ISSN 1728-550X

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Abai Kazakh national pedagogical university

ХАБАРШЫ ВЕСТНИК BULLETIN

Серия «Международная жизнь и политика»
Хабаршысы, «Халықаралық өмір және саясат» сериясы
Series of «International Affairs and Politics»
№1 (64), 2021

Алматы, 2021

**Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Abai Kazakh national pedagogical university**

ХАБАРШЫ ВЕСТНИК BULLETIN

**Серия «Международная жизнь и политика»
Хабаршысы, «Халықаралық өмір және саясат» сериясы
Series of «International Affairs and Politics»
№1 (64), 2021**

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті

ХАБАРШЫ

«Халықаралық өмір және саясат»
сериясы №1 (64), 2021 ж.

Шығару жиілігі - жылына 4 нөмір.
2002 ж. бастап шығады.

Бас редактор:

т.ғ.к., доцент

Н.Ш. Жамансарин

Бас ред. орынбасары:

т.ғ.к., аға оқытушы

С.Ә. Жұман

Бас ред. орынбасары:

т.ғ.к. аға оқытушы

С.Ә. Жұман

Редакция алқасы:

з.ғ.д., профессор А.А. Сабитова,

з.ғ.к., аға оқытушы О.Б. Хусаинов,

д.ф.н., доцент Ш.А. Сабитова,

э.ғ.к., доцент М.А. Канабекова,

проф. Victor Pou (Испания),

з.ғ.к., проф. Р.Ф. Мамедов

(Әзірбайжан),

з.ғ.к., проф. Л.Д. Тимченко

(Украина),

з.ғ.к., проф. Barbara Janusz-Pawletta

(Германия),

з.ғ.д., профессор Е.Н. Бегалиев,

з.ғ.д., проф. Е.Н. Щербак (Ресей)

Жауапты хатшы:

оқытушы А.Т. Исламова

© Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, 2021

Қазақстан Республикасының мәдениет және ақпарат министрлігінде 2009 жылы мамырдың 8-де тіркелген №10105 – Ж

Басуға 16.04.2021 қол қойылды.
Пішімі 60x84 1/8. Көлемі 15,0 е.б.т.
Таралымы 300 дана. Тапсырыс 53.

050010, Алматы қаласы,
Достық даңылы, 13.
Абай атындағы ҚазҰПУ

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің «Ұлағат» баспасы

МАЗМҰНЫ
СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

LEGAL ASPECTS OF INTERNATIONAL RELATIONS

- Щербак Е.Н.** Государственное регулирование оборота исключительных прав в нормах российского антимонопольного законодательства..... 7
- Щербак Е.Н.** Ресейлік антимонополиялық заңнама ережелеріндегі эксклюзивті құқықтар айналымын мемлекеттік реттеу
- Shcherbak E.N.** State regulation of the circulation of exclusive rights in the norms of Russian Antitrust Laws
- Шералина А.Г., Сабитова А.А.** Обеспечение основных прав и свобод граждан в условиях чрезвычайного положения..... 12
- Шералина А.Г., Сабитова А.А.** Төтенше жағдай кезінде азаматтардың негізгі құқықтары мен бостандықтарын қамтамасыз ету
- Sheralina A.G., Sabitova A.A.** Ensuring the fundamental rights and freedoms of citizens under a state of emergency.
- Хусаинов О.Б.** Правовое регулирование цифровых технологий в международных отношениях..... 16
- Хусаинов О.Б.** Халықаралық қатынастарда цифралық технологияларды құқықтық реттеу
- Khussainov O.B.** Legal regulation technologies in international relations
- Әбдібек А.Ш., Сабикенов С.Н.** Адам саудасы, құлдыққа салу және құл еңбегін қоғамдық құбылыстар ретінде пайдалану проблемасы..... 20
- Әбдібек А.Ш., Сабикенов С.Н.** Проблема торговли людьми, рабства и использования рабства как социальный феномен
- Abdibek A.Sh., Sabikenov S.N.** The problem of the trade of people and the use of slavery as a social phenomenon
- Kussainova A.M., Kalibekova L.S.** Legal framework of Kazakh-French relationship in humanitarian sphere..... 24
- Қусаинова А.М., Калибекова Л.С.** Гуманитарлық саладағы Қазақстан-Француз қатынастарының құқықтық негіздері
- Кусаинова А.М., Калибекова Л.С.** Правовые основы казахстанско-французских отношений в гуманитарной сфере

Казахский национальный педагогический университет имени Абая

ВЕСТНИК

Серия
«Международная жизнь и политика»
№1 (64), 2021 г.

Периодичность – 4 номера в год.
Выходит с 2002 года.

Главный редактор:
к.и.н., доцент
Жамансарин Н.Ш.

Зам. гл. редактора:
к.и.н., старший преподаватель
Жуман С.Ә.

Члены редколлегии:
д.ю.н., профессор Сабитова А.А.,
к.ю.н., ст.преподаватель
Хусаинов О.Б.,
д.ф.н., доцент Сабитова Ш.А.,
к.э.н., доцент Канабекова М.А.
проф. Victor Pou (Испания),
к.ю.н., проф. Р.Ф. Мамедов
(Азербайджан),
к.ю.н., проф. Л.Д. Тимченко
(Украина),
д.ю.н., проф. Barbara Janusz-
Pawletta (Германия),
д.ю.н., профессор Бегалиев Е.Н.,
д.ю.н., проф. Щербак Е.Н.
(Ресей)

Ответственный секретарь:
Преподаватель Исламова А.Т.

© Казахский национальный педагогический университет им. Абая, 2021

Зарегистрировано в Министерстве культуры и информации Республики Казахстан 8 мая 2009 г. №10105-Ж

Подписано в печать 16.04.2021.
Формат 60x84 1/8.
Объем 15,0 уч-изд.л. Тираж 300 экз.
Заказ 53.

050010, г. Алматы, пр. Достык,
пр. Достык, 13. КазНПУ им. Абая
Издательство «Ұлағат»
Казахского национального педагогического университета имени Абая

Дузенова Л.А., Абрешева С.М. Защита общественного порядка в Квебеке..... 28
Дузенова Л.А., Абрешева С.М. Квебекте қоғамдық тәртіпті қорғау
Duzenova L.A., Abresheva S.M. Public order in Quebec procedural law

Zholumbetov Ye.M., Onuchko M.Yu, Zhanpeisova K.D. Problems and prospects of tourism development in Kazakhstan: political and legal aspect 33
Жолумбетов Е.М., Онучко М.Ю., Жанпейсова К.Д. Қазақстандағы туризмді дамыту мәселелері мен перспективалары: саяси және құқықтық аспектілері
Жолумбетов Е.М., Онучко М.Ю., Жанпейсова К.Д. Проблемы и перспективы туризма в Казахстане: политический и правовой аспекты

Хусаинов О.Б., Хусаинов С.О. Понятие преступления и проступка по законодательствам Республики Казахстан, зарубежных стран и стран СНГ..... 41
Хусаинов О.Б., Хусаинов С.О. Қазақстан Республикасы шетелдік елдер мен ТМД заңдары және қылмыс түсінігі
Khussainov O.B., Khussainov S.O. The concept of crime and proceeding under the laws of the Republic of Kazakhstan, foreign countries and the CIS countries

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫҢ ҚАЗІРГІ ЗАМАНҒЫ ЖҮЙЕСІН ТРАНСФОРМАЦИЯЛАУ

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

TRANSFORMATION OF THE MODERN SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Эмис Д.Д., Чумаченко Т.Н. Казахстан и Китай: социально-культурные взаимосвязи и их развитие..... 46
Эмис Д.Д., Чумаченко Т.Н. Қазақстан және Қытай әлеуметтік-мәдени қатынасы және оның дамуы
Emis D.D., Chumachenko T.N. Kazakhstan and China: social and cultural relationship and their development

Битлеуов А.А., Курмангали А.К. Специфика Евразийской интеграции в условиях пандемии 50
Битлеуов А.А., Курмангали А.К. Пандемия жағдайындағы Еуразиялық интеграцияның ерешелігі
Bitleuov A.A., Kurmangali A.K. Specificity of Eurasian integration in the conditions of the pandemic

Оспанова Б., Жұман С. Алтын Орданың этносаяси мұрагерлері 55
Оспанова Б., Жұман С. Этнополитические наследники Золотой Орды

Abai Kazakh national pedagogical university

BULLETIN

«Bulletin Abai Kazakh national pedagogical university» (series of «International Affairs and Politics») №1 (64), 2021

Periodical – 4 no. per year
Published since 2002

Zhamansarin N.Sh. фото пок
doctor of Historical Sciences, Docent

Zhuman S.A. doctor of Historical Sciences, senior lecturer

Members of the editorial board:
doctor of legal Sciences, Professor

Sabitova A.A.,
candidate of legal Sciences, senior lecturer
Khusainov O.B.,
doctor of philological Sciences,
associate Professor Sabitova Sh.A.,
Ph. D Economical Sciences., associate

Professor Kanabekova M.,
Viktor Pou professor (Spain),
Mamedov R.F. candidate of legal Sciences, Professor (Azerbaijan),
Timchenko L.D. candidate of legal Sciences, Professor (Ukraine),
Barbara Janusz-Pawletta Doctor of Law professor (Germany),
Doctor of Law, Professor E.N.Begaliev,
Sherbak E.N. Doctor of Law, Professor (Russia)

Executive Secretary: Islamova A.T.,
educator

© Kazakh National Pedagogical University named after Abai, 2021

Registered in the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan
May 8, 2009 №10105-Zh

Signed in print 16.04.2021
Format 60x84 1/8
Volume 15,0 teaching and publishing lists
Number of copies 300, Order 53.

050010, Almaty, Dostyk avenue 13,
Abai Kazakh national pedagogical

Publishing house “Ulagat” of Abai Kazakh national pedagogical university

Ospanova B.R., Zhuman S. Ethnopolitical heirs of the Golden Horde

Бердыгулова Г.Е., Федосеева А.А. Модель этнической политики в Республике Казахстан 60

Бердыгулова Г.Е., Федосеева А.А. Қазақстан Республикасындағы этникалық саясат моделі
Berdygulova G. E., Fedosseyeva A.A. Model of ethnic policy in the Republic of Kazakhstan

Orumbayeva M.S. International legal aspects of international terrorism and religiously motivated extremism in Central Asia..... 64

Орумбаева М.С. Халықаралық терроризмдің халықаралық құқықтық аспектілері және Орталық Азиядағы діни мотивацияланған экстремизм

Орумбаева М.С. Международно-правовые аспекты международного терроризма и религиозно мотивированного экстремизма в Центральной Азии

Halnazarova A.K., Kanafina G.E. The role of public diplomacy in international relations in full process of globalization..... 73

Халназарова А.К., Қанафина Г.Е. Қоғамдық дипломатияның рөлі халықаралық қатынастарда толық үдіс глобалдандыру

Халназарова А.К., Қанафина Г.Е. Роль публичной дипломатии в международных отношениях в полном процессе глобализации

Men D.V., Tatyana Pak. The strategic of the “Soft power” of the Republic of Korea in the Central Asia..... 77

Мен Д.В., Пак Т.Н. Орталық Азиядағы Корея Республикасының «Жұмсақ күшінің» стратегиялық саясаты

Мен Д.В., Пак Т.Н. Стратегическая политика «мягкой силы» Республики Корея в Центральной Азии

Ержан Ә., Байтурбаева А.Т. Политика Франции на Ближнем Востоке и её лидерство среди стран ЕС..... 83

Ержан Ә., Байтурбаева А.Т. Таяу шығыстағы Францияның саясаты және оның ЕО елдері арасындағы көшбасшылығы
Yerzhan A., A.T. Baiturbayeva Policy of France in the Middle East and its leadership among the EU countries

Айтказин А.А., Чумаченко Т.Н. Проблема энерго-ресурсов стран Центральной Азии и развитие гидроэнергетики..... 91

Айтказин А. А., Чумаченко Т.Н. Орталық Азия елдерінің энергетикалық ресурстары мәселесі және гидроэнергетика-ны дамыту

Aitkazin A.A., Chumachenko T.N. The problem of energy resources of the countries of Central Asia and development of hydropower engineering

Есдаулетова А.М. Приоритетные направления экономического сотрудничества Казахстана и Канады..... 98

Есдаулетова А.М. Қазақстан Канаданың экономикалық ынтымақтастығының басым бағыттары
Yesdauletova A.M. Priority areas of economic cooperation of Kazakhstan and Canada

Жеделова Қ.Қ., Сабикенов С.Н. Терроризмге қарсы күрес мүддесінде бұқаралық ақпарат құралдарын құқықтық реттеу: халықаралық-құқықтық мәселелер..... 106
Жеделова Қ.Қ., Сабикенов С.Н. Ограничения свободы СМИ в интересах борьбы с терроризмом
Zhedelova K.K., Sabikenov S.N. Restrictions on the freedom of the media in the interests of combating terrorism: international-legal issues

ПЕДАГОГИКАНЫҢ ТАҚЫРЫПТЫ МӘСЕЛЕЛЕРІ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИКИ

TOPICAL ISSUES OF PEDAGOGY

Шолтай С.Ш. Үштілді білу - көпмәдениетті меңгерген тұлға ретінде.....

Шолтай С.Ш. Знание трехязычия - владение поликультурным в качестве лица
Sholtay S.Sh. Knowledge of three languages-possession as a multicultural person

Salikhov A.B. The language picture of the world and its impact on economic behavior.....

Салихов А.Б. Әлемнің тілдік бейнесі және оның экономикалық мінез-құлыққа әсері
Салихов А.Б. Языковая картина мира и её влияние на экономическое поведение

Білім және ғылым саласындағы комитетінің шешімі негізінде (Қосымша 1 Білім және ғылым министрлігінің 2012 жылдың 10 шілдесінің №1082 бұйрығына сәйкес) Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің Хабаршысының “Халықаралық өмір және саясат” сериясы саяси ғылымдар бойынша диссертациялардың негізгі ғылыми нәтижелерін жариялау үшін басылымдар тізіміне ұсынылған.

На основании решения Комитета по контролю в сфере образования и науки (Приложение 1 к Приказу МОН РК от 10 июля 2012 года за №1082) Вестник КазНПУ им. Абая, серия «Международная жизнь и политика» внесен в перечень изданий для публикаций основных научных результатов диссертаций по политическим наукам.

In accordance of the decision of the Committee on the control in the field of Education and Science (Annex 1 to the Order of MES RK from 10 July 2012 Order No. 1082) Bulletin KazNPU named after Abai, a series of "International Affairs and Politics" is included into the list editions for publication main scientific results of dissertations on Political Sciences.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ LEGAL ASPECTS OF INTERNATIONAL RELATIONS

УДК 346.546.4
МРНТИ 10.23.43

Щербак Е.Н.¹

*¹Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБОРОТА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ В НОРМАХ РОССИЙСКОГО АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация

В статье раскрываются основные тенденции современного развития норм антимонопольного законодательства, регулирующего оборот исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности в предпринимательской сфере.

Ключевые слова: конкуренция, исключительные права, результаты интеллектуальной деятельности, доминирующее положение.

Е.Н. Щербак¹

*¹Ресей мемлекеттік гуманитарлық университеті,
Мәскеу қ., Ресей Федерациясы*

РЕСЕЙЛІК АНТИМОНОПОЛИЯЛЫҚ ЗАҢНАМА ЕРЕЖЕЛЕРІНДЕГІ ЭКСКЛЮЗИВТІ ҚҰҚЫҚТАР АЙНАЛЫМЫН МЕМЛЕКЕТТІК РЕТТЕУ

Аңдатпа

Мақалада кәсіпкерлік саласындағы интеллектуалды қызмет нәтижелеріне айрықша құқықтар айналымын реттейтін монополияға қарсы заңнама нормаларының қазіргі заманғы дамуының негізгі тенденциялары көрсетілген.

Түйін сөздер: бәсекелестік, ерекше құқықтар, интеллектуалды қызметтің нәтижелері, басым позиция.

Shcherbak E.N.¹

*¹Russian State University for the Humanities,
Moscow c., Russian Federation*

STATE REGULATION OF THE CIRCULATION OF EXCLUSIVE RIGHTS IN THE NORMS OF RUSSIAN ANTITRUST LAWS

Abstract

The article reveals the main trends of the modern development of antitrust laws regulating the turnover of exclusive rights to the results of intellectual activity.

Keywords: competition, exclusive rights, results of intellectual activity, dominant position

Как известно, в правовом регулировании хозяйственной деятельности юридических лиц ключевое значение имеет соблюдение установленных законом правил добросовестной конкуренции.

Сложившаяся еще с 2006 года, традиция совершенствования антимонопольного (конкурентного) законодательства, предусматривает принятие «антимонопольных пакетов». Периодичность разработки и принятия таких пакетов составляет примерно 5 лет уже принято четыре антимонопольных пакета.

В настоящее время, развернулась широкая общественная и профессиональная дискуссия по проекту «пятого антимонопольного пакета Федеральной антимонопольной службы» (далее ФАС), который получил условное наименование «цифровой антимонопольный пакет ФАС».

Однако, кроме изменений в антимонопольном регулировании цифровой отрасли в предлагаемых ФАС нормах предлагается ликвидировать предусмотренные Федеральным законом 135-ФЗ «О защите конкуренции» [1] так называемые «иммунитеты в отношении интеллектуальной собственности» или «антимонопольные иммунитеты».

Позиция ФАС основывается на том, что отдельные нормы ныне действующей редакции основного антимонопольного закона «О защите конкуренции», в современных условиях, уже не соответствуют основным принципам государственного антимонопольного регулирования.

В частности, положения части 4 ст.10 и положения части 9 ст.11, по мнению разработчиков изменений, якобы практически блокируют правовые механизмы государственного регулирования монополистической деятельности на рынке, где используются результаты интеллектуальной деятельности [1].

В соответствии с вышеуказанными нормами на действия, связанные с осуществлением исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности не могут распространяться общие требования запретов, сформулированных в действующей редакции закона.

Не распространяются такие требования и на соглашения, которые регулируют отчуждение или использование исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Беспокойство представителей ФАС, инициирующих изменение законодательства, вызывает наличие явных преимуществ у правообладателей исключительных прав.

По мнению ФАС, наличие «антимонопольных иммунитетов», не позволяет применить к правообладателям исключительных прав, которые занимают доминирующее положение на товарных рынках запрещающих мер, в том числе запрета на злоупотребление доминирующим положением, а также запрета на участие в различных неконкурентных соглашениях (картелях) [2].

Отсутствие таких законодательных запретов, приводит к монополизации соответствующих рынков и ограничению конкуренции. При этом происходит значительное ущемление прав потребителей.

Напомним, что ФАС постоянно проявляет законодательную инициативу в сфере ограничения прав на интеллектуальную собственность, однако такая инициатива не всегда находит понимание и поддержку со стороны бизнес – сообщества, связанного с интеллектуальными правами.

Остановимся на некоторых из таких правовых инициатив, которые по мнению автора заслуживают внимания:

– по инициативе ФАС еще в 2015 году было предложено ввести принудительное лицензирование на лекарства, в случае если возникнет такая необходимость для охраны здоровья российских граждан. Такая инициатива основывалась на решении Верховного Суда Российской Федерации признать, что в случае отказа правообладателя от заключения договоров на поставку лекарственных препаратов, такие действия являются нарушением норм федерального закона «О защите конкуренции» [3]. Действительно, такое решение не давало возможности транснациональным корпорациям в сфере лекарственных препаратов оказывать влияние на состояние рынка лекарственных препаратов в России, особенно в начальный период распространения пандемии, связанной с распространением по всему миру нового вируса COVID-19;

– к следующей инициативе ФАС относится легализация параллельного импорта. Длительный период обсуждения такой инициативы связан с трудностями в определении перечня товаров, на которые будут распространяться нормы о параллельном импорте. К не полностью решенным вопросам можно отнести - отсутствие понятного правового механизма его реализации не только в России, но и в целом ЕАЭС;

– еще одно из предложений ФАС связано с расширением поля воздействия норм федерального закона «О защите конкуренции» уже на сами товары, произведенные при помощи зарегистрированных (запатентованных) объектов «промышленной собственности». Как известно, к объектам промышленной собственности законодательство относит изобретения, полезные модели и промышленные образцы [2].

Такое расширение позволит, в случае нарушения исключительных прав применять жесткие меры ответственности к нарушителю, вплоть до приостановления и запрета осуществлять уставную деятельность организации - нарушителя.

Основные аргументы, обосновывающие инициативу ФАС по изменению норм действующего антимонопольного законодательства изложены в пояснительной записке [4] к законопроекту и они сводятся к следующим:

1. Приоритет защиты публичных интересов перед частными интересами правообладателей является характерной чертой современной системы регулирования объектов интеллектуальной собственности в странах с развитой рыночной экономикой.

2. В законодательстве таких стран отсутствуют исключения в применении антимонопольного законодательства в отношении действий и соглашений при осуществлении исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности в случаях, когда такие действия связаны с злоупотреблением правом, а значит могут привести к ограничению конкуренции и монополизации [5].

3. В практике ФАС значительно возросло количество рассматриваемых дел, когда ответчиками предпринимаются попытки обосновать свои антиконкурентные действия их «законностью», указывая на имеющиеся в законодательстве «антимонопольные иммунитеты» связанные с осуществлением исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Так по известному делу, в отношении организации Teva Pharmaceutical Industries Ltd, которая уклонялась от поставки лекарственных средств «Копаксон», мотивируя свой отказ тем, что на нее не распространяются положения 5 части 1 ст. 10 федерального закона «О защите конкуренции» ввиду того, что ей принадлежат исключительные права на товарный знак на это лекарственное средство [5].

Необходимо учесть, что в этом деле позиция ФАС была поддержана только в актах вышестоящих судебных инстанций, а суд первой инстанции занял позицию Teva Pharmaceutical Industries Ltd [3].

При рассмотрении дела по признакам злоупотребления доминирующим положением компании Google Inc., также ответчик указывал на то, что действия по пред установке программного обеспечения на мобильные устройства и смартфоны не попадают под запреты антимонопольного законодательства, так как компания Google Inc. обладает исключительными правами на устанавливаемое программное обеспечение и на систему Android [6].

В деле в отношении ОАО «Ангстрем» и компании «Smartronic projects PTE LTD» при поставке микроконтроллеров, возбужденному по признакам нарушения частей 1 и 2 статьи 11 Закона о защите конкуренции, поставщики интегральных микросхем также пытались доказать невозможность применения к ним антимонопольного законодательства ввиду обладания исключительными правами на результаты интеллектуальной собственности [3].

4. ФАС ссылается на практические ситуации, возникающие в результате действий или соглашений по осуществлению исключительных прав на результаты интеллектуальной собственности, приводящие к явным нарушениям норм федерального закона «О защите конкуренции». Такие ситуации возникают в некоторых случаях, например:

– когда доминирующий хозяйствующий субъект в своих лицензионных договорах по использованию исключительных прав имеет возможность установить условия о приобретении товаров, работ, услуг не относящихся к предмету лицензионного договора, в том числе являющихся или создаваемых с помощью объектов интеллектуальной собственности. Практически «связывая» этими условиями контрагента. Такая «практика связывания» прикрывается «антимонопольным иммунитетом»;

– когда доминирующий хозяйствующий субъект в своих лицензионных договорах по использованию исключительных прав имеет возможность ограничить возможности поставки товаров, которые созданы с помощью объектов интеллектуальной собственности;

– когда доминирующий хозяйствующий субъект в своих лицензионных договорах по использованию исключительных прав имеет возможность запретить своему контрагенту заключать различные договоры со своими конкурентами. Такие случаи именуется как «положения об избежании конкуренции»;

– когда доминирующий хозяйствующий субъект в своих лицензионных договорах по использованию исключительных прав имеет возможность устанавливать монополично высокую цену, устанавливать свои правила определения цены на товары, создавать условия для дискриминации конкурентов;

– и наконец, когда доминирующий хозяйствующий субъект в своих лицензионных договорах по использованию исключительных прав имеет возможность просто уклоняться или отказываться от заключения лицензионных договоров.

5. Следующая аргументация ФАС связана с тем, что в Договоре о Евразийском экономическом союзе [7] запрещаются действия (бездействие) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта (субъекта рынка), результатом которых являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц, в том числе и заключение антиконкурентных соглашений. В Договоре о Евразийском экономическом союзе отсутствуют оговорки, позволяющие использовать нормы национального законодательства стран-участниц ЕАЭС в отношении установленных запретов к любым действиям по использованию исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Однако необходимо отметить, что в своих последних предложениях ФАС уже был согласен с сохранением в законе «антимонопольных иммунитетов», но теперь предлагает дополнить федеральный закон «О защите конкуренции» отдельной новой статьей 11.2, в соответствии с которой вводятся запреты на злоупотребление доминирующим положением на соответствующем рынке товаров, произведенных с использованием исключительных прав, а также соответственно могут вводиться запреты на антиконкурентные соглашения (картели).

Такой законодательный «маневр», по мнению разработчиков проекта изменений позволит убрать противоречия между нормами Гражданского кодекса Российской Федерации, нормами антимонопольного законодательства и нормами международного права.

Как отмечалось в начале статьи, необходимо также учитывать возражения и не полное понимание таких инициатив ФАС со стороны общественности и специалистов, связанных с интеллектуальными правами.

Позиции противников изменений антимонопольного законодательства связаны со следующими факторами:

– российское законодательство уже содержит правовые механизмы для защиты от злоупотреблений (например, запрещена недобросовестная конкуренция путем регистрации товарных знаков [8].

– в гражданском законодательстве уже есть возможность добиться принудительного лицензирования патента, если правообладатель его не использует [9].

– дальнейшее расширение такого нормативного механизма должно быть основано на детальной проработке предложенных инициатив ФАС с учетом действующих положений антимонопольного законодательства, гражданского законодательства, а также судебной практики;

– нельзя допустить полного вмешательства государства в сферу регулирования исключительности прав, при этом должны быть установлены определенные пределы регулирования тех или иных правоотношений;

– законодатель должен стремиться к соблюдению баланса прав и законных интересов каждой из сторон правоотношения [10].

В настоящее время трудно переоценить значение исключительных прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, товарные знаки, другие средства индивидуализации в предпринимательской, инновационной и другой деятельности хозяйствующих субъектов.

Важной особенностью исключительных прав на результаты интеллектуальной собственности является их способность значительно усиливать нематериальные активы предприятий и использоваться в качестве вкладов в имущество субъектов предпринимательской деятельности различных организационно-правовых форм.

В условиях развития рыночных отношений своевременное и широкое использование таких результатов всегда способствует повышению эффективности предпринимательской, как правило инновационной деятельности, повышает качество и конкурентоспособность новых товаров.

Статья 1229 Гражданского кодекса Российской Федерации дает право обладателю исключительного права распоряжаться и использовать его по своему усмотрению и любым способом, не противоречащим закону. Термин «исключительности» подчеркивает запрет, т.е. исключение всех иных лиц в использовании этого права. Такой запрет «презюмируется» законом [9].

Нарушение запрета, выражающееся в использовании исключительных прав без согласия правообладателя влечет наступление соответствующей юридической ответственности.

Однако, как уже упоминалось выше, действующее гражданское законодательство предусматривает круг обстоятельств, при наступлении которых возможно использование исключительных прав без согласия правообладателей. Но даже в таком случае за правообладателем остается возможность на получение соответствующего вознаграждения.

Государство как официальный регулятор конкурентных отношений в предпринимательской деятельности, обязано сохранять высокую ценность исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности путем установления специальных правил и ограничений.

Поэтому в настоящее время особо актуален вопрос о реальных пределах распространения положений антимонопольного законодательства на регулирование оборота исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Важно учитывать не только позицию ФАС, но и результаты аналитических исследований этого вопроса, изучение практики применения уже ранее внесенных изменений в антимонопольное законодательство, которые эффективно регулируют сферу интеллектуальной собственности.

Таким образом, основной целью развития норм антимонопольного законодательства в соответствии с федеральным законом «О защите конкуренции» [8] остается их эффективность в «обеспечении единого экономического пространства, свободного перемещения товаров, работ, услуг, реальной свободы в экономической деятельности, в эффективной защите конкуренции, а также в создании условий для эффективного функционирования различных товарных рынков».

Поэтому, новые нормы антимонопольного законодательства должны быть согласованы с действующими нормами гражданского законодательства и не вступать с ними в противоречие.

Такие активные инициативы ФАС по внесению изменений в антимонопольное законодательство должны учитывать природу норм, регулирующих интеллектуальную собственность в предпринимательской деятельности, а не противоречить основным принципам гражданского права.

Список использованной литературы:

1. *Федеральный закон от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ «О защите конкуренции» //Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г.*
2. *Доклад ФАС о состоянии конкуренции в стране. // «Российская газета» 27.08.2020.*

3. Постановление Президиума ВС РФ № 305-КГ15-7123 по делу № А40-42997/2014. . <https://www.zakonrf.info/suddoc/146d99cf9ac3fcb50620b8d95e777d52/>.

4. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // <https://base.garant.ru/58178202/>.

5. Положение Европейской Комиссии от 21.03.2014 № 316/2014 «О применении Статьи 101(3). // <https://base.garant.ru/70875372/> <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/269/oj>.

6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40-240628/2015). Решение от 15 марта 2016 г. по делу № А40-240628/2015 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/eGhIik5Y2i61/>.

7. Договор о Евразийском экономическом союзе (с изменениями на 1 октября 2019 года) // <https://base.garant.ru/70670880/#friends>.

8. Федеральный закон Российской Федерации от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.12.2020 г.).

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 01.07.2011) // Консультант Плюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40-240628/2015). Решение от 15 марта 2016 г. по делу № А40-240628/2015 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/eGhIik5Y2i61/>.

УДК 342.7
МРНТИ 10.15.59

Шералина А.Г.¹, Сабитова А.А.¹

¹КазНПУ им. Абая, Институт Сорбонна-Казахстан

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Аннотация

Данная статья посвящена такой актуальной теме как обеспечение основных прав и свобод граждан в условиях чрезвычайной ситуации. В рамках данного режима крайне важно учитывать права человека, которые не подлежат отступлению ни при каких обстоятельствах. Прежде всего к ним относятся: право на жизнь, запрет пыток, свобода от рабства, свобода мысли, совести и религии. Наряду с этим, комитет ООН по правам человека признал, что есть несколько других гуманитарных положений, которые должны оставаться незыблемыми, например, гуманное обращение со всеми лицами, лишёнными свободы. Для обеспечения неприкосновенных прав существуют различные механизмы и подходы, которые могут помочь предотвратить злоупотребление полномочиями в чрезвычайных ситуациях. В данном контексте, к наиболее эффективным институтам относятся парламент, судебная система, гражданское общество, а также международное сообщество. Таким образом, при введении режима чрезвычайного положения государство обязано соблюдать неприкосновенные права и свободы граждан, согласно национальному законодательству, а также международному праву.

Ключевые слова: чрезвычайное положение, права и свободы граждан, законодательство, международное право, судебная система, парламент, гражданское общество

А.Г. Шералина¹, А.А. Сабитова¹

¹Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты
Алматы қ., Қазақстан

ТӨТЕНШЕ ЖАҒДАЙ КЕЗІНДЕ АЗАМАТТАРДЫҢ НЕГІЗГІ ҚҰҚЫҚТАРЫ МЕН БОСТАНДЫҚТАРЫН ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ

Аңдатпа

Бұл мақала төтенше жағдай кезінде азаматтардың негізгі құқықтары мен бостандықтарын қамтамасыз ету тақырыбына арналған. Бұл режим аясында кез-келген жағдайда шегінуге жатпайтын адам құқықтарын ескеру өте маңызды. Біріншіден, оларға мыналар жатады: өмір сүру құқығы, азаптауға тыйым салу, құлдықтан бостандық, ой, ар-ождан және дін бостандығы. Сонымен қатар, БҰҰ-ның адам құқықтары жөніндегі комитеті бас бостандығынан айырылған барлық адамдарға адамгершілікпен қарау сияқты басқа да гуманитарлық ережелер бар екенін мойындады. Қол сұғылмайтын құқықтарды қамтамасыз ету үшін төтенше жағдайларда билікті теріс пайдаланудың алдын алуға көмектесетін әртүрлі механизмдер мен тәсілдер бар. Осы тұрғыда ең тиімді институттарға парламент, сот жүйесі, азаматтық қоғам, сондай-ақ халықаралық қоғамдастық жатады. Осылайша, төтенше жағдай режимі енгізілген кезде мемлекет ұлттық заңнамаға, сондай-ақ халықаралық құқыққа сәйкес азаматтардың қол сұғылмайтын құқықтары мен бостандықтарын сақтауға міндетті.

Түйін сөздер: төтенше жағдай, азаматтардың құқықтары мен бостандықтары, заңнама, Халықаралық құқық, сот жүйесі, парламент, азаматтық қоғам

Sheralina A.G.¹, Sabitova A.A.¹

¹*Kazakh National University named after Abay, Institute Sorbonne-Kazakhstan
Almaty, Kazakhstan*

ENSURING THE FUNDAMENTAL RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS UNDER A STATE OF EMERGENCY

Abstract

This article is devoted to such an urgent topic as ensuring the basic rights and freedoms of citizens in an emergency situation. Within this regime, it is extremely important to take into account human rights, which are not subject to derogation under any circumstances. First of all, they include: the right to life, the prohibition of torture, freedom from slavery, freedom of thought, conscience and religion. At the same time, the UN Human Rights Committee has recognized that there are several other humanitarian provisions that must remain unshakeable, such as the humane treatment of all persons deprived of their liberty. To ensure inviolable rights, there are various mechanisms and approaches that can help prevent abuse of power in emergency situations. In this context, the most effective institutions are the Parliament, the judiciary, civil society, and the international community. Thus, when introducing a state of emergency, the State is obliged to respect the inviolable rights and freedoms of citizens, in accordance with national legislation, as well as international law.

Keywords: state of emergency, citizens' rights and freedoms, legislation, international law, judicial system, parliament, civil society

Чрезвычайное положение – это особый правовой режим государства, введенный в ответ на чрезвычайную ситуацию, представляющую серьезную угрозу для всей страны. Введение данного положения может приостанавливать выполнение некоторых стандартных функций правительства; в сила предупредить граждан об изменении или ограничения поведения; может уполномочивать правительственные учреждения мобилизоваться к чрезвычайным ситуациям; а также вправе ограничивать или приостанавливать некоторые гражданские свободы и права человека [1, с.26].

Необходимость объявления чрезвычайного положения может возникать в таких ситуациях, как вооруженные действия против государства со стороны внутренних или внешних элементов,

стихийное бедствие, гражданские беспорядки, эпидемия, финансовый или экономический кризис или же всеобщая забастовка. В некоторых ситуациях также объявляется военное положение, в рамках которого военные структуры наделяются большими полномочиями.

Чрезвычайное положение состоит из двух компонентов:

- правовая база, состоящая из конституционных и законодательных основ чрезвычайного положения, и
- операционная структура, включающая организационную структуру и стратегические планы действий в чрезвычайном положении [2].

Несмотря на то, что эти компоненты разделены, они обязаны быть согласованными. Другими словами, правовая база должна учитывать операционные требования, а операционные требования должны соответствовать правовой базе, включая международное право.

Фундаментом правовой базы считаются такие понятия как, демократическая ответственность, права человека и верховенства закона во время чрезвычайного положения.

Что касается операционной структуры, то закон гласит следующее. В целях незамедлительного решения вопросов и проведения мероприятий по ликвидации обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения, Президентом Республики Казахстан могут создаваться специальные органы государственного управления по обеспечению режима чрезвычайного положения, к которым относятся:

- 1) Государственная комиссия по обеспечению режима чрезвычайного положения при Президенте Республики Казахстан;
- 2) комендатура местности [3, с.2].

Крайне важно учитывать основные принципы, которые необходимо соблюдать во время действия режима чрезвычайной ситуации. В конституции или законодательстве страны описываются обстоятельства, которые могут привести к введению чрезвычайного положения, определяются процедуры, которым необходимо следовать, и указываются ограничения на чрезвычайные полномочия, которые могут быть задействованы, или права, которые могут быть приостановлены. Безусловно, что каждая страна вправе определять свои собственные практики, однако существуют международные нормы, которые могут служить полезным руководством. Например, важные международные договоры, такие как Европейская конвенция о правах человека и основных свободах (ЕКПЧ) и Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП), обязывают государства соблюдать следующие принципы:

- временность: это относится к исключительному характеру объявления чрезвычайного положения;
- исключительная угроза: кризис должен представлять реальную, текущую или, по крайней мере, неминуемую опасность для общества [4];
- объявление: чрезвычайное положение должно быть объявлено публично; это информирует граждан о правовой ситуации и снижает возможность де-факто чрезвычайного положения, то есть ситуации, когда государство ограничивает права человека без официального объявления чрезвычайного положения;
- коммуникация: уведомление о принятых мерах должно быть направлено другим государствам и соответствующим договорным органам; например, если государство должно отступить от своих обязательств по ЕКПЧ или МПГПП, то оно должно проинформировать Генерального секретаря, соответственно, Совет Европы или ООН о своем отступлении, принятых мерах и причинах этого, как а также прекращение действия отступления;
- соразмерность: меры, принятые для противодействия кризису должно быть пропорциональным серьезности чрезвычайной ситуации; это касается области применения, их материального содержания и продолжительности;
- законность: права человека и основные свободы во время чрезвычайного положения должны соответствовать ограничениям, предусмотренным соответствующими инструментами международного и национального права; кроме того, чрезвычайное положение не подразумевает временного приостановления верховенства закона и не уполномочивает власть имущих действовать, игнорируя принцип законности, которым они всегда связаны.

Также необходимо учитывать права человека, которые нельзя ограничивать даже в случае чрезвычайного положения. Такие права человека не подлежат отступлению ни при каких обстоятельствах. ЕКПЧ и МПГПП определяют эти права следующим образом:

- право на жизнь;
- запрет пыток;
- свобода от рабства;
- свобода от постфактум законодательства; и других судебных гарантий;
- право на признание перед законом;
- свобода мысли, совести и религии [5].

Комитет ООН по правам человека признал, что, помимо не допускающих отступлений прав, перечисленных выше, есть несколько других гуманитарных положений, которые должны оставаться неизменными:

- гуманное обращение со всеми лицами, лишенными свободы;
- запреты на захват заложников и непризнанное заключение под стражу;
- защита прав лиц, принадлежащих к меньшинствам;
- запрет на пропаганду войны или национальной, расовой или религиозной ненависти;
- процедурные гарантии и гарантии, призванные обеспечить целостность судебной системы

[6].

Для обеспечения вышеперечисленных прав существуют различные механизмы и подходы, которые могут помочь предотвратить злоупотребление полномочиями в чрезвычайных ситуациях.

Роль парламента

Большинство правовых систем гарантируют, что исполнительная власть не имеет единоличных полномочий объявлять чрезвычайное положение, и предусматривают ратификацию парламентом решения исполнительной власти - часто с правом голоса.

Большинство парламентов также имеют право пересматривать чрезвычайное положение через регулярные промежутки времени и приостанавливать его при необходимости. Эта парламентская роль особенно важна в длительных чрезвычайных ситуациях, когда принцип гражданского превосходства над сектором безопасности может оказаться под угрозой.

Роль судебной системы

Судебная система должна и далее обеспечивать право на справедливое судебное разбирательство. Он также должен предоставлять людям эффективные средства правовой защиты в случае нарушения государственными чиновниками их прав человека [7].

В целях защиты от нарушения прав, не допускающих отступлений, право на рассмотрение дела в суде по вопросам, касающимся законности чрезвычайных мер, должно быть гарантировано независимостью судебной власти.

Суды могут играть важную роль в решениях, касающихся законности объявления чрезвычайного положения, а также в проверке законности конкретных чрезвычайных мер.

Роль гражданского общества

Чрезвычайная ситуация оказывает огромное давление на государство и общество. Для эффективного решения этой проблемы правительствам необходимо сотрудничество своих граждан. Любое нарушение или необоснованное ограничение прав человека в такой ситуации подрывает это сотрудничество и затруднит выход из чрезвычайной ситуации. Государство жизненно заинтересовано в том, чтобы действовать в условиях чрезвычайного положения подотчетно и ответственно [8].

Роль соседних государств и международного сообщества

Чрезвычайные ситуации могут также повлиять на отношения государства с его соседями и иметь последствия для международного сообщества. Все государства должны быть заинтересованы в обеспечении того, чтобы объявление и введение чрезвычайного положения подчинялось определенным ограничениям и осуществлялось в соответствии с международными нормами.

Международное сообщество должно активно участвовать в обеспечении соблюдения правительствами этих норм. В частности, он должен работать с заинтересованными правительствами для обеспечения быстрого возвращения к нормальной жизни и восстановления конституционного порядка, при котором права снова могут быть полностью обеспечены.

Список использованной литературы:

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (с изм.и доп.). – Алматы: Юрист, 2008.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах. *United Nations Treaty Series*, vol. 999, p. 225-240.
3. Закон Республики Казахстан «О чрезвычайном положении» от 8 февраля 2003 г. // *Каз. правда*. – 13 февраля 2003 г. – № 43-44.
4. Bruce Ackerman «The Emergency Constitution» [Electronic resource] *The Yale Law Journal*, 2004 URL: https://www.yalelawjournal.org/pdf/289_jz567rmk.pdf [the date of appeal: 28.12.2020]
5. Philipp Fluri (Switzerland) and Anders B. Johnsson (Sweden) «Parliamentary Oversight of the Security Sector: Principles, Mechanisms and Practices» [Electronic resource] *Inter-Parliamentary Union Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces*, Geneva, 2003.
6. Емеева Н.Р. Особенности личности должностных лиц органов внутренних дел, совершивших «профессиональные преступления» / *Антропологическая экспертиза Российского законодательства. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Г.Э. Галанова*. – Казань: Изд-во «Таглитмат». С.32-36.
7. Института экономики, управления и права, 2005. – С. 255-260. *European Convention on Human Rights* [Electronic resource] *Hellenic Resources Network* URL: <http://www.hri.org/docs/ECHR50.html> [the date of appeal: 25.10.2020]
8. *ADVANCING HUMAN-RIGHTS-BY-DESIGN IN THE DUAL-USE TECHNOLOGY INDUSTRY* // Author(s): Jonathon Penney, Sarah McKune, Lex Gill and Ronald J. Deibert // Source: *Journal of International Affairs*, Vol. 71, No. 2, *UNGOVERNED SPACES* // (SPRING/SUMMER-2018), pp. 103-110 // Published by: *Journal of International Affairs Editorial Board*

УДК 34:002
МРНТИ 10.19

Хусаинов О.Б. ¹

¹КазНПУ им. Абая, Институт Сорбонна-Казахстан

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация

В данной статье дается понятие цифрового права и цифровых технологий. Обозначены новые субъекты нормотворчества. Дан анализ субъектов участвующих в нормотворчестве, таких как Комиссия по праву международной торговли Организации Объединенных Наций, международный институт унификации частного права, Апелляционный орган Всемирной торговой организации, неправительственные организации, международные арбитражи, арбитры, эксперты, члены торгово-промышленных палат и другие. Кроме этого проведен анализ национального законодательства Республики Казахстан по вопросам цифровизации, обозначены основные приоритеты и рассмотрены определенные задачи по данному направлению.

Рассмотрены вопросы применения сетевой концепции в межнациональных и наднациональных формах правовой интеграции в рамках Европейского союза.

Дается утверждение о сетевой науке, которая в настоящее время выступает в роли новой модели исследования права.

Ключевые слова: право, информационное право, сетевое право, цифровое право, цифровые технологии, нормы права, глобализация, сетевая наука, Европейский союз, цифровой Казахстан, международное право, общество, государство.

О.Б. Хусайнов¹

¹Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты
Алматы қ., Қазақстан Республикасы

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДА ЦИФРАЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ

Аңдатпа

Бұл мақалада цифрлық заң және цифрлық технологиялар ұғымы берілген. Ереже шығарудың жаңа субъектілері тағайындалды. Біріккен Ұлттар Ұйымының Халықаралық сауда құқығы жөніндегі комиссиясы, Халықаралық жеке құқықты унификациялау институты, Дүниежүзілік сауданың апелляциялық органы сияқты ереже шығаруға қатысатын субъектілерге талдау жасалды. Ұйым, үкіметтік емес ұйымдар, халықаралық арбитраждар, төрешілер, сарапшылар, коммерциялық және өндірістік палаталардың мүшелері және басқалары.

Сонымен қатар, цифрландыру мәселелері бойынша Қазақстан Республикасының ұлттық заңнамасына талдау жасалды, негізгі басымдықтар анықталды және осы салада белгілі бір міндеттер қарастырылды.

Мақалада Еуропалық Одақ шеңберінде халықаралық және ұлтүстілік құқықтық интеграция формаларында желі тұжырымдамасын қолдану мәселелері қарастырылған.

Мәлімдеме қазіргі кезде заңды зерттеудің жаңа моделі ретінде жұмыс істейтін желілік ғылым туралы жасалған.

Түйін сөздер: құқық, ақпараттық құқық, желілік құқық, цифрлық құқық, цифрлық технологиялар, құқықтық нормалар, жаһандану, желілік ғылым, Еуропалық Одақ, цифрлық Қазақстан, халықаралық құқық, қоғам, мемлекет.

Khussainov O.B.¹

¹*Kazakh National University named after Abay, Institute Sorbonne-Kazakhstan
Almaty, Kazakhstan*

LEGAL REGULATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN INTERNATIONAL RELATIONS

Abstract

This article introduces the concept of digital law and digital technology. New subjects of rule-making are designated. The analysis of subjects involved in rule-making, such as the United Nations Commission on International Trade Law, the International Institute for the Unification of Private Law, the Appellate Body of the World Trade Organization, non-governmental organizations, international arbitration tribunals, arbitrators, experts, members of chambers of commerce and others.

In addition, an analysis of the national legislation of the Republic of Kazakhstan on digitalization issues was carried out, the main priorities were identified and certain tasks were considered in this area.

The questions of the application of the network concept in international and supranational forms of legal integration within the European Union are considered.

The statement is made about network science, which currently acts as a new model of law research.

Keywords: law, information law, network law, digital law, digital technologies, legal norms, globalization, network science, European Union, digital Kazakhstan, international law, society, state.

Сегодняшнее время можно смело назвать временем нового общества. Налицо, высочайший темп жизни, как индивидуума, так и общества в лице государства или цивилизации. Все то что, ранее мы делали, и уходило на это годы, месяцы, недели, в настоящее время, решается в кратчайшие сроки. Причем, установленные столетиями принципы постоянства, преемственности, вообще не работают, или размыты о быструю взаимозаменяемость, мобильность, скорость. То что,

вчера было новым, сегодня оказалось устаревшим. На повестке дня особенно в бизнесе, быстрый анализ ситуации, сравнительный анализ, поиск принятия решений и, замена устаревших приемов, методов, а иногда людских ресурсов, без сожаления, на новое и прогрессивное.

Говоря о международных отношениях, следует заметить, что под вышеуказанным влиянием, так же происходят такие же обновления и изменения.

В праве под влиянием стремительного масштабирования цифровых технологий происходит существенные изменения, которые наиболее отчетливо заметны в области регулирования межгосударственных связей. Это возможно, где в экономике присутствует так называемый иностранный компонент, порождающий противоречия некоторых институтов права двух и более государств.

В своих исследованиях, мы представим, некоторые проблемы и направления, которую разделяем с юристами разных стран и формировании законодательства, в правоприменительной практике.

Устоявшееся десятилетиями правило, что все нормотворчество образуется государствами, заключившими международные договора или конвенции. Говоря другим языком международно-правовой центризм. Но с бурным развитием экономики, не только так называемых ведущих стран, резким взлетом новых технологий, особенно цифровых, на смену центризма приходит полицентризм. И, на передний план, выходят международные контрактные отношения, т.е. саморегуляция.

Справедливости ради надо отметить, что переход от централизации к децентрализации в международном нормотворчестве подметила Н.Г. Вилкова еще в 2004 году в работе «Договорное право в международном обороте» [1, с.7].

На транснациональном уровне формируются разнообразные системы многосубъектного регулирования (multi-stake-holder regulation), т.е. регулирования, осуществляемого совместно различными заинтересованными организациями на основе взаимовыгодного партнерства в целях создания благоприятной международной среды для устойчивого экономического и социального развития [2, с.175].

Наднациональные правительственные структуры, участвующие в нормотворчестве общеизвестны. К ним в первую очередь можно отнести Европейский союз, целью которого является интеграция европейских государств, заключающаяся в едином экономическом рынке, отсутствии паспортно-визового контроля, использовании общей валюты [3].

Второй блок, относимый к структурам участвующим в нормотворчестве, состоит из таких, как: технократические неправительственные и межправительственные органы.

Во-первых, это Комиссия по праву международной торговли, Организации Объединенных Наций (ЮНСИТРАЛ).

Основной юридический орган системы Организации Объединенных Наций в области права международной торговли. Юридический орган с универсальным членским составом, уже в течение более 50 лет специализирующийся в проведении реформ в области коммерческого права во всем мире. Предмет заботы ЮНСИТРАЛ: модернизация и согласование норм международной коммерческой деятельности [4].

Во-вторых, Международный институт унификации частного права (УНИДРУА), международная межправительственная организация, членами которой могут быть только государства. Институт создан в целях изучения способов унификации и гармонизации частного права разных государств и разработки единообразных материальных норм частного права для принятия их государствами [5].

Третий блок, судебные органы: постоянные (Апелляционный орган ВТО), это один из элементов урегулирования споров между членами ВТО. Орган по апелляциям утверждается Органом по разрешению споров [6].

К последнему блоку относятся частные группы, такие как неправительственные организации и торговые ассоциации [7, с.3].

В последнее время международные бизнес-сообщества, стали наиболее важными игроками (субъектами) в нормотворчестве. Сюда в первую очередь необходимо отнести, членов торгово-промышленных палат, экспертов, арбитров, и, конечно же, ученых-практиков. Такого же мнения придерживается и американский ученый, профессор права Leitner, Алек Стоун Свит [8, с.627].

Процессы глобализации, которые широко распространяются под влиянием цифровых технологий, имеют тенденцию неимоверного роста научных исследований. И неслучайно появились новые научные понятия как «осетевление», - стремление включить в себя как можно больше разнородных параметров (покрыть сетью, включить в сеть, приобщить к сети).

Кроме этого, появились идеи, и не беспочвенные, о новой сетевой науке (Network Science) - наука, изучающая сложные сети: компьютерные, телекоммуникационные, социальные, когнитивные и др.

Необходимо отметить, что в настоящее время реализуется сетевая концепция права. Это можно увидеть и в казахстанской форме правовой интеграции.

Примером может послужить принятие в 2017 году Программы «Цифровой Казахстан». Основными целями Программы стали ускорение темпов развития экономики Республики Казахстан и улучшение качества жизни населения, а также создание условий для перехода экономики на принципиально новую траекторию - цифровую экономику будущего [9].

Данный вопрос стоит и на постоянном контроле Главы государства, Президента РК Токаева К.К. Не случайно, в своём Послании народу Казахстана Президентом целая глава (№9) посвящена вопросам цифровизации «Цифровизация – базовый элемент всех реформ», обозначены основные приоритеты и поставлены определенные задачи по данному направлению [10].

И, конечно же, успешно применяется сетевая концепция в межнациональных и наднациональных формах правовой интеграции в рамках Европейского союза.

Исследования, проводимые на нашей планете, позволяют констатировать, о кардинально передовой мысли об изменении структуры образ жизни, модель поведения. И это всё сеть, по сути, являющейся примером взаимодополняемости технологического прорыва и социального развития.

Сетевая наука на сегодня выступает в роли новой модели исследования права, провести переоценку многих институтов и отраслей права. На стыке информационных технологий и права возникает появление таких институтов как цифровое право, компьютерное право, киберправо, интернет право, информационное право, право информационных технологий, сетевое право, электронное коммерческое право и другие.

Список использованной литературы

1. Вилкова Н.Г. *Договорное право в международном обороте*. – М.: "Станут", 2004. – 510 с.
2. See: Pigman G.A. *The World Economic Forum. A Multi-stakeholder Approach to Global Governance*. London, New York, Routledge, 2007.175p.
3. ПРАВО И ГОСУДАРСТВО БУДУЩЕГО: ЭВОЛЮЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ //Материалы Международной научно-практической конференции. Отв. редактор О.И. Александрова. Москва, 2020 //Издательство: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (Москва).
4. <https://uncitral.un.org/ru/about>. Комиссия по праву международной торговли
5. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ УНИФИКАЦИИ ЧАСТНОГО ПРАВА // В.А. Никифоров//Гуманитарные науки. Право //стр.430-433
6. Всероссийская академия внешней торговли// Словарь терминов Буква "А" Апелляционный орган (Appellate Body) <http://www.vavt.ru/wto/wto/AppellateBody>
7. Cotterell R. *Transnational Communities and the Concept of Law*. Ratio Juris, Vol.212008. – P.1-18.
8. Sweet A.S. *The New Lex Mercatoria and Transnational Governance*. Journal of European Public Policy, August 2006. – P.627-646.

9. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении государственной Программы «Цифровой Казахстан»» от 12 декабря 2017 года № 827

10. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. 1 сентября 2020 г. "Казахстан в новой реальности: время действий". https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g.

УДК 341.2; 341.231.14
МРНТИ 10.87.27

А.Ш. Әбдібек¹, С.Н. Сабикенов¹

¹Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты
Алматы қ., Қазақстан

АДАМ САУДАСЫ, ҚҰЛДЫҚҚА САЛУ ЖӘНЕ ҚҰЛ ЕҢБЕГІН ҚОҒАМДЫҚ ҚҰБЫЛЫСТАР РЕТІНДЕ ПАЙДАЛАНУ ПРОБЛЕМАСЫ

Аңдатпа

Бұл мақалада терең тарихи тамыры бар заманауи қауымдастықтағы құл саудасы мәселесіне қатысты оқиғалар талданады. Қазіргі құлдық кез-келген жастағы адамдарға немесе нәсілдегі адамдарға әсер етуі мүмкін. Алайда көбінесе құлдық қанауға бейім адамдар мен қауымдастықтарға әсер етеді. Бұл кедейлікте өмір сүретін және лайықты жұмысқа келешегі жоқ адам болуы мүмкін, ол шетелде жұмыс істеуге қатысты жақсы ұсынысты қабыл алады. Бірақ бұл уәде басқа нәрсе болып шығады.

Түйін сөздер: адам саудасы, конвенция, халықаралық және аймақтық ұйымдар, халықаралық құқық, халықаралық қатынас, трансұлттық қылмыс.

Абдибек А.Ш.,¹ Сабикенов С.Н.¹

¹КазНПУ им. Абая, Институт Сорбонна-Казахстан
г. Алматы, Казахстан

ПРОБЛЕМА ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ, РАБСТВА И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБСТВА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Аннотация

В этой статье рассматривается история работорговли в современном обществе, которая имеет глубокие исторические корни. Современное рабство может затронуть людей любого возраста или расы. Однако рабство часто затрагивает отдельных лиц и общины, которые подвержены к эксплуатации. Это может быть человек, который живет в бедности и не имеет перспектив для достойной работы. Люди принимают хорошее предложение поработать за границей и попадают в уловки работорговцев.

Ключевые слова: торговля людьми, конвенция, международные и региональные организации, международное право, международные отношения, транснациональная преступность.

A.Sh. Abdibek¹ S.N. Sabikenov¹

¹Kazakh National University named after Abay, Institute Sorbonne-Kazakhstan
Almaty, Kazakhstan

THE PROBLEM OF THE TRADE OF PEOPLE AND THE USE OF SLAVERY AS A SOCIAL PHENOMENON

Abstract

This article discusses the history of the slave trade in modern society, which has deep historical roots. Modern slavery has affected people of every age or race. However, slavery often affects individuals and communities that are susceptible to exploitation. This person who lives in poverty and has no prospects for decent work. People accept a good offer to work abroad and fall into the tricks of the slave traders.

Keywords: human trafficking, convention, international and regional organizations, international law, international relations, transnational crime.

Адам саудасы және құл еңбегі адамдардың өміріне қауіп төндіреді физикалық зорлық-зомбылықпен, азаптаумен, қоқан-лоққы мен мәжбүрлеумен қатар жүретін адамдардың денсаулығы. Осындай қылмыстардың қоғамдықөмірде артуы қауіпті. Жоғарыда айтылғандардан адам саудасының қазіргі кезде, дамып келе жатқанын көруге болады өкінішке орай, ол жасырын қылмыстар рейтингінде жетекші орындардың бірін алады және сонымен қатар бүкіл әлем қауымдастығының назарын аударатын өзекті проблема болып табылады. Соңғы жылдары адам саудасына, сондай-ақ құл еңбегін пайдалануға байланысты қылмыстардың өсу тенденциясы байқалады.

Адам саудасы көбіне әлеуметтік айырмашылыққа байланысты халықтың әр түрлі топтарының жағдайы және әр түрлі аймақтар арасындағы табыс деңгейі. Жақсы өмір мен қарапайым жұмыс іздеу үшін адамдар өздерінің тұрақты мекендерін тастап кетуге мәжбүр, тұрғылықты жері, өз аймағынан, тіпті елден тыс басқа жерлерге қоныс аудару.

Құлдық – бұл белгілі бір тұлғалардың жұмыс істеуден немесе төлем алудан бас тарту құқығынсыз тағайындалуы. Тарихта көптеген елдер құлдарды көбінесе байлардың мүддесі үшін жұмыс істеуге мәжбүр етті, оларды сәнді өмір сүруге немесе кең қоғамға қызмет етуге, жолдар, ғимараттар және т.б. салуға немесе далада жұмыс істеуге, азық-түлік үшін егін өсіруге және жинауға мәжбүр етті. Өткен дәуірдің көптеген ұлы өркениеттері мен империялары олардың құлдарысыз дами алмады.

Қазіргі қоғамда құлдыққа тыйым салады, ал билік мұндай жағдайдағыларды заңсыз түрмеге түсудің құрбандары деп санайды. Бұл практика бүкіл әлемде техникалық тұрғыдан жойылғанына қарамастан, ол өзінің азғындығына және заңсыздығына қарамастан әр түрлі деңгейде қалады. 1926 жылғы Құлдық туралы конвенция, Ұлттар Лигасының бастамасы жаһандық құлдыққа тыйым салудағы бетбұрыс болды және 1948 жылы Біріккен Ұлттар Ұйымының Бас Ассамблеясы қабылдаған Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясы құлдыққа нақты тыйым салды.

2000 жылы адам саудасына қатысты жағдай трансұлттық қылмыс туралы БҰҰ конвенциясы мен оның адам саудасының алдын алу, жолын кесу және жазалау туралы қосымша протоколының, әсіресе әйелдер мен балаларды сатудың арқасында өзгерді. Бұл халықаралық акт «адам саудасы» ұғымын берді, жауапкершілікке тартудың кейбір шарттарын көрсетті, жаза тағайындау бойынша ұсыныстар жасады, осылайша мемлекеттердің адам саудасына қарсы тұру жөніндегі міндеттемелерін қарастырды [2].

Әйелдер мен балалар саудасының қазіргі жағдайы оны оқшаулауға мүмкіндік береді мақсаты бойынша ең көп таралған нысандар:

- порнографиялық материалдар шығаруға және жезөкшелікке қатысуды қоса алғанда, жыныстық қанау мақсатында адам саудасы;
- кепілдендірілген жұмыс күшімен сауда жасау;
- мәжбүрлі еңбекке сауда жасау;
- заңсыз асырап алу / асырап алу мақсатында сауда жасау;
- органдар мен тіндерді трансплантациялау бойынша сауда [3,с.117].

Осы халықаралық мәселені шешу үшін қажетті үш негізгі бағыт бойынша жүзеге асырылуы тиіс белгілі бір шаралар:

1. Қолданыстағы ұлттық заңнаманы жетілдіру.

2. Экономикалық, әлеуметтік және басқа тұрмыстық жағдайларды жақсарту және жою, адам саудасын ынталандыратын жағдайлар.

3. Құқықтар мен бостандықтарды қорғауда құқық қорғау органдарының, мемлекеттік органдардың, жергілікті өзін-өзі басқару органдарының қызметін жетілдіру және әйелдер мен балалардың заңды мүдделері.

Біріншіден, кез-келген мемлекет бұрыннан бар халықаралық конвенциялар мен шарттарды (сауда-саттыққа қарсы конвенция) сақтауға тырысуы керек адам саудасы және жезөкшелік, үшінші тұлғалардың пайдалануы, бала құқықтары туралы конвенция және басқа актілер, сондай-ақ қосымша ұлттық заңнамалық актілерді қабылдау қолданыстағы халықаралық конвенцияларға сәйкес келетін және адам саудасына неғұрлым тиімді қарсы тұру мүмкіндігін ашатын актілер [4].

Адам саудасы қауіп төндіретін сипатқа ие болғанын және заңдарды жетілдіруге бағытталған адам құқықтарын қорғауға бағытталған кешенді шараларды тез арада қабылдауды қажет ететіндігін атап өткен жөн. Адам саудасына қарсы күрес саласындағы халықаралық ынтымақтастықты кеңейту, осы қылмыстық әрекетті тудыратын көптеген әлеуметтік-экономикалық және моральдық-психологиялық факторларға әсер ету, мемлекеттік органдардың, жергілікті билік органдарының өзара әрекеті.

Сондықтан осы жағымсыз тенденциялармен күрес мемлекеттік саясатта соңғы орын алмауы керек. Қолданыстағы қылмыстық заңнамаға қосымша адам саудасы мен құл еңбегін пайдаланғаны үшін жауапкершілікті көздейтін нормалар алға жылжуы маңызды. Адамның жеке бостандығына қол сұғушылыққа қарсы қылмыстық-құқықтық күресті күшейту керек [5].

Адам саудагерлері негізінен әйелдер жұмыс істеуге мұқтаж дамушы елдерге бағытталған. Әйелдер көбінесе кедей болғандықтан, тамақ пен медициналық көмек ала алмайды. Әйелдерге күтуші немесе даяшы лауазымы ұсынылған кезде, олар бұл мүмкіндікті жиі пайдаланады.

Ер адамдар, негізінен, ауыр жұмыспен байланысты біліктілігі жоқ жұмыс үшін адам саудасының құрбаны болу қаупі бар. Сондай-ақ, жас өспірімбалалар еңбекті қанау үшін де, сексуалдық қанау үшін де сатылады.

Құлдық пен құл саудасы адамзат тарихында болған. Көптеген қоғамдар мұны өздерінің құрылымында алдын-ала білген. Құлдықтың кеңеюі көбінесе басым күш өзінің әскери тұтқындарын жаулап алу арқылы құлдарға айналдырумен империя құрудың жанама өнімі болды. Алайда, империядан империяға дейін құлдардың құқықтық мәртебесінде және олардың мемлекет құрамына кіру мақсатында айтарлықтай айырмашылықтар болды; сол сияқты, белгілі бір қоғам немесе мемлекет шеңберінде әртүрлі құлдар арасында мәртебе және мүмкіндігі кең болуы мүмкін.

Сатылатын адамдар, әдетте, мүмкіндіктері шектеулі әлемнің кедей аймақтарынан, көбінесе қашқындар, босқындар немесе басқа қоныс аударушылар сияқты қоғамның осал топтарынан келеді. Басқа елдерге кіргісі келетін адамдарды адам саудагерлері ұстап алып, шекарадан өткізіп жібергеннен кейін еркін боламыз деп ойлауы мүмкін. Кейбір жағдайларда, олар құлдарды басып алу нәтижесінде қолға түседі, бірақ бұл аз болады. Басқа жағдайларда, біз қарызын төлеу немесе табыс табу үшін балаларын саудагерлерге сата алатын ата-аналарда бар.

Адам саудасының құрбандарының көпшілігін құрайтын әйелдер. Жақсы жұмыс орындарын немесе оқу мүмкіндіктерін уәде ететін, содан кейін құрбандарын жезөкше болуға мәжбүрлейтін

ұрлаушылар қауіпі бар. Туристік және жұмыспен қамту агенттері мен делдалдары арқылы әйелдер тағайындалған жерге дейін жеткізіліп, жұмыс берушілерге жеткізіледі. Діттеген жеріне жеткенде, кейбір әйелдер өздері істейтін жұмыстың табиғаты туралы алданғанын біледі; олардың көпшілігі қаржылық тегіктер мен олардың жұмыс жағдайлары туралы өтірік айтылған; және олардың барлығы мәжбүрлеу мен зорлық-зомбылық жағдайларына тап болғанын біле бастайды.

Соңғы онжылдықта жаһандану себебінен адам саудасымен байланысты қылмыстардың санының өсуі байқалады. Бұл процесс адам саудасына бір елдің шегінде де, халықаралық шеңберде де жол ашады.

Адамдарды пайдалану үшін азғырып-көндіру, сыртқа шығару және транзит сияқты қылмыстық құқықбұзудың түрлерімен күрес халықаралық деңгейде ынтымақтаспай жүзеге асырылуы мүмкін емес, сондықтан бұл мәселелердің нормативтік реттелуін және елдердің адамдар трафигін жою жөніндегі өзара іс-қимылын қарау маңызды. Халықаралық қауымдастық құлдық пен құл саудасын заманауи түрдегі халықаралық қылмыс деп мойындады [6].

Адам құқықтарының бұзылуы жалғасуда бұл өткен нәрсе деп айтуға әлі ерте. Оны жою үшін көп күш жұмсауымыз керек. Оның үстіне құлдық көп қырлы. Оның формасы уақыт өте келе өзгеріп, әлеуметтік-экономикалық және діни мәнмәтінді көрсетеді. Адам саудасы, балалар еңбегі, қарыздық міндеттемелер, жезөкшелік пен қанаушылықты пайдалану бүкіл әлемдегі миллиондаған адамдар үшін бүгінгі күннің жасырын шындықтары болып табылады.

Қорытындылай келе, құлдық алғашқы кезеңде пайда болған адам құқығын бұзу болғанына назар аударғым келеді, халықаралық қоғамдастық ұйымдар әлі де күресуде. Адам құқықтарының бұзылуы жалғасуда бұл өткен нәрсе деп айтуға әлі ерте. Оны жою үшін көп күш жұмсауымыз керек.

Пайданылған әдебиеттер тізімі:

1 Кевин Бейлз., *Қолда бар адамдар. Әлемдік экономикадағы жаңа құлдық. Калифорния Пресс Университеті, 2000 ж. – 102-107 б.*

2 *Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясы БҰҰ Бас Ассамблеясының 1948 жылғы 10 желтоқсандағы 217 (III) қарарымен қабылданған.*

3 Буряк М.Ю. *Правовая борьба с перемещениями женщин и детей: сравнительно правовой анализ. // Злочини проти особистен волі людини: Збірник матеріалов к семинару (Харюв, 19-20 вересня 2000 р.). Харкюв, 2002. – С. 117-124.*

4 Гольдин Г.Г., Терновая Л.О. *Международная организация труда: столетний опыт регулирования социально-трудовых отношений стр.3-5.*

5 Daudin, Guillaume, 2004. *"Прибыльность работорговли и торговли на большие расстояния в контексте: пример Франции XVIII века." Журнал экономической истории.*

6 Miller, John R. 2006. *Работорговля: Борьба с торговлей людьми. Harvard International Review, 27.4.*

УДК 327
МРНТИ 11.25.

A.M. Kussainova¹, L.S.Kalibekova¹

*¹L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Nur-Sultan, Kazakhstan*

LEGAL FRAMEWORK OF KAZAKH-FRENCH RELATIONSHIP IN HUMANITARIAN SPHERE

Abstract

The article is devoted to the analysis of the legal framework for cooperation in the humanitarian sphere between the Republic of Kazakhstan and France. Cooperation in the field of culture and education between Kazakhstan and France is developing consistently and on the basis of mutual interest. France, as a leading European power, with a rich political and humanitarian experience, being the capital of world art, has become a model for other countries, and for Kazakhstan in particular. France attaches particular importance to its cultural determinant and is interested in expanding its international contacts in this area. The article discusses the gradual signing of bilateral treaties and agreements between Kazakhstan and France in the field of culture and education, their significance and practical implementation. Perspective agreements were noted, namely the possibility of signing a pact of friendship and cooperation between the two capitals, Paris and Nur-Sultan, in the current 2021. This legal act would bring bilateral cooperation to a qualitatively new level in such areas as economy, culture, education and democratic development.

Keywords: Kazakhstan, France, humanitarian sphere, cultural cooperation, education, agreement

A.M. Кусаинова¹, Л.С. Калибекова¹

*¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Нұр-Сұлтан, Қазақстан*

ГУМАНИТАРЛЫҚ САЛАДАҒЫ ҚАЗАҚСТАН-ФРАНЦУЗ ҚАТЫНАСТАРЫНЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ НЕГІЗДЕРІ

Аңдатпа

Мақала Қазақстан Республикасы мен Франция арасындағы гуманитарлық саладағы ынтымақтастықтың шарттық-құқықтық базасын талдауға арналған. Қазақстан мен Франция арасындағы мәдениет және білім беру саласындағы ынтымақтастық дәйекті түрде және өзара мүдделілік негізінде дамуда. Франция жетекші еуропалық держава ретінде, бай саяси-гуманитарлық тәжірибесі бар, әлемдік өнердің астанасы бола отырып, басқа елдер үшін, атап айтқанда Қазақстан үшін үлгіге айналды. Франция өзінің мәдени детерминантына ерекше мән береді және осы саладағы халықаралық байланыстарын кеңейтуге мүдделі. Мақалада Қазақстан мен Франция арасындағы мәдениет және білім беру саласындағы екіжақты шарттар мен келісімдерге кезең-кезеңімен қол қою, олардың маңызы мен практикалық іске асырылуы қарастырылады. Перспективалы уағдаластықтар атап өтілді, атап айтқанда ағымдағы 2021 жылы екі астана, Париж және Нұр-сұлтан арасындағы достық пен ынтымақтастық туралы пактіге қол қою мүмкіндігі атап өтілді. Бұл құқықтық акт экономика, мәдениет, білім беру және демократиялық даму сияқты бағыттар бойынша екіжақты өзара іс-қимылды сапалы жаңа деңгейге шығарар еді.

Түйінді сөздер: Қазақстан, Франция, гуманитарлық сала, мәдени ынтымақтастық, білім, келісім.

Калибекова Л.С.¹, Кусаинова А.М.¹

¹Евразийский национальный университета имени Л.Н.Гумилева,
г. Нур-Султан, Казахстан

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КАЗАХСТАНСКО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ

Аннотация

Статья посвящена анализу договорно-правовой базы сотрудничества в гуманитарной сфере между Республикой Казахстан и Францией. Сотрудничество в области культуры и образования между Казахстаном и Францией развивается последовательно и на основе обоюдной заинтересованности. Франция как ведущая европейская держава, с богатым политико-гуманитарным опытом, будучи столицей мирового искусства, стала образцом для других стран, и для Казахстана в частности. Франция придает особое значение своей культурной детерминанте и заинтересована в расширении своих международных контактов в этой сфере. В статье рассматривается поэтапное подписание двусторонних договоров и соглашений между Казахстаном и Францией в сфере культуры и образования, их значение и практическая реализация. Отмечены перспективные договоренности, а именно возможность подписания пакта о дружбе и сотрудничестве между двумя столицами, Парижем и Нур-Султаном, в текущем 2021 году. Данный правовой акт вывел бы на качественно новый уровень двустороннее взаимодействие по таким направлениям, как экономика, культура, образование и демократическое развитие.

Ключевые слова: Казахстан, Франция, гуманитарная сфера, культурное сотрудничество, образование, соглашение.

After the independence of the Republic of Kazakhstan, the new state faced many problems. The establishment of strong foreign policy ties has become a priority for our country, and all the forces of the young Kazakh diplomacy have been directed to the solution of this task. During the first few years of independence, Kazakhstan was recognized as a sovereign state by most countries of the world. Thus, the Republic of Kazakhstan quickly and firmly entered the world community. Since the first day of independence, the political circles of Kazakhstan have realized that foreign policy should be multi-vector. On the basis of this principle, the concept of Kazakhstan's foreign policy began to be formed. Already in the first concept document "Strategy for the formation and Development of Kazakhstan as a sovereign state" in 1992, President Nazarbayev noted that the policy of joining the world community should be built taking into account the correct assessment of Kazakhstan's partnership opportunities. The three main centers of the market system: the United States, Japan, and Western Europe, meaning that they acted as an incentive for the intensification of world economic relations.

Thus, having laid a solid foundation for the implementation of bilateral and multilateral relations with the countries of the world, Kazakhstan began to enter the world community. From the very beginning of the foreign policy formation of sovereign Kazakhstan, great importance was attached to the European vector. This is due to the high degree of economic and political integration in the region. Kazakhstan's main partners in Europe were initially the United Kingdom, Germany and France. Among the three countries mentioned above, France occupies a special place - as an active political and economic player on the European continent. By its status on the international stage, France is one of the most influential world powers. At the current stage, the French Republic is one of the five permanent members of the UN Security Council, has an independent nuclear potential at its disposal, and is one of the seven most developed industrial states. This country is represented at a high level in the main political and financial institutions, and is also an active member of the European Union [1, p. 21].

The cultural relations between Kazakhstan and France go back to 1925, when the young singer Amre Kashaubayev received universal recognition at the vocal competition at the World Exhibition in Paris. According to reports, recordings of Amre Kashaubayev's voice were stored on magnetic tape in the M.Shokay house-museum in Nogent-sur-Marne until 1950. After the creation of the museum, the

fate of these records is unknown. In 1991, an agreement was signed on the annexation of the cities of Alma-Ata and Ren [2].

But the official beginning of cooperation is the signing of two documents : the Agreement on Cooperation in the field of Culture and Art (from 1993) and the Agreement on Cooperation between the National Academy of Sciences of Kazakhstan and the National Center for Scientific Research of France (from 1994) [3]. These two agreements are developed on the basis of the Treaty of Friendship, Mutual Understanding and Cooperation from 1992. These documents indicate that the exchange and cooperation in the field of culture will contribute to a better understanding between the two peoples. The Treaty of Friendship, Mutual Understanding and Cooperation of 1992 states that “Each of the Parties tries to better familiarize its population with the scientific, technical and cultural achievements of the other Party and, in this regard, promotes the distribution of books, newspapers and magazines of the other Party”. The Parties will make efforts to provide all interested persons with the opportunity to study the language, culture, literature and history of their countries. In order to ensure better mutual understanding between the peoples of the Republic of Kazakhstan and the French Republic, the Parties develop cooperation in the field of mass media. The Contracting Parties promote contacts between the citizens of both countries, in particular, contacts between the youth of France and Kazakhstan. They also promote cooperation in sports and tourism. The parties contribute to the development of joint programs that determine priority areas of cooperation and exchange in the field of culture, science and technology and, with the participation of the responsible authorities of both countries, determine specific ways to implement them [4].

Thus, the main areas of cooperation in the field of culture were identified: participation in cultural events, cooperation in the field of literature, cinema, music, dance, theater through the exchange of artists and participation in shows, film festivals and other sympathies, in order to promote the creation and functioning of cultural institutions. Cultural and humanitarian relations between Kazakhstan and France have a long tradition. Cultural cooperation between the two countries is growing every year.

The next important sector of the humanitarian sphere is science and education. Unfortunately, if relations in the field of culture and art began to develop in 1992, then in the field of education, began only in 2013. A solid basis for further strengthening cooperation in the field of education was laid by the Intergovernmental Agreement on Cooperation in the Spheres of Higher Education and Research, signed on March 1, 2013 during the visit of French Foreign Minister L. Fabius to Astana (entered into force on April 4, 2016) [5]. The purpose of this agreement was to assist in the exchange of skills, improvement of knowledge and intellectual development. This agreement has opened the doors of knowledge and development to many students and universities. Since, now there is an opportunity for academic exchange of students in higher and postgraduate education programs, teachers, researchers and specialists. Kazakhstan can also not only send, but also attract teachers and experts to give lectures, as well as students [6].

In the same year, on September 17, during the visit of the Minister for Francophonie to Almaty, an Agreement was signed on the establishment of the Sorbonne-Kazakhstan University on the basis of the Abai KazNPU.

On November 5, 2015, during the visit of the Head of State N. Nazarbayev to France, a Joint Declaration of the Minister of Education and Science of the Republic of Kazakhstan and the Minister of Higher Education and Science of the Ministry of National Education, Higher Education and Science of the French Republic was signed, which provides for the development of scientific cooperation and cooperation in the field higher education, including in the field of vocational training.

On March 16, 2017, an Agreement on bilateral cooperation was signed between the Al-Farabi Kazakh National University and the Sorbonne University Paris-Cité 7 Didrot, which provides for the development and implementation of joint educational programs with the award of a double degree, joint research activities, exchange of students and teachers, mutual scientific internships [5].

The largest projects at the moment are “Tempus” and “Erasmus” – this is a direct cooperation between French and Kazakh educational institutions on the basis of agreements with the possible

participation of French enterprises that can provide financial and material support. Many students and teachers were able to receive funding from France and gained invaluable experience.

It is also worth noting a similar national program to these two - the “Bolashak” program. Within the framework of the Bolashak international scholarship, France cooperates with Kazakhstan in the following areas and specialties: aviation and space technologies; summer operation of aircraft; biotechnology and bioengineering; geography, geology; information technology, information security; environmental protection; mathematics, physics, astronomy, chemistry; healthcare; finance, economics; law; linguistics, philology, translation; art management, design, painting; music, theater, film, and directing.

A candidate who has chosen France as the place of study can choose one of the French universities that are connected with Kazakhstan under the “Bolashak” program. These include the national school of administration (ENA), Institute of political studies (Paris), L'université d'aix-Marseille I, University of Lorraine (L'université de Lorraine), and Montpellier 2 University (Université Montpellier 2), University of Paris 5 (Université Paris 5 René Descartes), University of Paris VII named Denis Diderot (Université Paris Diderot), University of Toulouse (Université de Toulouse) and the University of Strasbourg (l'université de Strasbourg). In addition, scientific exchange and work on double degree systems are actively developing [7].

Last year, on November 23, 2020, with the assistance of the Embassy of the Republic of Kazakhstan in France, an online ceremony of signing a cooperation agreement between the International University of Tourism and Hospitality (Turkestan, Kazakhstan) and the University of Angers (Zemly Loire region, France) took place. The document provides for the exchange of students, faculty for the purpose of teaching, research and exchange of experience, as well as holding joint conferences, seminars in the development of the tourism and hospitality industry. Special attention was paid to the issue of conducting language courses for future specialists. Opening the event, the Ambassador of the Republic of Kazakhstan to France Zhan Galiev noted that cooperation between the two countries in the fields of tourism and education is one of the priorities of our strategic partnership [8].

One more interesting and important aspect of humanitarian cooperation between France and Kazakhstan is cinematography. The Agreement between the Ministry of Culture of the Republic of Kazakhstan and the Ministry of Culture and Communication of the French Republic on cooperation in the field of cinematography was signed in Paris on October 27, 2010 by Presidents Nursultan Nazarbayev and Nicolas Sarkozy. Cinema will serve as another impetus for achieving cultural exchange. The first cooperation with France in the field of cinematography began in 1998, when the Kazakh-French film “Killer” directed by Darizhan Omirbayev was shot. Then the film was presented at the Cannes Film Festival in the same year. The next joint film was the film “Ulzhan” filmed in 2007 and presented at the 60th Cannes International Film Festival [6]. The Kazakhstan Film Festival “Eurasia” is a conduit for the promotion of domestic cinematography to the international arena. At the 2010 film festival, the out-of-competition program was “French cinema today” organized by the Association of Cinematographers “Unifrance”. Largely thanks to “Unifrance”, French cinema has firmly entered the repertoire of Kazakhstani cinemas. Thus, within the framework of bilateral cultural cooperation between France and Kazakhstan, cinema is an active and promising area of interaction.

On December 21, 2020, within the framework of cooperation, the Ambassador of Kazakhstan to France Jean Galiyev met with the Deputy Mayor of Paris for International Relations and Francophonie Arnaud Ngatcha and Diplomatic Advisor to the Mayor of the French capital Paul-David Rainier. The interlocutors discussed issues of cooperation in the spheres of economy, culture, education and democratic development. At the meeting, it was proposed to consider the possibility of signing a Pact of friendship and cooperation between the two capitals, which could include all the above areas of interaction. The vice-mayor's special attention was drawn to cultural initiatives of Kazakhstan. In the mutual opinion of the parties, culture is the best conductor that allows people to draw closer together, to strengthen the bonds of friendship between countries. An agreement was reached to hold a number of events in Paris in 2021 within the framework of the celebration of “Nauryz” and the annual project of the Embassy “Kazakhstan Autumn in France” [9].

Thus, we see that the humanitarian cooperation started in 1993 continues to develop to this day, and the development prospects are also obvious. Cooperation in the field of culture, science and education between Kazakhstan and France is one of the priority areas in bilateral relations. This cooperation is

developing intensively and fruitfully. It should be noted that in this area, the French Republic is more actively fulfilling the tasks that are defined in the fundamental documents of this cooperation. This applies to the study and dissemination of the French language, the provision of scholarships to students studying French, and the provision of opportunities for them to study at universities in France.

List of references:

1. Nazarbayev N. A. *Strategy of formation and development of Kazakhstan as a sovereign state.* - Alma-Ata: RGZHI "Dauir", 1992. - 21 p.
2. Vladimirov V. *Bez antrakta. Iz francuzkih tetradei.* – Alma-Ata: Zhalyn, 1977. – 140 s.
3. *Relations between Astana and Paris are considered the most fruitful today.* http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31111712 (Accessed: 10.01.2021).
4. *Agreement on Friendship, Mutual Understanding and Cooperation between the Republic of Kazakhstan and the French Republic. Paris, September 23, 1992* // http://kazakhstan.news-city.info/docs/sistemso/dok_perwbb.htm (Accessed: 10.01.2021).
5. *Official website of the Ministry of Foreign Affairs* / <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-paris/activities/1730?lang=ru>.
6. Алауханова А.Е., Чумаченко Т.Н. *Культурно-гуманитарное сотрудничество Казахстана и Франции* // *Вестник КазНПУ им. Абая – Алматы, 2015* / <https://articlekz.com/article/19165>.
7. *Accord entre le gouvernement de la République française et le gouvernement de la République du Kazakhstan sur la coopération dans le domaine de l'éducation, de l'enseignement supérieur et de la recherche, Astana 2013* // http://www.culturefrance.kz/IMG/pdf/Accord_Signe_FR_mar13.pdf.
8. *Подписано соглашение о сотрудничестве между университетами туризма Казахстана и Франции* / <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-paris/press/news/details/126481?lang=ru>.
9. *Нур-Султан и Париж: новые возможности сотрудничества* / <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-paris/press/news/details/139002?lang=ru>.

УДК 341.21
МРНТИ10.87.21

Дузенова Л.А.¹ Абрешева С. М.¹

¹КазНПУ им. Абая, Институт Сорбонны-Казахстан
г. Алматы, Казахстан

ЗАЩИТА ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В КВЕБЕКЕ

Аннотация

В данной статье рассматривается понятие общественного порядка, применяемое к процессуальному праву провинции Квебек и его отличительные особенности от законодательства англо-саксонской части Канады и сравнение с классическим пониманием общественного порядка в обществе, так как его понятие изменилось со временем и приобрело характер, который, возможно, исказил и видоизменил классическое понимание общественного порядка такой какой существует во многих западных странах; он в значительной степени превратился в правовой порядок исполняющий защитные функции. Разумеется, некоторые принципы и нормы имеют определенную конституционную или законодательную основу, однако сторона в споре часто может отказаться от такой защиты, и судья может приостановить ее применение.

Ключевые слова: Суд, общественный порядок, Квебек, Гражданский процессуальный кодекс, противоречивый принцип, Принцип *ultra petita*, процессуальное право, принципы, правила, судебная практика, относительная ничтожность, обязательное обеспечение общественного порядка, Канадская хартия прав и свободы, гражданский процесс, профессиональная тайна, истец, ответчик.

Л.А. Дузенова¹ С.М. Абрешева¹

¹Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты
Алматы қ., Қазақстан Республикасы

КВЕБЕКТЕ ҚОҒАМДЫҚ ТӘРТІПТІ ҚОРҒАУ

Аңдатпа

Мақалада ұғымы қоғамдық тәртіп қолданылатын қосымша іс жүргізу құқығы провинция Квебек және оның ерекшеліктері заңнамасына англо-саксондық бөлігін Канада және салыстыру классикалық түсіністікпен қоғамдық тәртіпті қоғамда, себебі оның түсінігі өзгерді уақытпен сатып алды сипаты, ол, бәлкім, исказил және видоизменил классикалық түсіну қоғамдық тәртіпті неше көптеген батыс елдерінде; ол едәуір дәрежеде айналды құқықтық тәртібі атқарушы қорғаныш функциялар. Әрине, кейбір принциптер мен нормалар бар белгілі бір конституциялық немесе заңнамалық негізін, алайда тарап дауда жиі бас тартуы мүмкін, мұндай қорғау, және судья тоқтата алады оны қолдану.

Түйін сөздер: Сот, қоғамдық тәртіп, Квебек, Азаматтық іс жүргізу кодексі, даулы қағида, ультра петита қағидасы, іс жүргізу құқығы, қағидаттары, ережелері, сот практикасы, салыстырмалы күштілік, міндетті қоғамдық тәртіп, Канаданың құқықтары мен бостандықтары хартиясы, азаматтық іс жүргізу, кәсіби құпия, талапкер, сотталушы.

Duzenova L.A.¹, Abresheva S. M.¹

¹*Kazakh National Pedagogical University named after Abay,
Institute Sorbonne-Kazakhstan*

PUBLIC ORDER IN QUEBEC PROCEDURAL LAW

Abstract

This article examines the concept of public order, applied to the procedural law of the province of Quebec and its distinctive features from the legislation of the Anglo-Saxon part of Canada and comparison with the classical understanding of public order in society, since its concept has changed over time and acquired a character that may distorted and modified the classical understanding of social order such as exists in many Western countries; it has largely turned into a protective legal order. Of course, some principles and norms have a certain constitutional or legislative basis, but a party to a dispute can often refuse such protection, and the judge can suspend its application.

Keywords: Court, public order, Quebec, Code of civil procedure, the contradictory principle, The principle of ultra petita, procedural law, principles, rules, case law, relative nullity, mandatory public order provision, the Canadian Charter of Rights and Freedoms, civil litigation, professional secrecy, plaintiff, defendant.

Общественный порядок и общественная безопасность - суть два понятия, которые достигаются, прежде всего, четко налаженной построенной на научных основах деятельности служб общественной безопасности. Чтобы обеспечить высокую эффективность и качество организации охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, необходимо иметь глубокие теоретические знания, изучить действующее законодательство.

Общественный порядок в широком смысле понимается как все связи и отношения в обществе, весь строй то есть совокупность всех социальных связей и отношений, складывающихся под воздействием всех социальных форм, в отличии от правопорядка, включающего лишь отношения, регулируемые нормами права. Из этого следует, что общественный порядок, как более широкая категория, включает в себя и правопорядок.

Изучая данную тематику, было бы интересным изучить опыт зарубежных стран. Общественный порядок в городе Квебек, Канады, по нашему мнению, имеет определенную схожесть с казахстанским законодательством в плане организации, но и есть существенные

различия и интересные подходы, как к понятийному аппарату, так и роли суда в обеспечении общественного порядка.

В Квебеке, управление правом порядком включает в себя ограниченный набор нематериальных принципов и правил, в то время как порядок защиты права охватывает более широкий набор гибких правил. Понятие общественного порядка, несомненно, является одним из понятий, которым, как представляется, дорожат законодатели Квебека, поскольку ставят в центр некоторые основные положения гражданского и судебного права. Однако в нем не дается никакого определения, и в прецедентном праве редко предпринимается попытка дать определение или уточнить его основные характеристики. Апелляционный суд в решении 1967 года заявил: что понятие общественного порядка по своей сути относительное и изменчивое, невозможно, в отсутствие явного проявления воли законодателя, установить точные правила и определения, которые позволили бы сказать, какие из положений процессуального кодекса являются общественным порядком. Похоже, что лучшее, что можно сделать в этом отношении, – это измерить объем предлагаемого положения и попытаться определить мотив, который побудил законодательный орган ввести его в действие данное видение общественного порядка. Хотя можно сделать вывод, что положение мотивировано желанием защитить некоторые общие и высшие интересы отправления правосудия, мы скажем, что это и является общественным порядком [1, с.367,380]. Понятие данное судом правом порядком не может быть подвержено сомнению: ««Понятие общественного порядка не является неизменным. И не в каждом контексте могут быть одни и те же критерии так как в каждом обществе существуют свои критерии и требования». [2, с.332,334] Вопрос о том, каким должен быть общественный порядок и как решаются судами принимая во внимание ценности и эволюцию общества». По мнению Апелляционного суда, публичный порядок в Квебеке не ограничивается ценностями, охраняемыми уставами или обычным законодательством. Иными словами, это не просто свод законов, и поэтому не только законодатель должен определять его содержание. Общественный порядок также является процессуальным по своему определению. Суды обязаны санкционировать и формировать его с учетом основных ценностей общества в данный момент его развития [3, с.253]. Высший суд хорошо выражает эту изменчивую и несколько зыбкую реальность канадского общества: общественный порядок – это прежде всего социальные и общие интересы; однако это понятие социального интереса не статично, оно призвано меняться во времени и пространстве. Иногда судам легко установить, что-то или иное конкретное положение или закон является вопросом публичного порядка. Когда парламент принимает запретительное положение, он устанавливает свою "концепцию публичного порядка, которая должна превалировать или превалировать в обществе, которое он регулирует". В этих случаях Суд первой инстанции разбирает дело, даже не задумываясь о его содержании, его определении [4, с.63,73]. Современная юриспруденция и доктрина ослабили строгость классической концепции общественного порядка, проводя различие между политическим общественным порядком и экономическим общественным порядком, управлением общественным порядком и защитой общественного порядка [5, с.259,453]. Из этого следует, что то, что было существенной особенностью классической теории общественного порядка, а именно абсолютная недействительность, которая была установлена в момент нарушения, более не присутствует, когда обвиняемый может отказаться от защитного положения или, когда судья, по своему усмотрению может приостановить его применение или последствия нарушения, которые являются лишь относительно оспариваемые [6, с.79.486]. Изучение квебекского законодательства позволит нам лучше понять систему публичного порядка французской части Канаде и узнать её особенности.

По нашему мнению, такое расширение понятия общественного порядка несколько исказило его. Это в полной мере относится к процессуальному праву. С того момента, когда сторона (истец) в споре может отказаться от какого-либо положения акта или может считаться отказавшейся от него, поскольку он или она не сослались на него своевременно, мы считаем, что трудно говорить об обязательном обеспечении публичного права. Аналогичным образом, если судья имеет право освободить ответчика от строгого применения какого-либо положения, то трудно говорить о положении публичного порядка, несоблюдение которого должно быть заявлено заранее в суде по собственной инициативе истца. Это искажение классического общественного порядка,

возможно, не так драматично, как можно было бы подумать. Обратите внимание, что в Канаде и Квебеке хартии прав закрепили в конституции определенные принципы и правила, поэтому они фактически считаются регулирующими общественный порядок. Отметим, в частности, статью 7 Канадской хартии прав и свобод, которая гласит: «Каждый человек имеет право на жизнь, свободу [7, с.8-9] и личную неприкосновенность; это право может быть нарушено только в соответствии с принципами фундаментальной справедливости. "В Квебеке в разделах 23 и 34 Хартии прав и свобод человека [8, с.9] говорится: Каждый человек имеет право, на основе полного равенства, на публичное и беспристрастное рассмотрение его дела независимым и беспристрастным судом, независимо от того, идет ли речь об определении его прав и обязанностей или о существовании любого выдвинутого против него обвинения. Каждый имеет право быть представленным адвокатом или на помощь адвоката в любом суде. Эти положения имеют общий характер и применяются к гражданским, уголовным и административным разбирательствам. То же самое относится к статье 9 этой хартии, которая закрепляет профессиональную тайну в следующих условиях: Каждый имеет право на профессиональную тайну. Любое лицо, связанное законом с профессиональной тайной, и любой священник или другой министр по делам религии не может, даже в суде, разглашать какую-либо конфиденциальную информацию, раскрытую им в силу их положения или профессии, за исключением случаев, когда это разрешено лицом, доверившимся им, или в соответствии с прямым положением закона. Суд должен по своей собственной инициативе обеспечить соблюдение профессиональной тайны. Право ссылаться в судах на профессиональную тайну это публичный порядок, даже если лицо, полагающееся на него, должно продемонстрировать судье, что речь идет о конфиденциальном раскрытии информации, полученной специалистом при осуществлении своей профессиональной деятельности.

В отношении гражданского процессуального права. Сфера охвата концепции публичного порядка представляется весьма широкой. Доктрина и даже прецедентное право, безусловно, предусматривают, что все законы, касающиеся отправления правосудия, являются публичными [9, с.79]. Однако такое заявление вводит в заблуждение, поскольку статья 2 Гражданского кодекса [10, с.48] гласит: Процессуальные нормы, закрепленные в настоящем Кодексе, направлены на установление закона и обеспечение наказания за него; и, если не предусмотрено иное, несоблюдение требований, не носящих публичного характера, повлияет на судьбу ходатайства только в том случае, если оно не было изменено или исправлено, когда это было возможно. Эти положения должны толковаться поодиночке и, насколько, это возможно, таким образом, чтобы способствовать нормальному ходу разбирательства, а не затягивать или прекращать их преждевременно. Поэтому публичные положения Кодекса являются исключением. Согласно прецедентному праву, согласно статье 2, допустимо исправить несоблюдение процессуальных правил, за исключением тех, которые относятся к общественному порядку, императиву или основополагающему с точки зрения недопущения каких-либо исключений. Это судебное право отвергает формализм или теорию недействительности информации [11, с.555,558]. Сложность в этом контексте заключается в квалификации положений, которые будут или не будут рассматриваться как относящиеся к общественному порядку. Верховный суд недавно напомнил, что «любой необоснованный формализм отменен, обязательные положения Кодекса должны соблюдаться, а разумно соблюдаемая процедура остается дополнительной гарантией уважения прав истца [12, с.8]". Апелляционный суд без колебаний заявил, что в своих решениях Верховный суд предостерегает "от узкого или строгого толкования Гражданского Процессуального Кодекса, которое затягивает или преждевременно прекращает деятельность судебного процесса [13, с.583,586].

С одной стороны, мы попытаемся отразить некоторые принципы, изложенные в Кодексе, которые считаются принципами публичного порядка. Во-вторых, мы попытаемся выявить нарушения или, точнее, положения, которые привели к возникновению ситуаций, которые некоторые люди считают нарушением или неуважением Кодекса, но которые, по правде говоря, не считаются нарушением общественного порядка.

Принцип состязательности. Этот принцип закреплен в статье 5 Кодекса, которая гласит: может быть оглашен по законному требованию без заслушивания или вызова стороны, против которой он сформирован».

Этот принцип требует, чтобы запрос был сделан, причем термин «запрос» рассматривался как общий термин. Однако это не обязательно дает право на устное слушание, но требует, чтобы предъявленный иск или средство правовой защиты были надлежащим образом удовлетворены. Этот принцип защищает не только ответчика, которому немедленно предъявили иск, но и третьих лиц, права которых, как известно, напрямую затрагиваются запрошенным решением. Этот отказ от вовлечения заинтересованной стороны имеет принципиальное значение и может быть подан только при подаче апелляции. Принцип состязательности требует, чтобы суд справедливо заслушал стороны в споре и дал им возможность исправить или опровергнуть любое соответствующее заявление, наносящее ущерб их точке зрения. Вопреки тому, что некоторые, кажется, предполагают, статья 5 Кодекса лишь устанавливает принцип применения в судах, к которым применяется Кодекс; это не правило *audialterampartem*, применимое ко всем административным или квазисудебным трибуналам, дополнительно закрепленное в разделе 23 Хартии Квебека.

Принцип ultra petita. Принцип общественного порядка заключается в том, что суд не должен выходить за рамки выводов, к которым стремится истец или ответчик. По мнению Апелляционного суда, «общественный порядок требует, кроме того, чтобы прения ограничивались тем, о чем просит истец [14, с.220,254].

В заключении, по нашему мнению все же, классическое понятие общественного порядка было несколько искажено в некоторых отношениях с того момента, как оно было расширено до того, что было названо «защита общественного порядка». По общему признанию, это ограниченный общественный порядок, поскольку упомянутые положения не являются абсолютными или абсолютно обязательными. Это положения о процессуальной защите, от которых сторона в судебном процессе может отказаться, или положения, применение которых судья может приостановить, или, от которых он может отказаться применять санкции. Даже если эти положения носят конституционный характер, поскольку они содержатся в хартии прав, идея общественного порядка защиты, однако, не бесполезна. То, что может рассматриваться как общественный порядок, – это право стороны в судебном разбирательстве ссылаться на положение о защите; это право должно быть санкционировано судом. Однако можно допустить, что истец не может ссылаться на это право или отказываться от него. Точно так же можно предположить, что на несоблюдение защитного положения нельзя ссылаться, если оно не причиняет никакого ущерба. С точки зрения процессуального права следует различать два правового режима общественного порядка. Управление режимом общественного порядка касается положений, которые являются абсолютными, нематериальными; это также относится к определенным общим принципам права, таким как принцип состязательности и принцип сверх малости. Кроме того, режим защиты общественного порядка, включает положения или принципы, или более гибкие правила.

Все выше изложенное, предполагает вопрос, действительно ли полезно квалифицировать процессуальные нормы общественного порядка, которые не носят абсолютного характера. Факт подтверждения того, что положение или правило является общественным порядком, показывает его важность как элемента защиты стороны в судебном процессе в зачастую сложном лабиринте судебной процедуры гражданского права.

Список использованной литературы:

1. *Les Cahiers de Droit*, vol. 40, n° 2, juin 2019, pp. 367-380 (2019) 40 *Les Cahiers de Droit* pages 367.
2. *Mongrain c. Auger*, [1999] B.R. pp.332, 334.
3. *Condominiums Mont St-Sauveur inc. c. Construction Serge Sauvé Itée*, [2019] R.J.Q. 2783, 2789 (C.A.) pp 253-278.
4. *Godbout c. Longueuil (Ville de)*, [1995] R.J.Q. 2561,2570 (C.A.)pp 163 ; aussi *Brasserie Labatt Itée c. Villa*, [1995] R.J.Q. 73, 79 (C.A.) pp 98.
5. *Sumner Sports Inc. c. Pavillon chasse et pêche (440) inc.*, [1987] R.J.Q. 2467,2475 (C.S.); *Banque Royale du Canada c. Caisse populaire de Rock Forest*, [1992] R.J.Q. 987 (C.S.). pp259-453.

6. J.-L. BAUDOUIN, *Les obligations*, 4e éd., Cowansville, Éditions Yvon Blais, 1993, p. 79 et suiv. *Belgo-Fisher (Canada) Inc. c. Lindsay*, [1988] R.J.Q. 1223 (C.A.). 6. *Garcia Transport Itée c. de Trust Royal*, [1992] 2 R.C.S. 499, 529, pp 458-486

7. *Charte canadienne des droits et libertés, partie I de la Loi constitutionnelle de 1982 [annexe B de la Loi de 1982 sur le Canada (1982, R.-U. c. 11)]*, art. 24 (ci-après citée: « Charte canadienne ») pages 8-12.

8. *Charte des droits et libertés de la personne*, L.R.Q., c. C-12 (ci-après citée: «Charte québécoise») pages 9.

9. J.-L. BAUDOUIN, *op. cit.*, note 5, n° 102, p. 79; *MacEachem c. Margaritis*, [2018] B.R. 481 ; *National Gypsum Co. c. Northern Sales Ltd.*, [2019] R.C.S. p 144.

10. *Code de procédure civile*, L.R.Q., c. C-25 p 48.

11. *Vachon c. Québec (Procureur général)*, [1979] 1 R.C.S. 555, 561 ; *Hamel c. Brunelle*, [1977] 1 R.C.S. 147, 153 ; voir aussi F. CHARRETTE, « Du formalisme procédural : une critique de l'article 2 du Code de procédure civile », (1994) 39 R.D. McGill 263. p558.

12. *Québec (Communauté urbaine) c. Services de santé*, précité, note 13. Pages 8.

13. *Crawford c. Fitch*, [1980] C.A. pp 583, 586.

14. *Vachon c. Québec (Procureur général)*, précité, note 12 ; *Crevier c. Québec (Procureur général)*, [2020] 2 R.C.S. pp 220 ,254.

УДК 321.01
МРПТИ 11.01.67

Zholumbetov Ye.M¹, Onuchko M.Yu¹, Zhanpeisova K.D.¹

*¹Department of Political Science, L.N.Gumilyov
Eurasian National University
Almaty, Kazakhstan*

PROBLEMS AND PROSPECTS OF TOURISM DEVELOPMENT IN KAZAKHSTAN: POLITICAL AND LEGAL ASPECT

Abstract

This article examines the main problems of state regulatory and legal regulation and economic protectionism of tourism as a fairly new and developing industry in Kazakhstan. In modern conditions, the development of the world economy is due to the emergence of increasingly new realities of doing business, which in their own way affect the development of individual economic structures. The formation of favorable conditions for the development of the national economy and the politico-legal approach of individual countries, to change the view of consumer preferences in the area of provision of leisure and recreation, increasing the availability of tourist services to a certain extent, affected the growth of tourist flow in the world, which is reflected in economic, social, innovative and other aspects of the development of the market of tourist services not only developed countries but also developing. In the practice of foreign countries, there are significant benefits to the state from investing in the development of the tourism sector. The current tourism as the main social and economic phenomenon at the present stage has had a positive impact on the development of the economy of many countries. Today, tourism based on a solid legal framework has a significant impact on the formation of the gross domestic product and strengthening the trade balance of countries and has a significant place in the process of creating new jobs and enhancing local employment.

Key words: tourism, state policy in the field of tourism, state support for tourism, domestic tourism, state legal regulation.

Е.М. Жолумбетов¹, М.Ю. Онучко¹, К.Д. Жанпеисова¹

¹Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Саясаттану кафедрасы
Алматы қ., Қазақстан

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ТУРИЗМДІ ДАМУ МӘСЕЛЕЛЕРІ МЕН ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ: САЯСИ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

Аңдатпа

Бұл мақалада Қазақстанның жаңа және дамып келе жатқан саласы ретіндегі туризмнің мемлекеттік нормативтік-құқықтық реттеу және экономикалық протекционизмнің негізгі мәселелері қарастырылған. Қазіргі жағдайда әлемдік экономиканың дамуы өз тарапынан экономикалық құрылымдардың дамуына әсер ететін кәсіпкерлік жүргізудің жаңа болмыстардың көбеюіне байланысты. Жекелеген дамыған мемлекеттердің ұлттық экономикасы мен саяси-құқықтық көзқарасын дамыту үшін қолайлы жағдайларды қалыптастыруы, бос уақыт өткізу және демалыс қызметтерін ұсыну саласындағы тұтынушылық преференциялар перспективасының өзгеруі, туристік қызметтердің қол жетімділігінің артуы белгілі бір дәрежеде әлемдегі туристік ағымның өсуіне әсер етті, бұл дамыған мемлекеттердің ғана емес, сонымен бірге дамушы елдердің туристік қызметтер нарығын дамытудың экономикалық, әлеуметтік, инновациялық және басқа аспектілеріне әсер етті. Шет елдердің тәжірибесін есепке ала отырып, мемлекет үшін туризм саласын дамытуға қаражат салудан айтарлықтай пайда байқалады. Қазіргі туризм негізгі әлеуметтік және экономикалық құбылыс ретінде көптеген елдердің экономикасының дамуына оң әсер етті. Бүгінгі таңда тұрақты нормативтік-құқықтық базаға негізделген туризм жалпы ішкі өнімнің қалыптасуына айтарлықтай әсер етеді және елдердің сыртқы сауда балансын нығайтады, сондай-ақ жаңа жұмыс орындарын құру және жергілікті халықтың жұмыспен қамтылу деңгейін арттыру процесінде маңызды орынды алып отыр.

Түйін сөздер: туризм, туризм саласындағы мемлекеттік саясат, туризмді мемлекеттік қолдау, ішкі туризм, мемлекеттік-құқықтық реттеу.

Жолумбетов Е.М.¹, Онучко М.Ю.¹, Жанпеисова К.Д.¹

¹*Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
Кафедра политологии, Алматы, Казахстан*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В КАЗАХСТАНЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Аннотация

В данной статье рассматриваются основные проблемы государственного нормативно-правового регулирования и экономического патронирования туризма в качестве новой и развивающейся отрасли Казахстана. В современных условиях, развитие всемирной экономики обусловлено возникновением все более новых реалии ведения бизнеса, которые в своем роде влияют на развитие отдельных экономических структур. Формирование благоприятных условий развития национальной экономики и политико-правового подхода отдельных развитых государств, изменение ракурса потребительских предпочтений в области предоставления услуг по досугу и отдыха, повышение доступности туристских услуг в определенной степени повлияло на рост туристского потока в мире, что отразилось на экономических, социальных, инновационных и иных аспектах развития рынка туристских услуг не только развитых государств, но и развивающихся. На практике иностранных стран заметны значительные выгоды государству от вложения средств в развитие сферы туризма. Нынешний туризм как основное социальное и экономическое явление на современном этапе оказало позитивное влияние на развитие экономики многих стран. Сегодня туризм, основанный на прочной нормативно-правовой базе, в значительной степени влияет на формирование валового внутреннего продукта и укрепляет внешнеторговый баланс стран, а также имеет значительное место в процессе создания новых рабочих мест и повышения уровня занятости местного населения.

Ключевые слова: туризм, государственная политика в сфере туризма, государственная поддержка туризма, внутренний туризм, государственно-правовое регулирование.

According to the “Concept for Kazakhstan’s entry into the top 30 most developed countries in the world”, approved by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated January 17, 2014 No. 732 [1], it is predicted that the service sector in Kazakhstan will expand, modernize and deepen, and the share of services in the GDP structure of Kazakhstan will approach 70% as economic development and transition to a knowledge-based economy in the long-term perspective.

As a result, it is expected to diversify, modernize and expand the export of services with increased productivity, including educational, professional services, services in the field of tourism (including agro (rural), medical, health resort, etc.).

In recent 10 years, due to the global integration of the world economy and the information openness of the world community, interest in the theoretical and methodological aspects of the organization of tourism activities has increased.

Today, the problems of tourism concern not only representatives of state authorities and non-governmental organizations, but also scientists who study various aspects of this field.

So in Kazakhstan, development of domestic tourism of the EAEU countries are engaged in such scientists as Kudryavtseva Yu.V., Rakhmetulina Zh.B. and Karipov A.T., innovative approaches to sustainable tourism covered in the works of Maklashina L.R., Dahman S.; as one of the types of post-industrial services in Kazakhstan in the framework of the model of economic growth is devoted to work, Pritvorovoy T.P. and Abzalbek Ye.Zh., Aubakirova G.M., Vechkinzova E.A.

State support for the sphere of domestic and inbound tourism of the Republic of Kazakhstan is one of the key areas of state regulation, the essence and feature of which is important to consider through the prism of similar regulation of inbound and domestic tourism in various countries of the world.

State regulation is one of the factors of successful functioning of a particular sphere of activity, including tourism. The main task of state regulation of tourism activities, including in the field of inbound and domestic tourism, is to create the necessary legal, economic and social conditions for the formation of sustainable development of the industry that meets international standards with a high level of competitiveness. In other words, the state should create a so-called tourism ecosystem. [2]

International practice has formed three effective approaches to state regulation of the development of national tourism. [3]

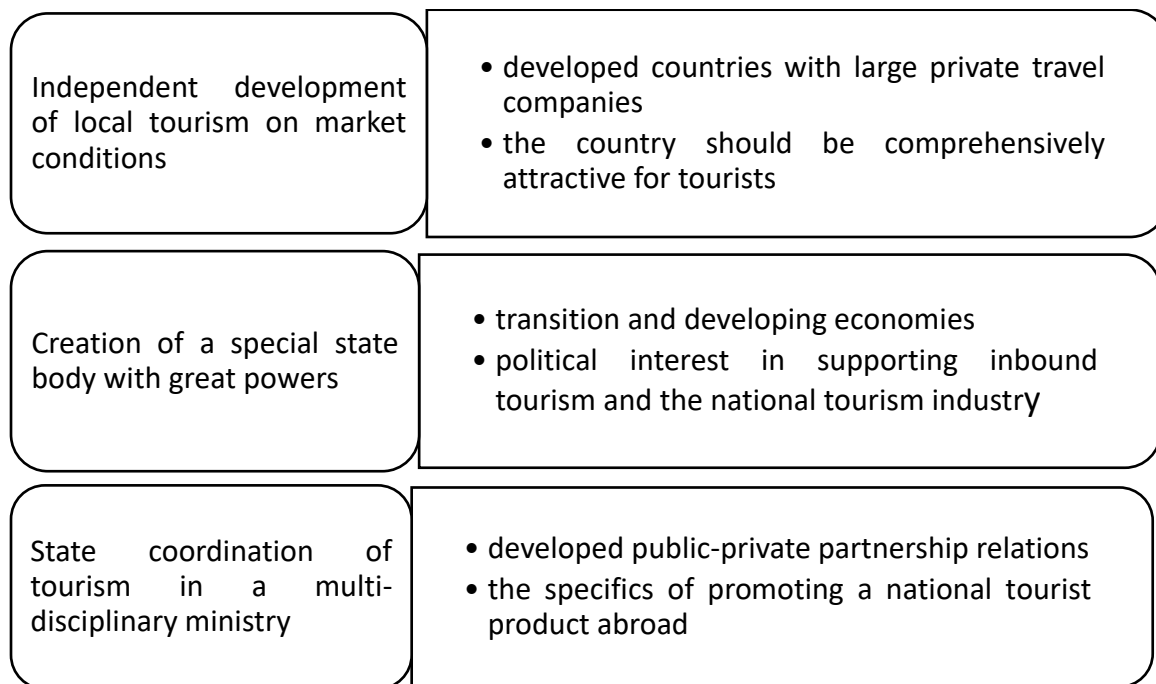

Figure 1. Methodological approaches of state regulation of the tourism industry [4]

Currently, Kazakhstan is implementing a third approach: the Ministry of Culture and Sports has been established in the republic, which includes a Committee of the Tourism Industry.

At the same time, each country has its own specific features in the regulation of inbound tourism. For the development of domestic and inbound tourism in Kazakhstan, it is necessary to use the experience of foreign countries aimed at creating and consolidating a positive image of Kazakhstan as a country attractive for tourism.

Many peoples of the world have recognized the importance of tourism and have adopted laws regulating the state direction and policy in tourism.

The Republic of Korea and Japan adopted “The Basic law on tourism”, [5] on the basis of which to develop all the necessary tools needed in the tourism business. Both nations are making great efforts to promote tourism.

In the case of France, the Government has adopted “The Code of Laws on Tourism”, which has the character of a basic law, containing a variety of legislation related to tourism, systematically developed in a consistent position.

Countries have their own methods to provide the necessary fund for financing the development and support of the tourism industry, and also issue the necessary legislation to use the funds.

Korea financial support for tourism business provides according to the Law “On the Fund for the promotion of tourism and development”. [6] In Bern (Switzerland), the government collects the taxes for the placement in accordance with the law for the promotion of tourism.

In countries where tourism is developed at a high level, legal support related to tourist services covers not only the purely tourist business, but also the hotel business, the business of international meetings, education in the field of development and protection of tourist resources, etc.

This proves that there is a need to develop a more specialized legal framework for business in the tourism sector for the development of not only domestic tourism, but also international tourism in a consistent form.

An analysis of the international experience of countries that have identified tourism as a priority area of the economy has shown a number of the most effective measures of state support for tourism activities:

1) direct political will and support over the years from the country's leadership to combine conflicting priorities;

2) direct financial participation of the state in the development of large resort areas through the creation of specialized agencies, funds and operators;

3) financial incentives and mechanisms to support investment in tourist facilities;

4) direct state funding for the creation of engineering and communication, transport and “soft” tourism infrastructure (provision of qualified human resources, information support), as well as the creation of the most significant projects in the tourism industry.

The nearest neighbor and partner – Uzbekistan has legislated a number of initiatives: ratings and stars were removed for the subjects of the tourism industry, since at the time of creation, the motels do not have ratings. The legislation of Uzbekistan lists all legal and permitted places of accommodation. Business entities that provide services for the sale of tourist products and / or online booking of tourist services were granted tax incentives, which contributed to the allocation of income to stimulate the introduction of electronic services, including electronic payments, booking, acquiring, as well as to the development of specialized Internet sites and portals offering modern types of tourist services.

In China the current five-year plan adopted a program of tourism development as the main driver of transformation and modernization of the economy people's Republic of China [7], caravanning and camping tourism are part of the program of development of tourism. According to the forecast, by 2020, the number of campsites in the People's Republic of China will increase to 10 thousand. There are already a large number of campsites (about 500), especially in the southern part, and their number is growing every year.

The People's Republic of China has its own companies that produce motorhomes and residential trailers, and every year the country hosts international caravanning exhibitions, attracting many local and foreign visitors. Analysts believe that in the future, trailer tourism will become one of the most popular types of tourism in the People's Republic of China.

The European Union also provides significant support for national tourism. European states finance various forms of measures to create a positive image, provide subsidies for the development of infrastructure, and issue preferential loans to the subjects of the tourist market.

Legal monitoring of legal acts in the sphere of tourist activity showed that the main legislative act governing the development of tourist activity in Kazakhstan is the Law “On tourist activity in the Republic of Kazakhstan” dated June 13, 2001 No. 211. [8]

This law defines the legal, economic, social, and organizational bases of tourism activity as one of the branches of the economy of the Republic of Kazakhstan.

At the same time, in order to implement the adopted program documents and projects related to the creation of priority tourist territories (PTT), the need to establish special conditions for state support in the field of tourism, this law does not contain the necessary concepts, including PTT, there is no classification of tourist activities. The law does not reflect all the subjects and objects involved in the provision of tourist services. In accordance with the Business Code of the Republic of Kazakhstan [6], there is no form and procedure for carrying out preventive control without a visit. The current industry law also does not reflect the provisions related to the functioning of the National Company JSC “NC “KazakhTourism”. It also does not provide for the current law and regulations on the possibility of creating self-regulating organizations in the tourism sector.

In general, the legal monitoring of legislative acts in the field of tourism activity has shown the presence of legislative gaps, which affects the level of efficiency of the development of one of the priority sectors of the country's economy – tourism.

In relation to the regulatory policy in the field of tourism, the general principles and approaches reflected in the Kazakh legislation on state regulation of business activities are used. The same approaches, in particular with regard to regulatory instruments, are based on the experience of OECD countries. [9]

The development of regulatory policy in foreign countries was constantly in the focus of attention, which was due to the lack of efficiency in the public administration system and in the public sector as a whole. Initially, the improvement of regulatory policy was considered in the context of improving the quality of public services and reducing government intervention. Subsequently, the main motive for these transformations was the attempts to optimize the number of regulatory legal acts (deregulation), as well as the development of quantitative approaches to reduce the state's participation in the economy (USA, Australia and New Zealand). At the end of the 1990s, it was noted that there was a need to develop state regulatory reforms aimed at improving the quality and effectiveness of regulatory policy. Legislation in the field of tourism activity should be a system of logically interrelated forms and means of state regulation, the implementation of which is aimed at the effective development of this industry.

The regulatory and legal consolidation of state support for tourism, inbound and domestic, in particular, in Kazakhstan is represented by three areas:

1. The inclusion of the tourism sector in the current provisions of national programs for the support and development of entrepreneurship.

Such programs include the Unified Program for Business Support and Development “Business Roadmap-2025” [10], in which the main areas of business support are:

- support for new business initiatives of entrepreneurs in single-industry towns, small towns and rural settlements;
- industry support for entrepreneurs / subjects of industrial and innovative activity engaged in activities in priority sectors of the economy and manufacturing industries;
- reducing the currency risks of entrepreneurs;
- provision of non-financial measures to support entrepreneurship.

2. The legislation of the Republic of Kazakhstan, which provides for the forms and methods of state support, a simplified regulatory regime.

This category of regulatory legal acts includes:

- the Business Code of the Republic of Kazakhstan (investment preferences, simplification of the supervisory control system);
- the Law of the Republic of Kazakhstan "On Permits and Notifications " (optimization of licensing procedures);
- the Tax Code of the Republic of Kazakhstan (simplified taxation procedure for individual entrepreneurs, non-governmental organizations).

3. Industry program and regulatory documents:

Resolution of the government of the Republic of Kazakhstan dated 30 Jun 2017 no 406 "On approval of the concept of tourism industry development of the Republic of Kazakhstan in 2023" [11] in which the maximum to improve the investment climate for tourism development.

In the field of attracting investment in the tourism industry, together with the Ministry of Investment and Development, JSC "NC "KazakhTourism" and JSC "Export Insurance Company "Kazakh Export", the following measures will be taken:

- 1) continuing to attract strategic (anchor) investors with successful experience in creating tourism clusters;
- 2) development of the main approaches to attract investment in the development of tourism clusters;
- 3) inclusion of the tourism industry in the list of priority activities for the implementation of investment priority projects;
- 4) creation and maintenance of a database of investment projects in the field of tourism;
- 5) development of PPP forms together with the business community for financing and investing tourist zones, as well as adjacent territories for the placement of service facilities;
- 6) support of private business initiatives and investment projects through the introduction of long-term financing mechanisms;
- 7) adoption of a joint action plan to attract foreign investment for the development of 6 tourist destinations;
- 8) study of the issue of crediting projects of tourist destinations for a period of 10, 15, 25 years;
- 9) working with foreign donors to develop the tourism industry in Kazakhstan (assistance programs of the EU, the United States, the United Nations, the OSCE, international financial institutions, as well as China, Russia, India, Iran, etc.);
- 10) development of "guides" for the development of tourism business in Kazakhstan;
- 11) development of systemic, short-term and long-term forms of state investment in the tourism industry of Kazakhstan.

The analysis of the existing system of state support allows us to conclude that there is a lack of consistency in addressing issues of targeted state support for the tourism industry and to offer a number of recommendations for improving legislation in the tourism industry.

The need to improve the current legislation of the Republic of Kazakhstan on tourism activities is due to the problems that occur in the activities of the subjects of the tourism industry, and the main features of which were presented in this study.

The tourism industry is among the priority areas of development of the Republic of Kazakhstan. The leading role in the development of national tourism is assigned to the system of domestic tourist clusters. However, Kazakhstan's tourism does not yet make a significant contribution to the country's economy, it accounts for less than 1% of the global tourist flow. Kazakhstan has one of the lowest indicators of tourist mobility of the population. [12]

The vast majority of regularly functioning travel agencies prefer to send their compatriots abroad. A small sector of travel agents works to attract tourists to the country, focusing on visiting the former and current capitals: Almaty and Nur-Sultan.

The imperfection of the current legislation and the existing state regulatory instruments of this sector of the economy do not contribute to the development of inbound and domestic tourism:

- overstated requirements for travel companies in terms of licensing of tour operator activities for inbound tourism, mandatory insurance of travel companies;

- lack of incentive mechanisms and state support for the tourism industry;
- imperfection of the permit system in the interests of the tourism industry;
- lack of a training system for the tourism industry;
- lack of integration of various state development and support programs, which negatively affects the efficiency and competitiveness of the tourism industry.

Currently, the legislation of the Republic of Kazakhstan regulating tourism activities has a significant number of shortcomings, legislative gaps and excessive regulatory requirements for the subjects of this field of activity. This state of affairs involves improving the current legislation by developing and adopting the draft law “On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on tourism activities” [13].

The purpose of the document is to improve the state regulation of this industry in accordance with the adopted strategic documents of the country, as well as to create the necessary legal framework for the development of the tourism sector as one of the priorities of the economic development of Kazakhstan for the long term. The draft law plans to amend the legislation of the Republic of Kazakhstan in the following areas:

1) revision of the norms related to the improvement of the conceptual apparatus, classification of tourism, legal regulation of state support for the industry; [14]

2) introduction of the institution of a priority tourist investment project;

3) expansion of subjects in the field of tourism;

4) development of infrastructure in the field of tourism;

5) institutional strengthening of JSC “NC “KazakhTourism”;

6) improving the regulatory policy in the field of tourism;

7) granting, in accordance with the amendments and additions, the relevant competence of the Government of the Republic of Kazakhstan, the authorized body in the field of tourism and other state bodies. [15]

Kazakhstan still has a long way to go to form a new regulatory framework aimed at the development of the tourism sector of the economy based on knowledge, but the necessary foundation for this has already been laid, and the accumulated experience of developed countries can be used by Kazakhstan of the transit type. In recent years, the state has managed to create an institutional framework for the national innovation system. With the adoption of a new policy of a diversified economy and sound policy decisions, the country has entered the track of large-scale industrialization as the basis for the transition to an innovative economy. The ultimate goal of Kazakhstan's tourism policy is to ensure that the share of tourism in the total GDP of the Republic of Kazakhstan is at least 8 % by 2025. This will be the next step in the progressive development of the national economy and the strengthening of the geostrategic positions of Kazakhstan's economic entities in the tourism sector and the state as a whole in international markets.

List of references:

1. Artemyev A.M. *TOURISM OF KAZAKHSTAN: UPDATED DEVELOPMENT VECTOR*. p.3-4

2. Спицина В.А. Государственное регулирование туристской деятельности: понятие и принципы // Вестник КарГУ, серия Юриспруденция. – Караганда, 2008 <https://articlekz.com/article/5096>;

3. Обзор государственной политики развития туризма и защиты прав потребителей туристских услуг в государствах – членах Евразийского экономического союза Москва – 2020 г. https://potrebitel.eaeunion.org/ru-ru/Lists/Analytics/%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC_2020.pdf

4. Petrenko E.S., Dauletova A.M., Mazhitova S.K., Shabaltina L.V. Analysis of public support measures for the development of tourism in the Republic of Kazakhstan // *Journal of International Economic Affairs* #4'2019 (October-December) https://www.researchgate.net/publication/338259903_Analiz_mer_gosudarstvennoj_podderzki_po_razvitiu_turizma_v_Respublike_Kazahstan

5. Медиева Г.А., Козин А.И., Майгожина Г.К «Новый этап развития туризма в Казахстане: экономические и технологические вопросы и перспективы» *INTERNATIONAL JOURNAL OF APPLIED AND FUNDAMENTAL RESEARCH* № 10, 2017. Стр.131-132

6. О проекте Указа Президента Республики Казахстан "Об утверждении Концепции развития туристской отрасли Республики Казахстан до 2020 года" Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 февраля 2013 года № 192 <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000192>;

7. Рахметулина Ж.Б., Карипова А.Т. Перспективы сотрудничества между Казахстаном и Китаем в процессе развития транспортного коридора Евразии // *Экономические отношения*. – 2019. – № 3. – С. 1615-1628. – doi: 10.18334/eo.9.3.40816.

8. Митрошенко Т.С., & Жұман Д.Н. (2020). PREFERENCES FOR THE DEVELOPMENT OF CULTURAL AND HISTORICAL TOURISM IN KAZAKHSTAN AND WAYS TO IMPROVE IT. *CENTRAL ASIAN JOURNAL OF INNOVATIONS ON TOURISM MANAGEMENT AND FINANCE*, 1(4), 47-51. Retrieved from <http://cajitmj.centralasianstudies.org/index.php/CAJITMF/article/view/67>

9. Притворова Т.П., Абзалбек Е.Ж. Постиндустриальные услуги в Казахстане: оценка динамики и структуры в контексте мировых тенденций // *Экономика*. – 2019. – №1. – С. 35-52. – doi: 10.18334/asia.3.1.40758.5).

10. Об утверждении Государственной программы поддержки и развития бизнеса "Дорожная карта бизнеса-2025" Постановление Правительства Республики Казахстана от 24 декабря 2019 года № 968 <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000968>;

11. Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 июня 2017 года № 406 «Об утверждении Концепции развития туристской отрасли Республики Казахстан до 2023 года». *Adilet.zan.kz*. [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000406> (дата обращения: 30.11.2019).

12. Аубакирова Г.М. Новые подходы к построению модели экономического роста Казахстана // *Экономические отношения*. – 2019. – № 1. – С. 123-124. – doi: 10.18334/eo.9.1.39729.

13. МЕРКЕЛЬ И.Д. О ПРОЕКТЕ ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ В НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПО ВОПРОСАМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» *Научный журнал «Правоприменительная практика и прокурорский надзор»*. – Стр.147-148.

14. Туржанов С. Анализ основных проблем развития малого и среднего бизнеса в Республике Казахстан // *Экономика и статистика*. – 2003. – № 4. – С. 78.

15. Дагман С. Концептуальные подходы к устойчивому туризму на основе использования интегральных методов маркетинга // *Экономические отношения*. – 2019. – №4. – doi: 10.18334/eo.9.4.41297.

УДК 341.4
МРНТИ 10.87.89

Хусаинов О.Б.,¹ Хусаинов С.О.¹

¹КазНПУ им. Абая, Институт Сорбонна-Казахстан

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРОСТУПКА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАМ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН, ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И СТРАН СНГ

Аннотация

В данной статье дается понятие преступление и проступка по казахстанскому, а так же по немецкому уголовным законодательствам. Проведен анализ основных подходов данных стран к исследуемым дефинициям. Проведен сравнительно-правовой анализ, выявлены по мнению авторов ряд преимуществ как со стороны казахстанского уголовного законодательства так и со стороны немецкого уголовного права. Рассмотрены основные признаки относимые к преступлению и проступку по изучению законодательств данных стран. Дана характеристика общественной опасности, влияющая на относимость данных деяний к проступку или преступлению. Изучено немецкое уголовное законодательство, которое дает свое разграничение, имеющий абсолютный характер.

Ключевые слова: Европейский Союз, законодательство, уголовное законодательство, преступление, проступок, наказание, общественная опасность, уголовно-наказуемое деяние, причинение вреда

О.Б. Хусаинов,¹ С.О. Хусаинов¹

¹Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты
Алматы қ., Қазақстан Республикасы

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ, ШЕТЕЛДІК ЕЛДЕР МЕН ТМД ЕЛДЕРІНІҢ ЗАҢДАРЫ ЖӘНЕ ҚЫЛМЫС ТҮСІНІГІ

Аңдатпа

Бұл мақалада Қазақстан және Германияның қылмыстық заңнамасында берілген қылмыс және теріс қылық ұғымдары қарастырылған. Осы елдердің зерттелген анықтамаларға деген негізгі тәсілдеріне талдау жүргізілді. Салыстырмалы құқықтық талдау жүргізілді, авторлардың пікірінше, Қазақстанның қылмыстық заңнамасы жағынан да, Германияның қылмыстық құқығы жағынан да бірқатар артықшылықтар анықталды. Бұл елдердің заңнамаларын зерделеу кезінде қылмыс пен құқық бұзушылыққа байланысты негізгі белгілер қарастырылады.

Қоғамдық қауіптіліктің сипаттамасы келтірілген, бұл әрекеттердің құқық бұзушылыққа немесе қылмысқа қатыстылығына әсер етеді. Абсолюттік сипатта болатын өзіндік ерекшелік беретін неміс заңнамасы зерттелді.

Түйін сөздер: Еуропалық Одақ, заңнамалар, қылмыстық құқық, қылмыс, теріс қылық, жаза, қоғамдық қауіптілік, қылмыстық құқық бұзушылық, зиян.

O.B. Khussainov¹, C.O. Khussainov¹

*¹Kazakh National University named after Abay, Institute Sorbonne-Kazakhstan
Almaty, Kazakhstan*

THE CONCEPT OF CRIME AND PROCEEDING UNDER THE LAWS OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN, FOREIGN COUNTRIES AND THE CIS COUNTRIES

Abstract

This article gives the concept of crime and misconduct in Kazakh, as well as in German criminal legislation. The analysis of the main approaches of these countries to the studied definitions is carried out. A comparative legal analysis has been carried out, in the authors' opinion, a number of advantages have been revealed both from the side of Kazakhstan's criminal legislation and from the side of German criminal law. The main features related to crime and misconduct are considered in the study of the legislation of these countries. The characteristic of public danger is given, influencing the relevance of these acts to misconduct or crime.

The German legislation has been studied, which gives its own distinction between the crime and misconduct.

Keywords: European Union, legislation, criminal law, crime, misconduct, punishment, public danger, criminal act, causing harm.

Преступление - центральное понятие уголовного права. Все составляющие его элементы должны быть четко регламентированы и быть максимально конкретными, потому что любое человеческое поведение, которое впоследствии признается преступлением, должно подпадать под эти признаки. Изучение понятия преступность с позиций сравнительного правоведения чрезвычайно важно и актуально, так как позволяет выявить опережающие тенденции в развитии уголовного права. Следует отметить, что настоящая работа посвящена определению преступления, и многие из них сосредоточены на знании определенных типов преступлений. Понятие преступления очень часто рассматривается с точки зрения криминологии. Хотя определение преступления – это скорее понятие уголовного права. Можно констатировать, что при наличии теоретических разработок вопросы, посвященные концепции преступления, продолжают оставаться дискуссионными в науке уголовного права.

С 1960-х годов преступность изучается с исторической точки зрения. В результате сближения истории и социальных наук история преступности и уголовного правосудия возникла на пересечении критической криминологии, социальной и политической истории, истории права, социальной и культурной антропологии. Последний подчеркнул важность построений и прошлого опыта в современных конфигурациях, в которых совершается преступление, и методов борьбы с ним. Настоящая глава призвана показать некоторые из вкладов истории преступности в криминологию и задать несколько вопросов о диалоге между криминологами, касающемся как истории преступлений, так и криминологии прошлого. В сфере социальных наук криминология предлагает историку ряд вопросов, порожденных фактическим наблюдением за преступностью и методами, которые ее контролируют, включая аналитические методологии и объяснительные теории. Он открывает дискуссию о функции экспертизы и помощи в принятии решений и подчеркивает озабоченность оценкой текущей уголовной политики. Историк предлагает криминологу отстраненное рассмотрение своего объекта.

В уголовном законодательстве Республики Казахстан разделение уголовного правонарушения на преступление и проступок произошло сравнительно недавно. Так в статью 10 Уголовного кодекса Казахстана данное разделение внесено было в 2014 году, в связи с принятием нового кодекса вступившего в силу с 2015 года [1]. Например, в ст.9 УК РК от 16 июля 1997 года законодательно урегулировано было понятие преступления, в то же время разделения на проступок и преступление в УК РК от 16 июля 1997 года отсутствовало [2].

Казахстанский законодатель внес данные изменения с целью соответствия международным нормам [3,1]. Изменились также содержание и порядок проведения исправительных работ, которые устанавливаются как альтернатива штрафу и рассчитываются от определенной суммы, подлежащей уплате в бюджет. Введение альтернативы лишению свободы свидетельствует о гуманизации уголовного права. Это обеспечит качественно новый уровень защиты прав и свобод человека, интересов общества и государства от общественно опасных посягательств, отвечающий международным стандартам.

Возвращаясь, например, к разделению на преступление и вину, можно сослаться на законодательство таких стран, как (Германия, Франция, Италия, Швейцария, Австрия и др.). Так в немецком уголовном праве вина отличается от преступления на одном основании - наказание за конкретное действие. Тюремное заключение сроком менее года или штраф является правонарушением, а все другие действия - уголовным преступлением. Хотя в таких странах, как Швейцария или Австрия, разница в сроках более трех лет связана с преступлением, а в меньшей степени - с проступком. В перечисленных странах оправдание разделения применяется к санкциям.

Принимая во внимание эти государства, мы не можем игнорировать Францию, где существует так называемое трехуровневое разделение преступлений, проступков и правонарушений. Таким образом, преступления по французскому законодательству включают серьезные умышленные действия. Менее серьезные правонарушения и проступки по неосторожности. Помимо Казахстана, этот опыт переняли некоторые постсоветские страны, например Украина, которая применяет эти изменения с 2012 года.

Настоящее исследование показало, что все исследуемые уголовные законы содержат понятие преступления. Понятно, что без базовой концепции центрального элемента уголовного права невозможно реализовать принципы уголовного права, а также прийти к общему знаменателю о соотношении наказуемого и безнаказанного поведения. Следует отметить, что каждое определение отражает признаки, которые достаточно необходимы для описания желаемой концепции. Для всестороннего изучения понятия преступления представляется необходимым выявить признаки, которые традиционно выделяются доктриной уголовного права и являются неотъемлемой частью восприятия правоохранительных органов. Первое, что нужно проанализировать, – это то, что преступление – это всегда действие. Поступок – это внешний акт противоправного поведения человека, и он может выражаться в двух формах: действие (что соответствует активному поведению) или бездействие (что соответствует пассивному поведению, выраженному в несовершенном действии, которое человек мог и должен сделать). Абсолютно все уголовное законодательство стран СНГ знает такое разделение деяния, однако не во всех уголовных законах такое разделение реализовано в норме по понятию преступления.

Можно указать, что в то же время политика декриминализации иногда является результатом практических соображений, таких как необходимость решения проблемы переполненности мест содержания под стражей и сокращения количества накопившихся дел. благодаря введению упрощенной процедуры [4].

Таким образом, согласно общей практике, проступки, также называемые мелкими проступками, считаются мелкими проступками. В своей оценке европейских систем правосудия Европейская комиссия по эффективности правосудия (СЕРЕЈ) определила как «незначительные» все правонарушения, за которые предусмотрено наказание, не связанное с лишением свободы [5, с. 165]. Однако ряд стран (Германия) также включили мелкие уголовные правонарушения в категорию мисдиминоров, за которые налагается тюремное заключение на срок до 6 месяцев или 1 года.

Кроме того, ненадлежащее поведение обычно характеризуется более короткими судебными разбирательствами и / или другими процессуальными аспектами (например, наложением административного штрафа или общественных работ, наложенных прокуратурой без вмешательства суда, санкции полиции и т. д.).

Ослабление ряда правовых гарантий ряда государств объяснялось также целями государственной политики, результатом которой стало введение упрощенной процедуры в случае совершения правонарушения и декриминализация определенных действий.

Действительно, Европейский суд считал, что уголовное производство, направленное на ускорение рассмотрения мелких дел и снижение нагрузки на судей, является ответом на вполне обоснованные вопросы об эффективности правосудия, и что безотлагательное и эффективное решение вопроса нагрузки судов может играть ключевую роль в обеспечении права на справедливый суд (ст. 6 Европейской Конвенции по правам человека – далее «Конвенция») и рассмотрение дела в течение разумного срока [6].

В разных странах существует разная тенденция классифицировать правонарушения как правонарушения, но также можно проследить ряд общих характеристик: нарушения правил дорожного движения декриминализованы почти везде, в то время как другие уголовные правонарушения, например, ущерб имуществу или экологические правонарушения классифицируются, такие как преступления или проступки, связанные со стоимостью собственности или степенью причиненного вреда или ущерба. В некоторых странах в основе различия между проступком и преступлением лежит предмет охраняемого общественного интереса.

Также одним из вопросов этого исследования было определение серьезного преступления в 28 странах ЕС. Этот, казалось бы, простой вопрос, к сожалению, далек от ответа. Прежде всего, концепция серьезного преступления в понимании этого исследования является политическим, а не юридическим термином. В некоторых юрисдикциях действительно есть понятие об отягчающих обстоятельствах преступления («schwere Fälle» в немецкой терминологии) это, однако, не очень полезное понятие для определения, что составляет серьезное преступление и основания для любых законных действий ЕС в соответствии со статьей 83.

По этой причине пришлось применить другой подход. Это обычная тенденция среди многих систем уголовного правосудия для разработки альтернативных, более эффективных процедур решения с менее тяжкими преступлениями. Была надежда, что, глядя на такие процедурные определения, некоторая информация может быть получена относительно того, что является серьезным преступлением в юрисдикции ЕС. Тем не менее это принципиально проблематично, поскольку такие процедуры признано разработанными прежде всего для резервирования ресурсов уголовного правосудия за серьезные преступления. Другими словами, цель такого разбирательства противоположна нашей; их цель - отфильтровать менее серьезные преступления для содействия всестороннему расследованию и судебному преследованию серьезных преступлений, в то время как это исследование должно выявить серьезное преступление.

Важный элемент в сфере уголовной системы государств-членов Европейского Союза [ЕС] сотрудничества представляет собой сближение (гармонизацию) их уголовного законодательства. Эта проблема одна из важнейших аспектов сотрудничества между государствами-членами. Поскольку Европа на протяжении долгого времени улучшает свою совместную деятельность в отношении сотрудничества по уголовным делам путем, в частности, гармонизации уголовного законодательства.

Европейское уголовное право можно разделить на две последовательные фазы, основное содержание которых состоит из двух частей. Первый этап длился до вступления в силу Лиссабонского Договора и основывался в целом на статье 31 Договора о Европейском Союзе. [TEU]

Лиссабонский договор был принят после долгих дискуссий и политических потрясений.

Наконец, он вступил в силу с 1 декабря 2009 года. Среди множества реформ, предусмотренных Лиссабонским договором, реформа судебного сотрудничества по уголовным делам, пожалуй, самая глубокая. Бывший пункт 1 статьи 31, буква е) TEU был заменен пунктом статьи 83.1 Договора о функционировании Европейского Союза [TFEU], который предусматривает следующее: Европейский парламент и Совет могут посредством директив, принятых в соответствии с обычной законодательной процедурой, установить минимальные правила, касающиеся определения уголовных преступлений и санкций за особо тяжкие преступления с трансграничным аспектом, возникающим в результате характера или воздействия таких преступлений.

Твердая и однозначная оценка изменений, внесенных Лиссабонским договором в отношении к гармонизации уголовного законодательства представляет собой довольно сложную задачу. Однако в целом его следует оценивать положительно. Несомненно, это долгожданный

ответ на недостатки правовых инструментов, которые можно было бы принять в этой области. Конвенции как международные договоры, регулируемые международным правом, еще не приняты всеми государствами-членами ЕС; главная сложность с рамочными решениями заключалась в отсутствии каких-либо санкций за их невыполнение. Изменения, внесенные Лиссабонским договором, допускают дальнейшую унификацию системы материального права, которая касается преступлений, которые считаются наиболее сложными для ЕС.

Следующее преимущество Лиссабонского договора - изменение формы правового акта, касающегося уголовных дел. Директивы были наиболее популярными инструментами правового наследия ЕС и их применение к уголовным делам усиливает согласованность общих правовых систем. Однако, как мы упоминали выше, вряд ли эти директивы будут иметь какое-либо прямое действие. Следовательно, решающим моментом является возможность заставить государства-члены реализовать директиву. Это подводит нас к последнему пункту, а именно к юрисдикции Европейского суда по уголовным делам. Новая правовая база, юрисдикция Европейского суда по уголовным делам такая же, как и по любым другим вопросам, урегулированный ранее в первой ступени. Европейская комиссия имеет право приносить иск против государства-члена, которое не выполняет свои обязанности по выполнению директивы. Более важна неограниченная компетенция Европейского суда по толкованию правовых актов, касающихся уголовных дел. Единый закон без единого толкования - фикция. Мы ожидаем, что это входит в компетенцию Европейского суда окажет наибольшее влияние на будущее европейского криминального закона. Во Франции классификация как организованная преступность инициирует использование специальной процедуры, которая допускает более серьезные меры. В Германии каталог преступлений, которые определены как особо серьезные, были разработаны для ограничения правонарушений, за которые разрешена так называемая Große Lauschangriff. Это подразумевает использование техники слухового наблюдения в жилых помещениях, нарушение основных прав, считающихся особенно проблематичными в конституционном контексте. В Хорватии также разрешены определенные методы расследования со ссылкой на каталог правонарушений.

В заключение следует отметить, что изучение данной темы интересно как с научной, так и с образовательной точки зрения. Во-первых, увеличивает тот необходимый объем знаний о процессах реформирования, которые в принципе происходят в сфере уголовного права и в Западной Европе, и в странах СНГ, во-вторых, дает целостное представление о масштабе изучаемой проблемы и планируемого реформирования.

Список использованной литературы:

1. *Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.12.2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?Doc_id=31575252 (дата обращения 25 сентября 2020 г.). – Название с экрана.*
2. *Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 года № 167-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.07.2014 г.) (утратил силу).*
3. *Сабитова А.А. Право на мирные собрания: национальный и международно-правовой аспекты. Вестник КазНПУ им. Абая, серия «Международная жизнь и политика», №3-4(50-51), 2017 г. – С. 9-14.*
4. *Першая Устаўная грамата да народаў Беларусі // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь дата обращения: 16.01.2021.*
5. *Жан, Жан-Поль. Гурбанов, Рамин Афад оглы. Европейская комиссия по эффективности правосудия. Организация. Деятельность. Развитие: науч. издание / Ж.-П. Жан, Р.А. Гурбанов. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. - 331 с.*
6. *Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция о правах человека, ETS № 005) (Рим, 4 ноября 1950 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.05.2004 г.)*

**ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫҢ ҚАЗІРГІ ЗАМАНҒЫ ЖҮЙЕСІН
ТРАНСФОРМАЦИЯЛАУ
ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
TRANSFORMATION OF THE MODERN SYSTEM OF INTERNATIONAL
RELATIONS**

УДК 327; 339.9
МРНТИ 11.25.67

Эмис Д.Д.¹, Чумаченко Т.Н.¹

¹магистрант 2 курса кафедры международных отношений Института Сорбонна-Казахстан при КазНПУ им. Абая

¹Научный руководитель: кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений Института Сорбонна-Казахстан при КазНПУ им. Абая

**КАЗАХСТАН И КИТАЙ: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ
ВЗАИМОСВЯЗИ И ИХ РАЗВИТИЕ**

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы отношений между Казахстаном и Китаем в сфере культурного обмена и развития социально-культурных взаимосвязей в историческом и прогностическом аспектах. Давние противоречия, в результате их разрешения, должны выступить катализатором развития процесса сближения двух стран. Отмечается, что расширение экономических и технологических взаимосвязей между Китаем и Казахстаном, должно иметь в своей основе, взаимопонимание и взаимоуважение между народами. ШОС и программа ЭПШП в реализации своих целей должны иметь приоритет усиления мер доверия друг другу, поскольку именно взаимное доверие позволяет укреплять отношения добрососедства, мирного сосуществования и развития. В статье указывается, что альтернативы развитию взаимопонимания между народами на основе межкультурного диалога в различных странах казахстанского и китайского обществ, в процессе экономического и культурного сближения обеих стран – нет. Отмечено, что несмотря на несопоставимость удельного веса двух стран в мировом масштабе, приоритет принципов взаимного уважения и взаимного доверия является залогом успешного развития казахстанско-китайских отношений.

Ключевые слова: казахстанско-китайские отношения, международное сотрудничество, культурные связи, Центральная Азия, «Институты Конфуция»

Д.Д. Эмис¹, Т.Н. Чумаченко¹

¹Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты, халықаралық қатынастар кафедрасының 2 курс магистранты

¹Ғылыми жетекшісі: Саясаттану ғылымдарының кандидаты, Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты, халықаралық қатынастар кафедрасының аға оқытушысы

**ҚАЗАҚСТАН ЖӘНЕ ҚЫТАЙ:
ӘЛЕУМЕТТІК-МӘДЕНИ ҚАТЫНАСЫ ЖӘНЕ ОНЫҢ ДАМУЫ**

Аңдатпа

Мақалада Қазақстан мен Қытай арасындағы мәдени алмасу және әлеуметтік-мәдени қатынастарды дамыту саласындағы қарым-қатынас мәселелері тарихи және болжамдық аспекті-

лерде қарастырылған. Бұрыннан келе жатқан қайшылықтар олардың шешілуінің нәтижесінде екі ел арасындағы жақындасу үдерісінің дамуына катализатор ретінде қызмет етуі керек. Қытай мен Қазақстан арасындағы экономикалық және технологиялық қатынастардың кеңеюі халықтар арасындағы өзара түсіністік пен өзара құрметке негізделуі керек екендігі атап өтілді. ШЫҰ мен SREB бағдарламасы өз мақсаттарын жүзеге асыра отырып, бір-біріне деген сенімділік шараларын күшейтуге басымдық беруі керек, өйткені бұл өзара сенім арқылы тату көршілік қатынастарды, бейбіт қатар өмір сүру мен дамуды нығайтуға мүмкіндік береді. Мақалада екі елдің экономикалық және мәдени жақындасу процесінде қазақ және қытай қоғамдарының түрлі қабаттарында мәдениеттер арасындағы диалог негізінде халықтар арасындағы өзара түсіністікті дамытуға балама жол жоқ екендігі көрсетілген. Екі елдің үлесінің әлемдік масштабта салыстыруға келмейтіндігіне қарамастан, өзара сыйластық пен өзара сенім қағидаттарының басымдығы қазақстан-қытай қатынастарын ойдағыдай дамытудың кепілі екендігі атап өтілді.

Түйін сөздер: Қазақстан-Қытай қатынастары, халықаралық ынтымақтастық, мәдени байланыстар, Орталық Азия, «Конфуций институттары»

D.D. Emis¹, T.N. Chumachenko¹

¹master student of 2nd course, Department of international relations at the Institute Sorbonne-Kazakhstan of the Kazakh National Pedagogical University named Abai

¹Scientific adviser: candidate of political sciences, senior lecturer of department of International relations at the Institute Sorbonne-Kazakhstan of the Kazakh National Pedagogical University named Abai

KAZAKHSTAN AND CHINA: SOCIAL AND CULTURAL RELATIONSHIP AND THEIR DEVELOPMENT

Abstract

The article examines the issues of relations between Kazakhstan and China in the field of cultural exchange and the development of socio-cultural relationships in the historical and prognostic aspects. Long-standing contradictions, as a result of their resolution, should act as a catalyst for the development of the process of rapprochement between the two countries. It is noted that the expansion of economic and technological relations between China and Kazakhstan should be based on mutual understanding and mutual respect between peoples. The SCO and the SREB program, in realizing their goals, should have the priority of strengthening confidence-building measures to each other, since it is mutual trust that allows strengthening good-neighborliness, peaceful coexistence and development. The article indicates that there is no alternative to the development of mutual understanding between peoples on the basis of intercultural dialogue in various strata of the Kazakh and Chinese societies, in the process of economic and cultural rapprochement of both countries. It was noted that despite the incomparability of the share of the two countries on a global scale, the priority of the principles of mutual respect and mutual trust is the key to the successful development of Kazakh-Chinese relations.

Keywords: Kazakh-Chinese relations, international cooperation, cultural ties, Central Asia, "Confucius Institutes"

История взаимоотношений народов Китая и народов, населяющих территории современных центральноазиатских государств, в том числе и современного Казахстана, насчитывает более чем 2-тысячелетний период. Фундаментом в изучении этой истории является постулат о сложных взаимоотношениях кочевых народов, занимавшихся, в основном, скотоводством и китайской цивилизации, основанной на поливном земледелии. Периоды войн и набегов со стороны кочевников, сменялись периодами сравнительно мирного времени, когда купцы, везущие китайские товары в Европу, платили кочевникам пошлину за безопасный транзит через Центральную Азию. Знаменитый Шелковый путь был бы невозможен без мирного сосуществования государств кочевников и Китая. Государства - соседи в этой части Евразии имели богатый опыт взаимоотношений, как в военной области этих отношений, так и в мирных

областях, таких, как торговля и культурный обмен. При этом, надо признать, что Китай довольно быстро осознал все преимущества кавалерии в военных действиях и воспроизвел ее в собственной армии. Как известно, в гробнице первого императора Китая Цинь Шихуанди среди терракотовых воинов найдены фигуры лошадей и колесниц. Вместе с тем, государства кочевников, полагаясь на военную силу, не сразу приобщились к достижениям китайской цивилизации. Очевидно, что Чингисхан, после захвата Китая, стал одним из первых, изучивших эти достижения и использовал многие из них в построении своей империи. Так, например, осада вражеских крепостей была бы невозможна без использования китайских осадных орудий.

Взаимное неприятие образов жизни кочевых народов и народов, населявших Китай в давние времена, является, на наш взгляд, одной из глубинных, подсознательных причин антикитайских настроений на бытовом уровне народов Центральной Азии. Причем характерно, что по материалам СМИ, в этих спонтанных или, возможно, кем-то инспирированных митингах против китайского влияния, в основном, фигурируют выступления в Казахстане и Кыргызстане, тогда как о каких-то подобных выступлениях в Узбекистане или Таджикистане, не сообщается. Между тем, активность китайских компаний в Таджикистане, очевидно не меньше, чем в Кыргызстане.

Иначе говоря, изучение истории взаимоотношений наших народов имеет прикладной характер, помимо научного интереса, поскольку «синофобия» на бытовом уровне с одной стороны, и «перегибы на местах» в так называемых «лагерях перевоспитания» для представителей тюркских народов на территории Китая с другой стороны, это две стороны одной медали, которая была «отчеканена» очень давно. Что же является противоядием против этих «болезней»? Ответ очевиден – изучение и понимание друг друга, развитие социальных, экономических взаимосвязей и межкультурный обмен. Именно такое развитие международных отношений будет способствовать достижению этой цели.

Важно отметить, что на уровне межгосударственных отношений, в отношениях между элитами обеих стран подобные проявления отсутствуют. Развитие экономических взаимосвязей и сопряжение технологических подходов к развитию инфраструктурных проектов было бы невозможно без высшей политической воли, причем обеих сторон. Однако, та «непрозрачность» для казахстанского общества, которая зачастую сопровождает принимаемые руководством решения, по тем или иным проектам, вызывает обоснованные опасения в их целеполагании и целесообразности. Так, например, скандальный проект LRT в г. Нур-Султан. Очевидно, что он был экономически нецелесообразным изначально, на стадии проектирования. В связи с этим, хочется подчеркнуть, что президент Казахстана К.-Ж.К. Токаев проявил политическую волю и призвал произвести ревизию данного проекта, а также подобных ему коррупционных проектов, не идущих на пользу народа Казахстана. Излишне напоминать, что сам К.-Ж.К. Токаев, являясь профессиональным дипломатом и которого хорошо знают в Китае по совместной работе, лучше всех осведомлен о специфике методов работы китайского руководства в международной сфере отношений. Совместная работа руководства Казахстана и Китая по развитию экономического и социально-культурного развития наших стран должна быть основана на принципах открытости друг для друга, взаимной выгоды и добрососедства. Только такой подход снимает всю возможную конспирологию и подозрительность. А они явно мешают поступательному движению вперед по пути казахстанско-китайского сотрудничества.

На этом пути за последние тридцать лет была проделана большая совместная работа. ШОС и ЭПШП являются, на сегодня, важнейшими инструментами сотрудничества между Казахстаном и Китаем. Именно подписание Соглашения об укреплении мер доверия в районе границы странами «Шанхайской пятерки» (1996 г.) и, на этой основе, появление в дальнейшем, такой организации, как ШОС (2001 г.) дает надежду на прекращение взаимных претензий, укрепление добрососедских отношений и усиления регионального сотрудничества на благо общей безопасности.

Развитие дипломатических отношений между странами вообще, и Казахстана и Китая, в частности, имеет первостепенное значение для понимания взаимной важности и приоритетов друг друга. Как отмечает к. полит. н., старший преподаватель кафедры международных

отношений Института Сорбонна-Казахстан при КазНПУ им. Абая, Т.Н. Чумаченко: «Казахстанско - китайское сотрудничество во всех сферах, в том числе и в сфере безопасности активно развиваются благодаря следующим общим интересам: обеспечение приграничной безопасности, развитие конструктивных, добрососедских отношений с соседними странами, гарантии спокойствия на территории государств, борьба с терроризмом и сепаратизмом» [6]. Хотя область экономики и безопасности всегда была преобладающей, примат этих направлений международных отношений вовсе не означает, что вопросы социально – культурного обмена между народами наших стран должны оставаться в тени. Проведение официальных гуманитарных мероприятий остаются одним из важнейших элементов установления и поддержания международного взаимодействия. Более того, выстраивание отношений между людьми обеих стран на различных уровнях (между китайскими и казахстанскими работниками в рамках предприятия, студенческий обмен или проведение Дней культуры Китая в Казахстане, и Дней культуры Казахстана в Китае) позволит снять все еще имеющиеся элементы недоверия и непонимания. Если элиты обеих стран, находят пути для взаимного понимания и выстраивают, на этой основе, совместную работу по сопряжению программ социально-экономического развития своих стран, то результатами этой работы должно становится улучшение жизни народа и ее качества. Трудно представить, что казахстанское общество не поддержит усилия своего руководства, направленные на достижение такого эффекта. И совсем наоборот, проекты, в которых «изо всех щелей» выглядывают «уши коррупции» или ухудшения экологической ситуации в нашей стране, никогда не найдут поддержки у народа. Альтернативы большей открытости друг другу и понимания взаимных интересов, как в руководстве обеих стран, так и среди «простого народа» - нет.

К сожалению, продолжающаяся пандемия COVID-19, ставит преграды и на этом пути. Остается надеяться, что посткоронавирусный мир, несущий в себе явные признаки усиления автаркических тенденций в экономическом развитии стран, в ущерб глобализму, будет не таким очевидным ограничителем в сфере межкультурного обмена. Культурный диалог между народами наших стран должен не только не сворачиваться, а приобретать дополнительную динамику, ведь пандемия коронавируса, это не только вызов для государств, но также испытание международных отношений на прочность и повод для их дальнейшего укрепления.

В этой связи, полемика по поводу существования и развития в Казахстане сети «Институтов Конфуция» вызывает большой интерес, поскольку дает определенное представление о срезе мнений по поводу культурного обмена между Казахстаном и Китаем в казахстанском обществе.

Так, некоторые общественные деятели и научные работники, имеющие, видимо, в своем происхождении отношение к Китаю, выступают резко против развития сети «Институтов Конфуция», предполагая, что данный инструмент влияния КНР на казахстанское общество несет в себе большую скрытую угрозу. Финансовые расходы на функционирование этих институтов, напрямую выделяемые из государственного бюджета КНР, расцениваются как доказательство чуть ли не идеологической диверсии со стороны Китая в отношении казахстанского общества. При этом данные авторы справедливо напоминают об идеологическом характере китайского государства и ведущей роли КПК в политическом устройстве страны. Вместе с тем, понятно, что изучение китайского языка и китайской каллиграфии, в настоящее время, является для молодых людей будущим возможным преимуществом в профессиональной и повседневной жизни. Представляется, что истина, как всегда, посередине. Изучение казахстанскими гражданами основ китайского языка и каллиграфии может дать им немалые преимущества на дальнейшем жизненном пути, например, для получения высшего образования в КНР, где правительство ежегодно выделяет гранты на обучение иностранных граждан. Тем не менее, очевидно, что учебная программа этих институтов должна координироваться МОН РК.

Перекося в области межкультурного обмена, а также экономического и научного сотрудничества между Китаем и Казахстаном очевиден и понятен. Возможности Китая, второй экономики мира (есть отдельные оценки, что уже первой), и возможности Казахстана – несопоставимы. Однако, громадный удельный вес Китая во всех сферах жизни мирового сообщества и относительно низкие показатели Казахстана в тех же сферах (народонаселение,

удельный процент в ВВП мира и т.д.) не должны нас смущать. Тем не менее, важно отметить, что результат достигается не только количественными показателями, но и «точечными» качественными усилиями.

В любом случае, вся проводимая работа по выстраиванию отношений между Китаем и Казахстаном, должна базироваться на фундаментальных принципах взаимного уважения и взаимной выгоды, добрососедства и осознания взаимной ответственности за проводимую политику.

Список использованной литературы:

1. *Внешняя политика Казахстана в условиях глобализации / К-Ж.К. Токаев. – Алматы: АО "САК", 2000. – 384 с.*
2. *Дипломатия Республики Казахстан / К-Ж. К. Токаев. – Астана, Елорда, 2001. – 552 с.*
3. *Под стягом независимости: очерки о внешней политике Казахстана / К-Ж. К. Токаев. – Алматы: Білім, 1997. – 733 с.*
4. *История Китая Учебник. – 2-е изд., испр. и доп. / Меликсетов А.В. (ред.). – Москва: Изд-во МГУ, Высшая школа, 2002. – 736 с.*
5. *Центральная Азия на рубеже XX-XXI веков: политика, экономика, безопасность / Владимир Дмитриевич Камынин, Елена Владимировна Лазарева, М.В. Лепенко, Андрей Валерьевич Лямзин, Валерий Иванович Михайленко (Редактор). – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017. – 175 с.*
6. *Чумаченко Т.Н. Отдельные аспекты взаимодействия Китая и Казахстана в сфере безопасности // Вестн. КазНПУ. Сер. «Международная жизнь и политика» 2019. – №1-2(56-57) с.90.*
7. *Милованова Н.А. Концептуальные основы отношений КНР и Республики Казахстан // Постсоветские исследования Т. 3. 2020. – №7 с.593*
8. *Суходолов Я.А. Торгово-экономическое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии // Известия Байкальского государственного университета. 1 Том. 2020. – с.51.*
9. *Сченснович В.Н. Сотрудничество России с Киргизией, Казахстаном, Таджикистаном, Узбекистаном в рамках ШОС И ЕАЭС // Россия и мусульманский мир 2020. №4. – С.33*

УДК 327:005.591.45
МРНТИ 23.00.04; 12.00.10

Битлеуов А.А.¹, Курмангали А.К.¹

¹*магистрант 2 курса, Института Сорбонна-Казахстан при КазНПУ им. Абая*
¹*научный руководитель, доктор политических наук, доцент кафедры международных отношений Института Сорбонна-Казахстан при КазНПУ им. Абая*

СПЕЦИФИКА ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация

В статье проанализирована специфика развития евразийской интеграции в условиях пандемии коронавируса. Анализируется сложное многообразие процесса интеграции в евразийском регионе. Показаны различные попытки осуществления интеграции в Центральной Азии. Проведено сравнение интересов и стратегий России и Китая в региональной интеграции. Показаны возможные перспективы и дальнейшее развитие евразийской интеграции после окончания пандемии COVID-19.

Ключевые слова: евразийская интеграция, развитие, ШОС, ЕАЭС, пандемия, региональная интеграция, перспективы.

А.А. Битлеуов¹, А.К. Құрманғали¹

¹Абай атындағы Қаз ҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институтының 2 курс магистранты
¹Ғылыми жетекшісі, саяси ғылымдар докторы, Абай атындағы ҚазҰПУ,
Сорбонна-Қазақстан институтының халықарылық қатынастар кафедрасының доценті

ПАНДЕМИЯ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯЛЫҚ ИНТЕГРАЦИЯНЫҢ ЕРЕКШЕЛІГІ

Аңдатпа

Мақалада елдердегі коронавирус пандемиясы жағдайындағы еуразиялық интеграцияның дамуындағы ерекшеліктер айқындалады. Еуразиялық аймағындағы интеграция үдерісінің күрделі көп жақтылығына талдау жасалды. Орта Азиядағы интеграциялауды қамтамасыз етудегі әр түрлі ұмтылыстар көрсетілді. Осы аймақтық интеграциядағы Ресей мен Қытайдың стратегиялары мен өзіндік қызығушылықтарына салыстыру жүргізілді. COVID-19 пандемиясынан кейінгі еуразиялық интеграцияның болашақ дамуы мен перспективалары көрсетілді.

Түйін сөздер: еуразиялық интеграция, даму, ШЫҰ, ЕАЭО, пандемия, аймақтық интеграция, перспективалар

A.A. Bitleuov¹, A.K. Kurmangali¹

¹master of 2 course of the Institute of Sorbonne-Kazakhstan at Abai KazNPU,
¹scientific supervisor, Doctor of Political Sciences, Associate Professor,
Department of International Relations, Sorbonne Institute-Kazakhstan KazNPU Abai

SPECIFICITY OF EURASIAN INTEGRATION IN THE CONDITIONS OF THE PANDEMIC

Abstract

The article analyzes the specifics of the development of Eurasian integration in the context of the coronavirus pandemic. The complex diversity of the integration process in the Eurasian region is analyzed. Various attempts to implement integration in Central Asia are shown. The comparison of the interests and strategies of Russia and China in regional integration is carried out. Possible prospects and further development of Eurasian integration after the end of the COVID-19 pandemic are shown.

Keywords: Eurasian integration, development, SCO, EAEU, pandemic, regional integration, prospects

В нынешнее время, мировая политика и экономика сильно подвержены влиянию пандемии COVID-19, но вся эта ситуация не откинула евразийскую интеграцию на третий план, а напротив, дала ей новый толчок. В свою очередь, евразийская интеграция все так же сталкивается с различными проблемами, к тому же ее развитие и дальнейшее направление в большей степени зависят от решения «традиционных» задач.

Евразийская интеграция не владеет общим механизмом, но имеет общее название. Она не является одним общим региональным или проектным механизмом взаимосвязи и сотрудничества в разных сферах. Скорее это процесс, включающий в себя большое количество разных региональных организаций и стратегий, механизмов инициатив и сотрудничества, среди которых Шанхайская организация сотрудничества, инициатива «Пояс и путь», Евразийский экономический союз, Большое Евразийское партнерство, Совет сотрудничества тюркоязычных государств и т.д. Они все выступают частью евразийской интеграции, среди которых ни один не показывает евразийскую интеграцию во всем едином механизме. Следовательно все это спровоцировало процесс разнообразия механизмов, концепций и структур евразийской интеграции.

Многообразие евразийской интеграции является отражением сложной национальной, исторической и культурной структуры евразийского региона. Все элементы евразийской интеграции направлены на облегчение сотрудничества между соответствующими странами и, таким образом, способствуют различной степени региональной интеграции в Евразии.

Проблема, однако, в том, что при определенных условиях это разнообразие может привести к институциональной фрагментации евразийских субрегионов, ограничивая более широкое региональное сотрудничество.

Шанхайская организация сотрудничества является единственной общерегиональной организацией в Евразии. В неё входят восемь полноправных государств-членов и четыре государства-наблюдателя, которые являются основными странами региона, охватывающими большую часть Евразии, Центральной Азии, Южной Азии и Западной Азии. Можно сказать, что Шанхайская организация сотрудничества связывает основные субрегионы Евразийского региона и имеет самое широкое представительство.

Китай является самой активной страной в Шанхайской организации сотрудничества, выступающая за региональную интеграцию. В 2003 году Китай предложил создать Шанхайскую организацию сотрудничества свободной торговли и Банк развития Шанхайской организации сотрудничества [1]. Но пока организация не добилась прогресса в формировании механизмов региональной интеграции. Проблема создания банка ШОС все еще решается.

Евразийский экономический союз вырвался более высоко в плане региональной интеграции и становится одним из самых успешных организации в сфере евразийской интеграции. Учитывая факт в том, что он состоит из стран бывшего СССР, процесс евразийской интеграции требует от всех участников определенного прошлого в политическом аспекте и ограничивающий его перспективу как широкой основы к евразийской интеграции. ЕАЭС создавая зоны свободной торговли с другими странами, расширяет спектр своего сотрудничества с ними. Были подписаны соглашения с Сербией, Сингапуром, Вьетнамом и Ираном, так же в процессе переговоров об открытии зон свободной торговли находятся такие страны, как Египет, Индия и Израиль. Все же ЕАЭС очень аккуратно относится к процессу создания свободной торговли с КНР, являющимся самым большим торговым партнёром.

Страны Центральной Азии много раз пытались осуществить процесс интеграции с самого начала независимости. Был создан Центрально-Азиатский союз, Центрально-Азиатское экономическое сообщество и организация «Центрально-Азиатское сотрудничество». Хотя было подписано большое количество документов и были закреплены четкие цели, по результатам было мало чего достигнуто. Первая фаза интеграции пяти стран Центральной Азии остановилась в момент вступления организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» в ЕАЭС в 2005 году [2].

В 2018 и 2019 годах пять глав государств Центральной Азии провели два консультативных совещания по вопросам центральноазиатской интеграции. Страны Центральной Азии имеют очень тесные географические, исторические, этнические и религиозные связи и разделяют много общих проблем, поэтому у них имеются и потребность в интеграции, и естественная основа для неё. Но как далеко зайдет интеграция в центральноазиатском регионе, предвидеть является сложным. К тому же интеграция имеет явный субрегиональный характер.

Процесс интеграции стран центральноазиатского региона является разумным, но можно предположить, что США могут использовать ее как способ отделения этих стран от КНР и России. Об этом свидетельствуют и американский проект Большой Центральной Азии, обретший популярность в Соединённых Штатах после войны в Афганистане, и американская стратегия Нового Шёлкового пути, созданная в 2011 году, и нынешняя стратегия Индо-Тихоокеанского региона. США не скрывают, что, поддерживая интеграцию стран Центральной Азии, они преследуют и геополитические цели. Рационально заметив, можно сказать, что элементы геополитики в интеграции в Центральной Азии не являются желательными.

В 2015 году Совет сотрудничества тюркоязычных государств предложил концепцию интеграции тюркского мира и в 2018 году принял соответствующий документ. Концепция интеграции тюркского мира была предложена в 2015 году Советом сотрудничества тюркоязычных государств, состоящая из пяти членов. В него входят Турция, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, и Узбекистан, а Венгрия является государством-наблюдателем. Туркмения является единственным тюркоязычным государством, которое не присоединилось к организации [3].

Все тюркоязычные страны – это евразийские страны, в основном центральноазиатские. Следовательно, интеграция тюркоязычного мира также является частью евразийской интеграции. Основа для интеграции тюркоязычных государств – это язык и культура, что является как преимуществом, так и ограничением. Этот процесс не включает в себя персидскоязычный Таджикистан, расположенный в Центральной Азии, а также Грузию и Армению на Кавказе, поэтому невозможно расширить его до более широкого механизма регионального сотрудничества.

И у Китая, и у России – двух крупных стран с ключевыми интересами в Евразии, есть свои планы и стратегии региональной интеграции в евразийском регионе. Китай и Россия, являющиеся крупными политическими акторами, обладают чувством региональной ответственности и привыкли рассматривать регион в более широкой перспективе.

В 2013 году Китай выдвинул инициативу «Пояс и путь». Инициатива охватывает как ШОС, так и весь евразийский регион, позволяющая самостоятельно и свободно выбирать направления и формы региональной интеграции наряду с платформой ШОС.

Россия предложила Большое евразийское партнёрство. Впервые этот проект был предложен президентом Владимиром Путиным на Петербургском экономическом форуме в июне 2016 года и подтверждён в послании Федеральному собранию в том же году [4]. Выдвигая идею Большого евразийского партнёрства, Россия представляет собственную большую региональную стратегическую концепцию, которой у неё до сих пор не было. Она позволяет России выйти из традиционного евразийского пространства, а именно из пространства бывшего Советского Союза, и продвигать свою интеграционную платформу на пространстве Большой Евразии, включающем в себя Восточную Европу, Азиатско-Тихоокеанский регион и регион Индийского океана.

Различные механизмы и формы интеграции в Евразии представляют собой уникальное явление из-за сложной политики, истории, географии и культуры региона. Также различные формы интеграции лучше всего соответствуют реалиям Евразии. Однако следует избегать разделения, то есть несогласованности друг с другом и даже конфликтующих факторов [5].

Некоторые интеграционные механизмы являются закрытыми или полузакрытыми, не все страны региона могут участвовать в них, и при отсутствии скоординированного развития они могут начать ограничивать друг друга и влиять на развитие двусторонних отношений в экономике между странами. Многие механизмы интеграции могут улучшить экономические отношения с субрегионами, но они не способствуют интеграции в более широком масштабе или в более широком евразийском контексте.

В евразийской интеграции есть движущие силы такие, как политическое мышление и экономическая логика, в некоторые моменты противоречащие друг другу, что в свою очередь мешает скорому продвижению самой евразийской интеграции. Этот факт применим в отношениях между Россией и Китаем, которые являются ключевыми фигурами в процессах евразийской интеграции стран.

За последние 20 лет неоднократно появлялись различные прогнозы и комментарии о конфликтах между Китаем и Россией в Центральной Азии, таких как конфликты из-за ресурсов, конфликты из-за влияния и так далее. Однако таких конфликтов никогда не было. Китай и Россия начали сотрудничество в Центральной Азии и Евразии с момента образования «Шанхайской пятёрки» в 1996 году, когда обе страны объявили о стратегическом партнёрстве, и с тех пор поддерживают отношения сотрудничества.

И Китай, и Россия размышляют по-разному о евразийской интеграции, в свете разного исторического прошлого и экономического положения. Так, Китай придаёт большее значение экономике и экономическому мышлению, в то время как Россия – политике и политическому мышлению.

Китай обратил внимание на евразийскую интеграцию, особенно как экономический проект, мотивированный в основном экономической логикой. Он активно выступал за уменьшение препятствий на пути экономической интеграции, снижение стоимости экономического сотрудничества, достижение наиболее разумного распределения ресурсов, максимизацию использования вспомогательных экономических структур и создание поддерживающих структур.

Россия, осознавая экономическое значение евразийской интеграции, рассматривает ее, помимо прочего, как политический проект. Как и любая империя в мировой истории, Россия после распада Советского Союза пострадала от особого «имперского синдрома». Она

рассматривает пространство бывшего Советского Союза как сферу своего влияния и политически и психологически глубоко обеспокоен вступлением в регион других сил, особенно когда их влияние может превышать влияние России.

У России, стоит предположить, смешанные чувства по поводу участия Китая в евразийской интеграции. С одной стороны, Россия осознает важность и необходимость сотрудничества с Китаем и готова содействовать евразийской интеграции с этой страной. Однако она не хочет видеть чрезмерного китайского присутствия в регионе. Поэтому, когда дело доходит до сотрудничества с Китаем, чтобы начать евразийскую интеграцию, нажимаются одновременно акселератор и тормоз. С экономической точки зрения Россия стремится к ускорению, но с политической точки зрения она сознательно его ограничивает.

Большая экономика Китая является важным механизмом и ресурсом для евразийской интеграции, но она также оказывает давление на другие страны, включая Россию. Это еще одна серьезная проблема для партнеров Китая по евразийской интеграции. В России есть очевидные опасения, что безрассудная глубокая интеграция с Китаем может привести к рецессии в России и дать Китаю доминирующую роль, позволяя китайским товарам доминировать на российских рынках. Таким образом, предположим, что в интересах России обеспечить сбалансированное влияние Китая, чтобы избежать его доминирования в регионе. В том числе и поэтому Россия активно выступала за членство Индии в ШОС. Это увеличило геополитический вес ШОС, но одновременно рост её географического охвата и числа её государств-членов сделало региональную экономическую интеграцию в рамках организации ещё более сложной.

Исходя из всего выше сказанного, стоит предположить, что для решения ситуации нужны новые пути. Стало быть, региональная интеграция не рассматривается как самоцель. Задачей региональной интеграции следует считать способствование экономическому и социальному развитию региона, а также оптимизация распределения ресурсов в регионе. Это все следует отнести и к евразийской интеграции.

В отличие от Европы, евразийские страны очень разные с точки зрения политической культуры и религиозных убеждений, и разрыв в их экономическом развитии огромен. В этих исключительных обстоятельствах очень сложно разработать общий механизм евразийской интеграции.

Следовательно, интеграция в Евразии неизбежно примет множество форм. Успеха в региональной интеграции можно достичь только путем изменения политического мышления, уравнивания экономических интересов и решения проблем всех сторон. Глубокая интеграция должна устранять или уменьшать опасения по поводу негативного воздействия интеграции на национальную экономику и определять экономические выгоды, которые может принести интеграция.

Создание производственных цепочек может стать важным способом продвижения евразийской интеграции. Вспышка COVID-19 нанесла серьезный ущерб глобальным отраслевым отношениям, указав на уязвимости в отраслевых цепочках, которые слишком длинные и слишком сложные. Ухудшение политических отношений между крупными странами, такими как Китай и США, также угрожает глобальным производственным цепочкам.

Следует полагать, что после окончания пандемии COVID-19 глобальные промышленные цепочки будут подвержены реформированию. Страны уделят больше внимания уменьшению недостатков и уязвимостей, а промышленные цепочки в контексте регионального характера будут усилены. Евразийской интеграции следует применить эту возможность с целью создания более близких и тесных региональных промышленных цепочек, приносящие в будущем стабильные социальные и экономические выгоды странам региона Евразии и будут рассмотрены в качестве одной из важнейших движущих сил региональной интеграции [6].

Евразийской интеграции следует сделать шире свои возможности с целью обеспечения большего количества движущих сил для продолжения процесса. Особенно, сотрудничество будет проходить в сферах здравоохранения, профилактики инфекционных заболеваний, устранения последствий стихийных бедствий, борьба с вредителями и болезнями растений.

Это все не является моментальной потребностью, связанной с пандемией коронавируса, а все же задачей дальнейшего развития. Процесс укрепления сотрудничества в этих нетипичных областях безопасности становится еще более важным в связи с географической близостью

евразийских стран, где наблюдаются явные общие интересы, а также в них происходит относительно несложный процесс сотрудничества. До этого считалось, что данные области только и занимаются поглощением ресурсов, но в действительности они располагают большим технологическим, промышленным и научным значением и, возможно, принесут большие экономические выгоды. Так же следует добавить, что сотрудничество в этих областях может создать новый подход к процессу евразийской интеграции.

Список использованной литературы:

1. Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества в рамках ШОС (г. Пекин, 2003).
2. Динамика региональной экономической интеграции на евразийском постсоветском пространстве // Евразийский Союз Ученых. Экономические науки № 38. – С. 9-12.
3. Саммит Тюркского совета в Кыргызстане дал надежду на более тесное сотрудничество [электронный ресурс] https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2018/09/12/feature-01 (дата обращения: 14.02.2020)
4. TECHNICAL SCIENCES (05.02.00, 05.13.00, 05.17.00, 05.23.00)//Blockchain – основные понятия и роль в цифровой экономике //Воронов М.П., Часовских В.П. – С.30-32.
5. Шифф М. Региональная интеграция и развитие // Весь мир, 2005. – С. 133-139
6. Станислав МИЩЕНКО //Между цифрой и ковидом: главы стран-участниц ШОС представили план действий по оздоровлению экономики// областная газета // Четверг, 19 ноября 2020 г. – С.1-2.

ӨӘЖ 94(574)

Б.Оспанова¹, С.Жұман¹

*¹Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университет
Алматы қ., Қазақстан*

АЛТЫН ОРДАНЫҢ ЭТНОСАЯСИ МҰРАГЕРЛЕРІ

Аңдатпа

Мақалада бүгінгі таңда жекелеген зерттеушілердің Алтын Орданың ыдырауы негізінде құрылған Қазақ хандығының қоғамдық-саяси тарихын зерттеу өзекті болып табылатындығы туралы айтылған. Осы орайда, Еуразия далалық аймақтары ұлан-ғайыр территорияны қамтығанымен, бір Моңғол империясының қоластында өмір сүргендігін ескерсек, осы территорияда өмір сүрген Орталық Азияның көшпенділері яғни, түркі тілдес халықтардың осы кезеңдегі өмір сүру салты бір-бірінен айтарлықтай алшақ болған жоқ. Сол себепті, мақалада Қазақ хандығының құрылуына негіз болған Алтын Орда мелекетінің саяси тарихын зерттеген тарихшылардың саяси ойлары қарастырылған. Кеңестік идеология кезінде КСРО құрамында болған мемлекеттерге Алтын Орда тарихын зерттеуге тиым салынды. Өйткені сол уақытта біртұтас КСРО елдерінің тарихы коммунистік идеологияны насихаттау үшін қолдан жасалынып, тарихымызда көптеген тарихи бұрмалаушылықтар, яғни ақтандақтар орын алды. Алтын Орда мемлекетінің территориясының басым бөлігінде Ресей империясы құрылса, Ресей империясының орнына сол территорияда КСРО құрылды. Ресей империясы ХҮІІ ғасырдан бастап, бұрын Алтын Орданың құрамына енген территорияға иелік еткісі келді және ол жерлердің басым көпшілігін жаулап алып, біртұтас етті. КСРО құрылған кезде де Кеңес үкіметінің осы территорияны өз қоластында сақтап қалу мақсатын көздегендігі және КСРО ыдыраған кезде оның құрамында болған 15 республика өз алдына дербес мемлекеттер болып құрылып, өздерінің тәуелсіздігін алғандығы туралы баяндалған.

Түйінді сөздер: Алтын Орда, Моңғол империясы, Жошы ұлысы, Дешты Қыпшақ даласы, ұлыстық жүйе, КСРО, посткеңестік, ақсүйек

Оспанова Б.Р.¹, Жұман С.¹

*¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая
г. Алматы, Казахстан*

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСЛЕДНИКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы общественно-политическая история Казахского ханства, которое сформировалось на базе распада Золотой Орды. В связи с этим, учитывая, что евразийские степи занимали большую территорию, но жили под властью одной Монгольской империи, кочевники Средней Азии, т.е. тюркоязычные народы, проживавшие на этой территории в это время, существенно не отличались друг от друга. Поэтому в статье рассматриваются политические взгляды историков, изучавших политическую историю Золотой Орды, которая легла в основу Казахского ханства. Во времена советской идеологии государствам, входившим в состав СССР, было запрещено изучать историю Золотой Орды. Потому что в то время история стран СССР была сфабрикована для пропаганды коммунистической идеологии, и в нашей истории было много исторических искажений. Российская империя была создана на большей части территории Золотой Орды, и на этой территории был основан СССР, а не Российская империя. Начиная с XVIII века Российская империя стремилась овладеть территорией, ранее входившей в состав Золотой Орды, и завоевала и объединила большую ее часть. Утверждается, что даже во время образования СССР советское правительство стремилось держать территорию под своим контролем, а после распада СССР 15 республик, входивших в его состав, стали независимыми государствами и обрели независимость.

Ключевые слова: Золотая Орда, Монгольская империя, Улус Джучи, Дешты Кипчакская степь, этническая система, СССР, постсоветская, аристократия.

Ospanova B.R.¹, Zhuman S.¹

*¹Kazakh National Pedagogical University, named after Abay
Almaty c., Kazakhstan*

ETHNOPOLITICAL HEIRS OF THE GOLDEN HORDE

Abstract

The article deals with the issues of the socio-political history of the Kazakh Khanate, which was formed on the basis of the collapse of the Golden Horde. In this regard, given that the Eurasian steppes occupied a large territory, but lived under the rule of one Mongol Empire, the nomads of Central Asia, i.e. The Turkic-speaking peoples living in this territory at this time did not differ significantly from each other. Therefore, the article examines the political views of historians who have studied the political history of the Golden Horde, which formed the basis of the Kazakh Khanate. During Soviet ideology, the states that were part of the USSR were prohibited from studying the history of the Golden Horde. Because at that time the history of the countries of the USSR was fabricated to propagate communist ideology, and there were many historical distortions in our history. The Russian Empire was created over most of the territory of the Golden Horde, and the USSR was founded on this territory, not the Russian Empire. Beginning in the 18th century, the Russian Empire strove to seize the territory that was previously part of the Golden Horde, and conquered and united most of it. It is argued that even during the formation of the USSR, the Soviet government tried to keep the territory under its control, and after the collapse of the USSR, the 15 republics that were part of it became independent states and gained independence.

Key words: Golden Horde, Mongol Empire, Ulus Jochi, Deshty Kipchak steppe, ethnic system, USSR, post-Soviet, aristocracy.

Моңғол империясының құрылу және ыдырау тарихы бүгінгі күні көптеген зерттеушілердің қызығушылығын тудыруда. Алтын Орданың ыдырауы негізінде құрылған Қазақ хандығының қоғамдық-саяси тарихын зерттеу отандық тарихшылар арасында өзектілігін жойған емес. Мемлекетіміздің тарихын білу – бұл әрбір қазақ азаматының туған еліне, жеріне, тарихына лайықты көзқарас қалыптастыру.

XIII ғасырда Еуразияның далалық аймақтары үлкен өзгеріске ұшыраған тарихи оқиғалардың ортасына айналды. Осы орайда, Еуразия далалық аймақтары ұлан-ғайыр территорияны қамтығанымен, бір Моңғол Империясының қоластында өмір сүргендігін ескерсек, осы территорияда өмір сүрген халықтардың тұрмыс-тіршілігіне моңғол өркениетінің өзіндік әсері болды және ол түркі тілдес халықтардың мәдениетімен ықпалдаса дамыды.

Орталық Азияның көшпенділері бір Моңғол Империясының құрамына еніп, үлкен территорияны қамтыды. Түркілердің осы кезеңдегі өмір сүру салты бір-бірінен айтарлықтай алшақ болған жоқ және діни ұстанымдары мен наным-сенімдерінде де ортақ ұқсастық көп болды. Шыңғыс ханның әртүрлі халықтарды бір империя астына біріктірген саясатын ұстанған Батый ханның славян халықтарына жасаған жорықтары сәтті болып, шашыраңқы өмір сүрген орыс княздіктерінің басын біріктіріп «Алтын Орда» мемлекетін құрады. Соңында, Моңғол империясы 40 млн. км² құраған территорияны қамтыған күшті державаға айналып, оның халқының саны 160 млн. адамға жетті [1]. Бұл адамзат тарихында ерекше орын алған тарихи үрдіс. Өзінің Ясы заңдарының негізінде халықты, әскерді өлім жазасымен жазалаған Шыңғыс ханның ұстанған қатыгез саясаты, әртүрлі этностарды бір ту астында ұстауға мүмкіндік берді. Моңғол империясымен жаулап алынған жерлерді әкімшілік басқаруда Шыңғыс хан ұлыстарға бөлді.

Қазақ хандығы құрылған Жошы ұлысына Шығыс Дешті Қыпшақ даласы беріледі. Бұл жерлердің шекаралық шегі алғашында Ертіс пен Жайық өзендері арасын қамтыды. Шығыс Дешті Қыпшақтың әкімшілік-территориялық бөлінісі моңғол әкімшілігіндегі ұлыстық жүйе негізінде белгіленді [1, 254 б.]. Ұлыстық жүйенің негіздері бұрынғы көшпенділер қоғамымен енгізілген болатын, ұлыс бірнеше рулардан құрылған этникалық қауымдастықтан құрылды. Моңғол империясын құраған әртүрлі этностар мен халықтарды бір жүйеде басқару уақыт өте келе өзіндік қиындықтар туғызып, моңғол билеушілеріне жергілікті жерлердегі дәстүрлі биліктерді де қолдануға тура келді. Бұл моңғол әскерінің ассимиляциялануына себеп болды, яғни жергілікті халықтарға моңғолдардың сіңуі, өйткені бұл кезеңде моңғол халқы Шыңғыс хан жаулап алған жерлерге қоныстандырылмаған болатын.

Мемлекетті басқару ісі жекелеген ұлыстар деңгейінде барған сайын күшейе түсіп, жергілікті жерлердегі билікті ұстап тұру үшін, моңғол билеушілері жаулап алған жерлерде әскери күш қолданумен байланыстыра отырып, ұлыс билеушілері мен аймақтық дворяндарды салмақтады. Орталық үкіметтің әлсіреуі және Қарақорым тағына таласушылық кезінде орын алған ішкі қақтығыстар 1269 жылы ұлыстардың Жошы, Шағатай және Үгедей басшылары өзін-өзі жариялаған Ұлы хан Құбылайды мойындаудан бас тартып, олардың иеліктерін шектеп, бірыңғай моңғол империясының бар екендігі туралы сызық сызып, оның келешекте түпкілікті ыдырауын заңдастырды. Сонымен қатар, тарихтың әртүрлі кезеңдерінде 6-8 миллион км-ге жеткен Жошы ұлысы ауқымы жағынан ұлыстардың ең үлкені болды. Демек, дәл осы Жошы ұлысы, оның қуатын сақтаған Моңғол империясының басты мұрагері және скифтерден бастап, ұлы дала империяларының қатарында соңғы болып саналуы керек. Ол әр түрлі ұлттық және тарихи дәстүрлерде қабылданған бірқатар атаулармен көпшіліктің жадында қалды: Жошы ұлысы, Ұлы Ұлыс, Ұлы Орда, Дешті Қыпшақ даласы, Ұлы Тартария және сайып келгенде, соңында оның біраз бөлігі Алтын Орда мемлекетінің құрамына енді [2]. Бірақ, кейіннен XV ғасырда Алтын Орданан Сібір, Өзбек, Қазан, Қазақ, Қырым хандықтары және Ноғай Ордасы бөлініп шығады. Бұл хандықтардың бөлініп шығуының басты себебі, ұлыстық жүйені құраған көшпенділер қоғамындағы дәстүрлі биліктің үстемдігінде еді. Осы кезде бөлініп шыққан хандықтар, бүгінгі таңда өз алдына жеке егеменді мемлекеттер болып табылады.

Моңғол империясы сияқты Алтын Орда мемлекеті әскери күш негізінде құрылғандығын айтпаса да түсінікті. Моңғол-татарлардың көптеген елдерді және халықтарды тез жаулап алуы және жаулап алуда көптеген адамдардың моңғол жауынгерлерін құрағандығында болды. Моңғолдардың жаугершілік соғыстары кезінде бейбіт тұрғындардың жойылуымен және олар-

дың тұтқында болуымен, тірі қалғандардың азап шегуімен қатар жүрді. Көптеген қалалар қирады, ауылдар өртенді [2, 39 б.]. Өзінің күшін мойындатқан Моңғол империясы жаугершілік соғыстарын тоқтатпады, өйткені жаулап алған жерлердің әскерін соғысқа пайдаланып отырды.

Моңғол империясының ішінде Шыңғыс ханның мұрагерлері арасындағы билікке талас, жылдар өткен сайын үдей түсті. Алтын Орданың этносаяси мұрагерлері, қазіргі заманғы татар және қырым татар ұлтынан басқа, Ресей мен посткеңестік кеңістіктегі түркі халықтарының көпшілігі деп санаған жөн, өйткені олардың этногенезі мен ұлттық мемлекеттілігінің тамыры осыдан шығады. Алтын Орда татарларының тікелей ұрпақтары - бұлғарлар, башқұрттар, қазақтар, қарақалпақтар, қарашайлар, құмықтар, ноғайлар, кейбір өзбектер және басқалары.

Бұл тәсілдің ішінара жақында Орта Азия республикаларында Алтын Орданы зерттеуге, халықтар тарихындағы маңызды кезең ретінде, осы территорияларда қазіргі Қазақстан, Өзбекстан және т.б. мемлекеттерінің қалыптасуы мен дамуында айтарлықтай шешуші рөл атқарды. Мысалы, Алтын Орданың шамамен үштен бір бөлігі қазіргі Қазақстан Республикасының территориясына түскендігін ескере отырып, қазіргі заманғы бірқатар қазақ тарихшылары қазақ халқының шығу тегі мен олардың мемлекеттілігіне жаңа көзқараспен қарауды ұсынды. Оған сәйкес, Қазақстан Алтын Орданың тікелей және басты дерлік мұрагері болып табылады, ал оның тарихы қазақтардың ұлттық тарихының бөлігі болып табылады, және олар үшін сыртқы тарих қана емес, біртұтас ретінде қарастырылады. Бұл көзқарасты саяси деңгейде - Қазақстан Президенті Н.Ә.Назарбаев та қолдайды. Алтын Орда - көптеген түркі халықтарының және татарлардың ортақ тарихи мұрасы болып табылады [2, 41 б.].

Біріншіден, біз 2015 жылы Қазақ хандығының 550 жылдығын атап өткен кезде, Қазақ хандығы «жоқ жерден» қалыптасқан жоқ, бірақ Алтын Орданың Қазан, Қырым, Астрахан, Сібір хандықтарымен және Ноғай ордасымен бірге бөлініп шықты деген пікірлер орын алды. Қазақ хандығының негізін қалаушылар Жәнібек пен Керей, сондай-ақ оның барлық кейінгі билеушілері, соңғы хан - Кенесарыға дейін Шыңғыс әулетіне жатады. Олардың атасы Орыс-хан - XIV ғасырдағы Алтын Орда билеушілерінің бірі. Бұл саяси пікір, Алтын Орда құрамында болған көшпенділермен моңғолдардың ассимиляцияға ұшырауын дәлелдей түседі.

Бірқатар жетекші сарапшылардың пікірінше, қазақ халқының этногенезі негізінен Алтын Орда дәуірінде қалыптасқан, ал Орда ыдыраған кезде қазіргі қазақтар, ноғайлар мен қарақалпақтар тікелей шыққан Дешті-Қыпшақтың бір ғана көшпелі халқы болған - олар барлық жағынан бір-біріне өте жақын үш этнос болып табылады. Бұл үш этностың қоғамдық-саяси және әлеуметтік-экономикалық дамуы мен мәдениетінде ортақ белгілердің басым болғандығын дәлелдейді. Алтын Орда құрамынан бөлініп шыққан Еділ мен Қырым татарлары, башқұрттар да өздерін Алтын Орданың мұрагерлері деп санайды. 2015 жылы аталып өтілген Қазақ хандығының 550 жылдығында Қазақ хандығының Алтын Орданың ыдырауы қарсаңында пайда болғандығына баса назар аударылды. Қазақ хандығының негізін қалаған Керей мен Жәнібек хандардың билік құруымен басталды. Өйткені қазақ халқының этногенездік ерекшелігі Алтын Орда ыдыраған кезде қазақ атауының болмағандығы және ол кейіннен саяси қалыптасуы негізінде пайда болғандығы да нақтыланды. Қазақ хандығының 550 жылдығын атап өтуде, Қазақстан республикасының тарихы нақтылана түсіп, шетелдік оқырмандар үшін қазақ мемлекеттілігінің қалыптасу тарихы алғаш рет ағылшын тілінде бірнеше кітаптар болып жарық көрді. Оның нәтижесінде бүгінгі егеменді Қазақстан өзінің мемлекеттілігінің қалыптасу тарихын Алтын Орда мемлекетінің ыдырауы кезеңінен бастау алатындығы туралы тарихи көзқарас қалыптасты.

Қ.Жалаири [3] өз еңбегіндегі Қазақ хандығының Алтын Орда тарихымен тікелей байланысы туралы жазған, сол сияқты, Махмұд Қашқари мен Мұхамед Хайдар Дулатидің [4] еңбектерінде Дешті Қыпшақ даласын мекендеген түркі тілдес халықтарының тарихы мен Қазақ хандығының құрылуы Алтын Орда тарихынан басталатындығы айтылған.

Кеңес тарихшылары революцияға дейінгі ғылымның жетістіктеріне сүйене отырып, кейбір жағдайларда оларды сыни тұрғыдан қайта қарады, Алтын Орда мен оның мұрасын зерттеуге маркстік көзқарас тұрғысынан келді. Батый хан құрған Алтын Орда мемлекеті тек орыстарды ғана емес, сонымен бірге Шығыс Еуропа, Кавказ, Сібір, Орталық Азия және басқа да көптеген халықтардың саяси, экономикалық, мәдени және этникалық дамуына және қалыптасуына тікелей немесе жанама әсер еткендігі жоғарыда айтылған пікірлерді дәлелдей түседі. Осы кең және көпқырлы

тақырыпты зерттеудің ерекшелігі мен маңыздылығын көрсетеді. Кеңес зерттеушілері бұл ықпалдың ең көп таралған және оған тән ерекшеліктері жаулап алынған халықтарға қатысты Алтын Орданың көшпелі ақсүйектерінің саяси және экономикалық әрекеттерінің барлық аспектілерінде айқын көрінетін тежеуші рөлге айналған деген пікір білдіреді.

Қазақстан территориясында Алтын Орда кезеңінен көптеген жазба деректер мен мәдени ескерткіштер сақталған. Жалпы, Алтын Орда орындарының археологиялық зерттеулері жазбаша дереккөздерден алынған түсініксіз немесе анық емес хабарламаларды тексеруге және негіздеуге, көбінесе олардағы олқылықтарды толтыруға мүмкіндік беретін әртүрлі материалдарды ұсынады. Бұл Алтын Орда кезеңінің тарихи мұраларының қазақ мемлекеттілігінің қалыптасуына ықпал еткен тұстарын ашуға септігін тигізеді.

Кеңестік кезеңде Алтын Орда тарихын зерттеуге тиым салынғанымен, Алтын Орда мемлекетінің саяси тарихын зерттеу осы кезеңнен бастау алды. Баяршинованың «Алтын Орда» туралы еңбегі 1960 жылы, Сафарғалиевтың «Распад Золотой Орды» атты еңбегі 1960 жылы, Алтын Орданың ыдырауы кезінде Көшпелі Өзбек мемлекетінің құрылуы туралы Ахмедовтың «Государство кочевых узбеков» атты еңбегі 1965 жылы жарық көрді және т.б. Бұл еңбектер Сталиндік тоталитаризмнің жойылуынан кейін, бірден жарыққа шықты. Яғни көптеген тарихшыларды қызықтырған Алтын Орда мемлекетінің саяси тарихы аталған кезеңде кеңінен зерттелген жоқ. Тіптен, шетел мұрағаттарында Алтын Орданың тарихи-географиялық картасының табылуы да, осы 60-80-ші жылдары зерттеле басталған болатын.

Алтын Орда мемлекеті кең территорияға, әскери күшке, кең халықаралық ықпалға, қуатты мемлекеттік аппаратқа, дамыған көп құрылымды экономикаға, бай мәдениетке ие болды. Сонымен қатар, Еуразияның саяси, экономикалық және мәдени картасына терең және көпвекторлы әсер етті. Ал Алтын орда туралы деректердің түпнұсқасы саяси, экономикалық, мәдени, әлеуметтік институттардың біртұтас кешенінің жоғары даму деңгейі уақыт пен кеңістікте локализацияланған және тұрақты интегралды әлеуметтік жүйе ретінде арнайы «Алтын Орда өркениетінің» болуы туралы айтуға мүмкіндік береді. Оның құрамына енген халықтардың даму тарихы өздерінің әртүрлілігімен ерекшеленеді. Сол себепті, Алтын Ордан көптеген хандықтар ХҮ ғасырда бөлініп шықты.

Бүгінгі таңда, Алтын Орданың ыдырауы қарсаңында пайда болған мемлекеттердің құрылу тарихын зерттеу, сол мемлекеттердің қалыптасу тарихын нақтылай түсуде. Осы кезде тарихқа Қазақ хандығы атымен енген мемлекет, бүгінгі Қазақстан республикасы. Қазақстанның мемлекет ретінде өз алдына дербес құрылуы, әлемдегі көптеген этностар мен ұлттардың өз мемлекетінің болмауымен салыстырғанда, қазақ халқының өз мемлекетін құрудағы онтайлы кезең болды. Сол себепті, Қазақ хандығының 550 жылдығын атап өту мерейтойы бүгінгі таңдағы Қазақстанның құрылу тарихын нақтылауға өз септігін тигізді.

«Мәдени Мұра» мемлекеттік бағдарлама негізінде еліміздегі тарихи ескерткіштердің паспортталуы, отандық төл тарихымызды ресми түрде бекітуге мүмкіндік берді.

Қазақстан республикасының Президенті Тоқаев Қ.К. «Сындарлы қоғамдық диалог – Қазақстанның тұрақтылығы мен өркениетінің негізі» атты Қазақстан халқына Жолдауында [5], осы Алтын Орда мемлекетінің 750 жылдығын атап өту туралы мәлімдеді. Бұл тек, Қазақстанға ғана емес, Алтын Орда мемлекетінің территориясында құрылған және бүгінгі таңда өмір сүріп жатқан мемлекеттердің барлығының тарихында өзіндік орын алады.

Жоғарыда айтылғандай, Кеңес үкіметі тұсында КСРО құрамында болған мемлекеттерге Алтын Орда тарихын зерттеуге тиым салынды. Өйткені сол уақытта біртұтас КСРО елдерінің тарихы коммунистік идеология негізінде қолдан жасалынып, тарихымызда көптеген тарихи бұрмалаушылықтар, яғни ақтандақтар орын алды. Алтын Орда мемлекеті өмір сүрген территорияның басым көпшілігін қамтып Ресей империясы құрылса, Ресей империясы иелік еткен жерлерде 1922 жылы КСРО құрылды. Ресей империясы ХҮІІ ғасырдан бастап, бұрын Алтын Орданың құрамына енген территорияға үстемдік етуді көздеді және ол жерлердің басым көпшілігін жаулап алып, біртұтас етті. КСРО құрылған кезде кеңестермен осы территорияны өз қоластында сақтап қалу мақсаты көзделді. КСРО ыдыраған кезде оның құрамында болған 15 республика тәуелсіз мемлекеттер болып құрылып, өздерінің егемендігін жариялауға мүмкіндік алды. Қазақстан республикасын Алтын Орданың этносаяси мұрагерлерінің бірі деп атауға толық негіз бар деген пікір білдіреміз.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Ускенбай Қ. *Восточный Даит-и кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи.* – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. – 288 с.
2. Хамидуллин Б.Л. *Феномен золотоордынской цивилизации. Тюркологические исследования. 2019, том 2. №1.* – Р.30-35.
3. Жалаири Қ. *Жамигат тауарих.* – Алматы, 1989 ж. – Р.18-22.
4. Қашқари М. *Диуани лұғат-ат-түрік; Дулати М.Х. Тарихи-Рашиди.* – Алматы, 2003. – 616 б.
5. Тоқаев Қ.К. *Қазақстан халқына Жолдау «Сындарлы қоғамдық диалог – Қазақстанның тұрақтылығы мен өркеніетінің негізі» 4 қыркүйек 2019 ж.*

УДК 327.58
МРНТИ 11.25.59

Бердыгулова Г.Е.¹, Федосеева А.А.¹

*¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая
г. Алматы, Казахстан*

МОДЕЛЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация

Для Республики Казахстан вопросы этнической политики и межэтнических отношений имеют особое значение, поскольку Казахстан является многонациональной страной, в силу многообразия представленных этносов. В целом межэтнические отношения в Республике Казахстан характеризуются стабильностью и устойчивостью. Такое положение объясняется с одной стороны историческими или объективными причинами, а с другой стороны политическими или субъективными причинами. В данной статье анализируется модель этнической политики Казахстана, а также межэтнические отношения в стране. Во многих странах в настоящее время происходит актуализация этнических процессов. На сегодняшний день имеет место политизация этничности, также остро стоит вопрос, связанный с возрождением этнического самосознания народов. Посей день крайне важной проблемой для руководства государств остается выбор оптимальной политики в сфере межэтнических и межнациональных отношений. В связи с этим в данной работе рассматриваются такие понятия как «этнос», «нация», «этнополитика» и др. В статье рассматриваются основные направления современной этнополитики в Республике Казахстан и делается анализ межэтнической ситуации в стране на сегодняшний день.

Ключевые слова: этнос, нация, этнополитика, международные отношения, межэтнические отношения, модель этнополитики, межнациональные отношения, полиэтничные государства, этнические процессы, межнациональное согласие.

Г.Е. Бердыгулова¹, А.А. Федосеева¹

*¹Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Алматы қ., Қазақстан*

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ЭТНИКАЛЫҚ САЯСАТ МОДЕЛІ

Аңдатпа

Қазақстан Республикасы үшін этникалық саясат және этносаралық қатынастар мәселелері ерекше маңызды, өйткені, ұсынылған этностардың әртүрлілігіне байланысты, Қазақстан көпұлтты ел болып табылады. Жалпы алғанда, Қазақстан Республикасындағы этносаралық қатынастар

тұрақтылықпен сипатталады. Осы жағдай бір жағынан тарихи немесе объективті себептермен, екінші жағынан саяси немесе субъективті себептермен түсіндіріледі. Бұл мақалада Қазақстандағы этникалық саясаттың моделі және елдегі этносаралық қатынастар талданады. Қазіргі кезде көптеген елдерде этникалық процестер жанартылуда. Бүгінгі күні этносты саясаттандыру жүріп жатыр, сонымен қатар халықтардың этникалық бірегейлігін қайта қалпына келтіруге қатысты өткір мәселе бар. Осы уақытқа дейін қатынастар саласындағы оңтайлы саясатты таңдау мемлекеттер басшылығы үшін өте маңызды мәселе болып қала береді. Осы орайда, бұл мақалада «этнос», «ұлт», «этносаясат» және т.б. терминдер талқылайды. Бұл жұмыста Қазақстан Республикасындағы қазіргі этносаясаттың негізгі бағыттары қарастырылып, бүгінгі елдегі этносаралық жағдай талданған.

Түйінді сөздер: этнос, ұлт, этносаясат, халықаралық қатынастар, этносаралық қатынастар, этносаясат моделі, ұлтаралық қатынастар, полиэтникалық мемлекеттер, этникалық процестер, ұлтаралық келісім.

*Berdygulova G.E.¹, Fedosseyeva A.A.¹
¹Kazakh National University named after Abay
Almaty, Kazakhstan*

MODEL OF ETHNIC POLICY IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract

For the Republic of Kazakhstan, issues of ethnic policy and interethnic relations are of particular importance, since Kazakhstan is a multinational country, due to the diversity of ethnic groups represented. In general, interethnic relations in the Republic of Kazakhstan are characterized by stability and stability. This situation is explained on the one hand by historical or objective reasons, and on the other hand by political or subjective reasons. This article analyzes the model of ethnic policy of Kazakhstan, as well as interethnic relations in the country. In many countries, ethnic processes are currently being updated. Today, there is a politicization of ethnicity, and the issue of reviving ethnic consciousness of peoples is also acute. To this day, the choice of the optimal policy in the sphere of interethnic and interethnic relations remains an extremely important problem for the leadership of States. In this regard, this paper considers such concepts as "ethnos", "nation", "ethnopolitics", etc. The article considers the main directions of modern ethnopolitics in the Republic of Kazakhstan and analyzes the interethnic situation in the country today.

Key words: ethnos, nation, ethnic politics, international relations, ethnic relations, the model of ethno-politics, interethnic relations, multiethnic state, ethnic processes and interethnic consent.

В казахстанской политологической энциклопедии этнос (от греч. ethnos - народ, племя, группа людей, толпа, стая) определяется как естественно исторически сформировавшаяся устойчивая общность людей. В отличие от термина "демос", что переводится тоже "народ", термин этнос означал народ данного места [1; 396].

Нация – исторически сложившаяся социально – экономическая, культурно – политическая, духовная общность людей, объединенная территорией, общностью языка, экономической жизни и культуры.

Так чем же нация отличается от этноса? В первую очередь нация имеет более широкое понятие и является поздним и сложным образованием. Она пришла на смену народности и считается высшей формой этноса. Периодом формирования нации считается Новое и даже Новейшее время, в то время как существование понятия этнос можно отследить в ходе всей мировой истории. Как правило нация включает в себя сведенных друг с другом исторической судьбой несколько этносов. Происхождение понятий «этнос» и «нация» по мнению многочисленных исследователей имеет разную природу. Этнос характеризуется устойчивостью и повторяемостью культурных образцов.

Для нации же важен процесс самосознания, который происходит посредством соединения традиционных и новых элементов. Из всего этого следует, что нация стремится выйти на новый уровень развития, в то время как главной ценностью этноса является принадлежность к устойчивой группе.

Сегодняшний Казахстан – государство с полиэтничным составом населения. По данным переписи населения 2009 года казахи составляют 63,1% населения, русские – 23,7%, другие – 13,2%; по официальным оценкам на начало 2020 года – соответственно 68,51%; 18,85% и 12,63%. На рис.1 представлена наглядная диаграмма, описывающая ситуацию [2].

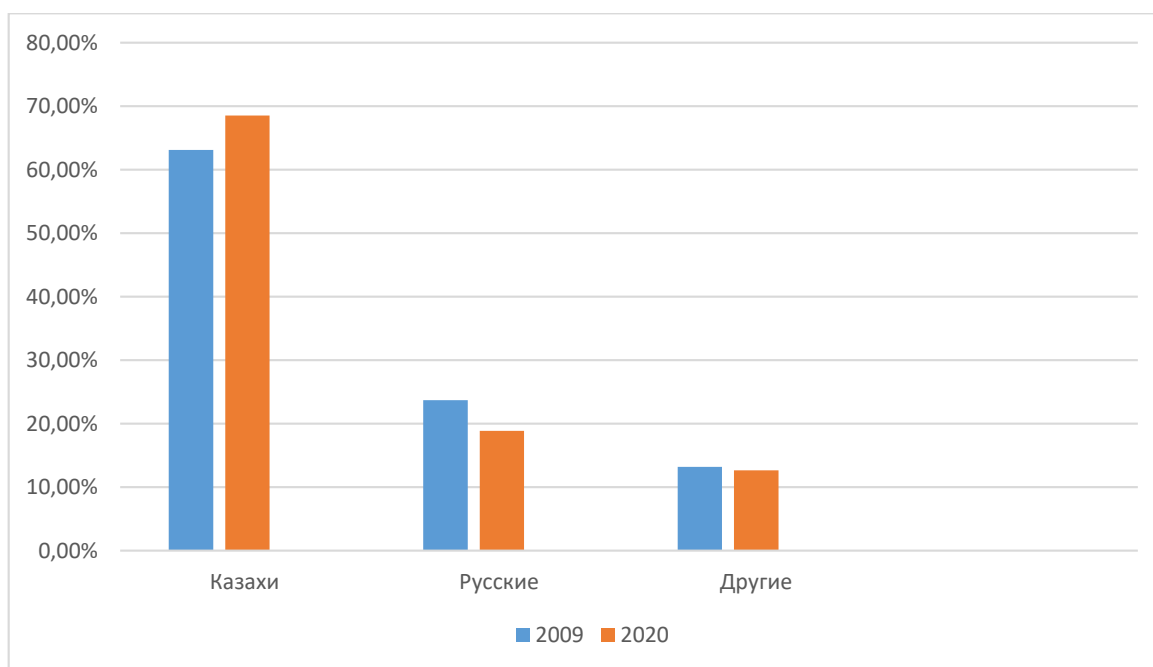

Рис 1. Состав населения РК за 2009 и 2020 гг.

Этнополитика – система законодательных, организационных, социально-экономических и идеологических мер. Данная политика осуществляется государством, общественными организациями или партиями и направлена на своевременный учет, согласование и реализацию этнических интересов. Также это касается вопросов по разрешению противоречий в сфере межэтнических отношений.

Одной из основных целей этнополитики является обеспечение межнационального согласия в стране, предотвращение, а также решение межэтнических конфликтов мирным путем. Для Республики Казахстан этнополитика является важным аспектом, поскольку Казахстан считается полиэтничным государством. Правильная этнополитика страны – это ведущий фактор, который позволяет сохранить государственную целостность страны, и унитарную форму государства.

Существует значительное разнообразие моделей этнополитики в разных странах. Однако их можно свести к двум основным моделям – ассимиляторской и мультикультурной.

Ассимиляторская модель этнополитики – политическая стратегия, предполагающая культурное гомогенизирование общества. Данная модель формируется из разнородных в этническом, религиозном и расовом отношении групп населения в некую целостность. Основанием для этого объединения являются общие гражданские идеалы и общие культурные стандарты. Одним из самых ярких примеров ассимиляторской модели в истории можно считать модель, которая долгие годы господствовала во внутренней политике Соединённых Штатов Америки. В США эта модель в какой-то степени начала осуществляться в 1960-х годах, когда президент США Джон Кеннеди назвал американский народ «нация иммигрантов». Именно это

определение показывает смысл тех задач, которые стояли и стоят перед политическим руководством страны при разработке этнополитики.

В современном мире одной из моделей этнополитики, которой следуют многие иммигрантские и полиэтнические страны, является мультикультурализм. Мультикультурализм – это особая форма либеральной идеологии, содержанием которой является интеграция различных этнических и расовых групп в единое сообщество при сохранении и официальной поддержке их культурной самобытности. [3; 176].

Раньше других стран принципы мультикультуризма стала реализовывать Индия. Она в 1950 году приняла Конституцию, в которой было закреплено культурное многообразие страны. В то же время политическая система данной страны строилась на принципах западной демократии.

В 1971 году Канада стала первой страной которая официально провозгласила государственной политикой мультикультуризм. Смысл канадской модели данной политики состоит в том, чтобы поддерживать этнокультурные ассоциации и помогать меньшинствам в преодолении препятствий, которые каким – либо образом мешают их полноправному участию в жизни канадского общества. Все это происходит через специальные программы и службы.

Для Казахстана, часто, в качестве оптимальной политики приводятся примеры таких полиэтничных стран, как Канада, Австралия, США, при этом делается акцент не только на полиэтничный состав населения, но и на сходство природно-климатических условий, ландшафт, масштабы территорий. Главным отличием народа Казахстана от австралийцев, канадцев и американцев является то, что народ Казахстана нельзя назвать нацией – иммигрантом.

На чем же базируется казахстанская модель этнополитики? В первую очередь на этническом многообразии и самобытности всех этносов Казахстана. Во-вторых на укреплении гражданской идентичности, казахстанского патриотизма. Главная цель этнополитики в Республике Казахстан, является строительство общего дома для всех этносов, проживающих в стране. Данная политика в сфере межэтнических отношений в стране строится на основании идеалов свободы, равноправия и согласия, принципов казахстанского патриотизма, взаимной поддержки и взаимоуважения всех членов общества. Даже в Конституции Республики Казахстан запрещается разжигание национальной, расовой, религиозной, родовой и сословной розни. Вне зависимости от этнической принадлежности законы Казахстана обеспечивают права каждого человека, поскольку главным подходом законодательства страны является формирование гражданского общества и равноправие всех граждан Республики. В сфере межэтнических отношений стратегия этнополитики определена в языковой политике и в государственных концепциях этнокультурного образования в стране.

Следует подчеркнуть, что в межэтнической политике государства народ Казахстана рассматривается не как новая этническая общность, а как политическая общность граждан. Еще один пункт, который следует отметить это то, что одной из основных задач этнополитики страны является недопущение политизации межэтнических отношений.

Ассамблея народов Казахстана стала институциональным координатором межэтнических отношений в поликультурном казахстанском обществе, способствует укреплению суверенитета государства, интеграции в мировое сообщество, укреплению имиджа государства на международной арене [4].

Ассамблея народа Казахстана позволяет целенаправленно создавать широкий коридор возможностей для гармоничного сохранения этносами своей национальной формы в рамках единой социокультурной системы, на базе единой гражданской позиции. Роль Ассамблеи заключается в принципиальной поддержке и дальнейшем развитии гармоничного культурного многообразия, религиозных свобод и межконфессионального диалога [5].

Анализ этнополитики государств показывает, что более действенных результатов добиваются те правительства, которые проводят соответствующие мероприятия в рамках специального законодательства. Принятие правоохранных мер защиты прав меньшинств делает перспективу их нарушения менее вероятной и способствует полномасштабной реализации международных стандартов.

Список использованной литературы:

1. *Казахстанская политологическая энциклопедия. Гл. ред. Т.Т. Мустафин. – Алматы: КазГУ, 1998. – 447 с.*
2. *Национальный состав Казахстана // Википедия. [2020]. Дата обновления: 12.10.2020. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=8187372&oldid=109825612>*
3. *Тишков В.А., Шабеев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. – М.: Издательство Московского университета, 2011. – 376 с. (Библиотека факультета политологии МГУ). стр.36-40*
4. *Казанцева О. Достояние республики // Казахстанская правда. – 2005. – 30 апреля.*
5. *Дьяченко С.А. Ориентиры единства // Достық-Дружба. – 2008. – № 5(39). – № 5. – С.7.*

УДК 323.28
МРНТИ 11.25.41

M.S. Orumbayeva¹

*¹PhD candidate in International Relations,
Sorbonne-Kazakhstan Institute of Abai University,
Almaty, Kazakhstan*

**INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF INTERNATIONAL
TERRORISM AND RELIGIOUSLY MOTIVATED EXTREMISM IN CENTRAL ASIA**

Abstract

International terrorism is one of the main threats to the national security of every state in the world, and the Central Asian region is no exception, but on the contrary, one of the regions closest to the hotbeds of terrorism.

The agenda for the security of the independent states of Central Asia includes questions about the growing Islamization of the population. At the moment, the question arises as to what kind of Islam will prevail in Central Asia. This means that the decisive factor is the following question: "Who will come to Central Asia today on behalf of Allah with a sermon: will a Muslim brought up in Salafi (Wahhabi) and extremist educational institutions, or will he be a follower of the Afghan Taliban or ISIS/DAISH (terrorist organizations banned in Kazakhstan), or will he still revive the true philosophical tradition of Islam, the tradition of Avicenna?"

The main reason for this concern is the threat of fundamentalism with a militarised Islamic connotation and the growth of growing Islamic organisations banned in a number of countries.

Keywords: terrorism, ideology, threat, radicalism, religious extremism, salafism.

M.S. Orumbayeva¹

*¹Халықаралық қатынастардың I курс PhD докторанты,
Абай университетінің Сорбонна-Қазақстан институты,
Алматы қ., Қазақстан*

**ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТЕРРОРИЗМДІҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҚ
АСПЕКТІЛЕРІ ЖӘНЕ ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ДІНИ МОТИВАЦИЯЛАНҒАН
ЭКСТРЕМИЗМ**

Аңдатпа

Халықаралық терроризм - әлемдегі кез-келген мемлекеттің ұлттық қауіпсіздігіне қауіп төндіретін факторлардың бірі, ал Орталық Азия аймағы да осыдан тыс қалмайды, керісінше, терроризм ошақтарына жақын аймақтардың бірі.

Орталық Азияның тәуелсіз мемлекеттерінің қауіпсіздігінің күн тәртібіне халықтың өсіп келе жатқан исламдануы туралы сұрақтар енеді. Қазіргі уақытта Орталық Азияда қандай ислам басым болады деген сұрақ туындайды. Демек, шешуші фактор келесі сұрақ: «Орталық Азияға кім Аллаһтың атынан уағызбен келеді: салафиттік (ваххабиттік) және экстремистік оқу орындарында тәрбиеленген мұсылман бола ма, жоқ әлде ол ізбасар бола ма? Ауғандық Талибан немесе ДАИШ / ДАИШ (Қазақстанда тыйым салынған террористік ұйымдар) немесе ол әлі де исламның шынайы философиялық дәстүрін, Авиценна дәстүрін жандандырады ма?

Бұл алаңдаушылықтың басты себебі – бұл фундаментализмнің әскерилендірілген исламдық коннотациямен қатері және бірқатар елдерде тыйым салынған исламдық ұйымдардың өсуі.

Түйін сөздер: терроризм, идеология, қауіп, радикализм, діни экстремизм, салафизм.

Орумбаева М.С.¹

*¹PhD докторант 1 курса специальности международных отношений
Институт Сорбонна-Казахстан при КазНПУ им. Абая
г. Алматы, Казахстан*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА И РЕЛИГИОЗНО МОТИВИРОВАННОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация

Международный терроризм является одной из главных угроз национальной безопасности каждого государства мира, и Центральноазиатский регион не является исключением, а, напротив, одним из регионов, наиболее близких к очагам терроризма.

В повестку дня безопасности независимых государств Центральной Азии включены вопросы о растущей исламизации населения. В настоящее время возникает вопрос о том, какой ислам будет преобладать в Центральной Азии. Это означает, что решающим фактором является следующий вопрос: "Кто сегодня придет в Центральную Азию от имени Аллаха с проповедью: будет ли мусульманин, воспитанный в салафитских (ваххабитских) и экстремистских учебных заведениях, или он будет последователем афганского Талибана или ИГИЛ/ДАИШ (террористических организаций, запрещенных в Казахстане), или он все-таки возродит истинную философскую традицию ислама, традицию Авиценны?"

Основная причина этой озабоченности-угроза фундаментализма с милитаризованным исламским подтекстом и рост числа исламских организаций, запрещенных в ряде стран.

Ключевые слова: терроризм, идеология, угроза, радикализм, религиозный экстремизм, салафизм.

I. INTRODUCTION

The issues of the growing Islamization of the population are firmly on the agenda on the security issues of the independent Central Asian states. In many studies aimed at social and political processes in Central Asia, historically regarded as the area of distribution of Islam, it is believed that with the collapse of the Soviet Union, a vacuum arose that quickly filled with awareness of belonging to the international Muslim community - the Ummah.

The regional process with a predominantly ethnically Muslim population is called an "Islamic revival," or "re-Islamization." The reason for this concern is, first of all, the threat of fundamentalism with a militarized Islamic coloring and the growth of growing Islamic organizations banned in a number of countries.

The economic crisis in the Central Asian countries immediately after the collapse of the USSR contributed to the aggravation of the situation. In most of the countries of the region, the economic situation is still difficult.

Without claiming to study all the threats and challenges that have a destabilizing effect on the Central Asian region, let us dwell on the main ones: drug trafficking, religious extremism and energy security. The threat of political destabilization of the region as a result of the change of leadership elites can also be considered a relatively new challenge.

II. THEORETICAL RESEARCH

Undoubtedly, terrorism and religious extremism being the "plague of the twenty-first century", increases the number of terrorist attacks and, consequently, the number of human casualties every year around the world. The states of Central Asia for 2018 have risen by 8 positions in the list of indicators of influence of terrorism in the Global Terrorism Index for the last three years, where Kazakhstan and Tajikistan occupy 75th and 74th places in the world ranking, Kyrgyzstan-80th place, and Turkmenistan and Uzbekistan are at its lowest positions with zero level of terrorist activity.

Thus, every year, terrorist activity in the region is increasing, where the problems of terrorism and religious extremism, in turn, are becoming more acute at all levels of government and society in the Central Asian republics. The urgency of this research in the given dissertation is caused by necessity of studying and analysis of the given phenomenon.

One of the most pressing problems for countries facing issues of radicalization is the de-radicalization of those convicted of terrorism and extremism (T&E). The need for classification into categories is justified by the fact that those convicted of T&E are heterogeneous, monolithic (different ideology, organization, level of religious knowledge, etc.), usually they single out aggressive, leaders, and rank-and-file. Different countries have different classifications and, in accordance with this, work with them is carried out in different ways. The classification of those convicted of terrorism and extremism will make it possible to conduct targeted work on de-radicalization and risks, to track changes in the behavior and worldview of persons convicted of T&E.

One of the challenges for modern Kyrgyzstan has become the situation in places of detention among those convicted of terrorist and extremist activities. Concern is caused by the increase in the number of this contingent, most of whom, after serving time, are released without changing their beliefs. Deradicalization measures in places of detention are extremely difficult and the measures taken are non-systematic. Moreover, large-scale studies of the state and changes in situations among those convicted of terrorism and extremism have not previously been undertaken, and basically the study took place in fragments [1] due to the relative novelty of the problem. Increased attention to the problems of deradicalization has manifested itself and is associated with the departure and return of Kyrgyz citizens from the war zones in Syria and Iraq. Measures in this direction began to be taken almost only in 2017 with the arrival of the State Penitentiary Service (SSEP). Active attempts are being made to conduct a systematic assessment of the existing problems, to develop priority and strategic steps to work with this category of prisoners.

The agenda for the security of the independent states of Central Asia includes questions about the growing Islamization of the population. At the moment, the question arises as to what kind of Islam will prevail in Central Asia. This means that the decisive factor is the following question: "Who will come to Central Asia today on behalf of Allah with a sermon: will a Muslim brought up in Salafi (Wahhabi) and extremist educational institutions, or will he be a follower of the Afghan Taliban or ISIS/DAISH (terrorist organizations banned in Kazakhstan), or will he still revive the true philosophical tradition of Islam, the tradition of Avicenna? The main reason for this concern is the threat of fundamentalism with a militarised Islamic connotation and the growth of growing Islamic organisations banned in a number of countries.

Such ideological forms can stimulate the growth of religious extremism and terrorism, which in turn can lead to the strengthening of religious radicalization, the growth of inter-religious and interethnic contradictions, as well as the direct politicization of Islam.

Many studies aimed at social and political processes in Central Asia, which have historically been regarded as an area of Islamic distribution, believe that the collapse of the Soviet Union created a vacuum that was quickly filled with awareness of the international Muslim community - the ummah. This regional process, with its predominantly ethnic Muslim population, is called "Islamic Renaissance"

or "re-Islamization" [2]. The growth of national consciousness, in which belonging to the Islamic ummah is an important part of the cultural code, has become the driving force of this process.

Any state always tries to build an effective policy of interaction with religious institutions, understanding the importance of religious relations. In Kazakhstan, separate state bodies have been created in different years to regulate religious relations as a result of the actualization of religious policy.

The relevance of this work also lies in the foreign policy context of relations to this problem, expressed in the actualization of the international organizations of global and regional character. In addition, Kazakhstan always positioning itself as an initiator of peaceful initiatives, in the context of the study it is necessary to mention the Congress of World Religions, the Astana process, initiated by the President of the Republic of Kazakhstan - Nursultan Nazarbayev and held in the city of Astana. Representatives of different world confessions were gathered at one table, a dialogue platform was created on the issues of security and increasing tolerance between traditional religions [3].

Since the collapse of the Union of Soviet Socialist Republics and the formation of the new independent states, the once peripheral region of Central Asia has been transformed into a region that holds a key position in the geopolitical coordinates of the entire Eurasian space.

In most cases, the preconditions for terrorism are the existence of extremist views among terrorists. While extremism constitutes extremely radical views of various kinds, terrorism has extremely radical political and ideological actions.

Extremism in all its forms is an ideological source of terrorism; it gives ideas to terrorism, nourishes it spiritually, justifies terrorists and terrorist acts, calling them, for example, "retribution" or "holy war". It is therefore true that extremism is also responsible for everything that terrorism does. People have to live under the constant threat of terrorist acts, which can happen at any moment and in any place.

Terrorism has accompanied humanity throughout its history. One of the main purposes of a terrorist act is to spread fear in as many people as possible. Carriers of modern terrorism are political organizations, extremist groups, individuals denying legal opposition activities, as well as criminal structures and individuals fighting for division and limits of spheres of influence. A characteristic feature and, at the same time, inhumane nature of terrorism is that terrorists use fear, horror, and often the death of innocent people to achieve their goals.

Modern terrorism is characterized by a variety of methods and techniques: air transport hijackings, mass explosions, kidnappings, murders, threats, poisonings and other acts, often targeting completely random people. The scale of terrorism is constantly increasing as a result of changes in ownership and heightened power struggles.

The Law of the Republic of Kazakhstan of July 13, 1999 "On counteraction to terrorism" has a theoretical concept, where terrorism is defined as an ideology of violence and practice of influencing the decision of state bodies, local self-government bodies or international organizations by committing or threatening to commit violent and (or) other criminal acts related to the intimidation of the population and aimed at causing damage to the individual, society and the state [4].

This law defines an "act of violence" as the commission or threat of commission of an explosion, arson or other actions that create a risk of loss of life, significant property damage or other socially dangerous consequences, if these actions are committed with a view to violating public safety, intimidating the population or influencing the decision-making of state bodies of the Republic of Kazakhstan, foreign states or international organizations, as well as encroaching on the life of a person?

Extremism and terrorism are among the most acute problems in the sphere of national security of many states. As the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev noted "...no country in the world is immune from terrorist attacks".

The terrorist threat has also become a reality for Kazakhstan. It is no coincidence that extremism and terrorism are reflected in one of the fundamental legislative acts of the state "On national security of the Republic of Kazakhstan" as the main threats to national security [4].

Counteraction to extremism and terrorism is defined as one of the priority tasks of the Strategy "Kazakhstan-2050", a new political course of the established state, outlined in the message of the President of the Republic of Kazakhstan - the Leader of the Nation N.A. Nazarbayev to the people of Kazakhstan in December 2012 .

As part of the implementation of strategic objectives, the State Programme to counteract religious extremism and terrorism in the Republic of Kazakhstan for 2017-2022 was approved by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan. It pays special attention to the need to strengthen the prevention of religious extremism in society, primarily among young people, as well as the formation of a religious consciousness in the population that corresponds to the traditions and cultural values of the secular state - the Republic of Kazakhstan, where inter-confessional peace and harmony reign, respected and respected the rights of both believers and citizens holding atheistic views [5].

The situation with terrorist and extremist crimes in the Republic of Kazakhstan is characterized by the fact that their number increases from year to year. Over the past 5 years, there has been a sharp increase in the types of crimes analyzed, with their transition from passive crimes (the spread of common judgments, the involvement of new adherents) to crimes that involve active actions (calls for acts of disobedience, the commission of terrorist acts, including the commission of terrorist acts).

In general, the increase in the number of followers of destructive religious movements is indicated by a number of circumstances. First of all, it is necessary to highlight the increase in the number of criminal cases on the articles of religious extremism and terrorism. Most of the cases concern propaganda of terrorism or public incitement to commit a terrorist act. From year to year, the most popular channels for the dissemination of destructive ideas are electronic sources of information, which may complicate the procedures for identifying and preventing the expansion of the zones of influence of such associations. For example, to date, a significant number of registered cases under "terrorist" articles have not reached the court proceedings due to the impossibility of identifying the accused persons or concealing the accused person outside Kazakhstan [6].

In addition, the weak system of religious education for the training of clergymen, in particular Muslims, along with the growing popularity of Internet sources, leads to the appeal of citizens to foreign sites and foreign religious representatives, which complicates the implementation of state policy in the field of religion. An important indicator of the activity of foreign destructive religious movements in Kazakhstan is the annual growth in the number of Kazakhs leaving for the territory of military operations in Syria and Iraq.

III. EMPIRICAL RESEARCH

In general, according to statistical data on recorded violations in the field of dissemination of extremist religious literature and information materials, the following group of regions is of the greatest concern: Mangistau, Atyrau, Aktobe, West-Kazakhstan, and Almaty. The expert survey revealed that in the risk zone of destructive religious ideas spread there are the Western, Central and Southern regions of the country, which are influenced by external factors (the influence of the zones of the neighbouring countries' VRT, migration), internal (socio-economic, demographic conditions, weakness of rehabilitation and preventive work).

Moreover, according to the data of the Prosecutor General's Office, a generalized portrait of persons involved under "terrorist articles" can be distinguished. Thus, they are unemployed, aged 21 to 39 and predominantly with secondary or specialized education. At the same time, there is a trend towards an increase in the number of minors and female representatives committing offences related to extremist and terrorist activities.

At the same time, the results of the expert survey also confirm the general trend of dissemination of ideas of destructive religious movements among men of Kazakh nationality aged 18-45, who also have a higher degree of secondary or specialized education and a low level of income. In terms of the place of residence, experts identified urban residents to a greater extent, but rural residents were also noted. According to the results of the study, the involvement of women, teenagers, and the population with average income and a high level of education in the sphere of influence of destructive religious movements can be singled out as negative trends, which indicates the spread of ideas among the entire population and, especially, among the most stable part of it. This was also noted by some experts, who said that the entire population of the country is at risk.

The results of the study showed that young people, persons in detention facilities, wives, children and relatives of convicts for their commitment to destructive religious movements, the unemployed and persons in difficult life situations are at risk of being involved in the activities of destructive religious movements.

Along with the growth of offenses, the number of people prosecuted under these articles is also growing accordingly. According to the data of the Committee on Legal Statistics and Special Records of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, in 2014 55 persons were prosecuted for criminal offenses related to extremism and terrorism, in 2015 - 97, in 2016 - 175 people. In general, it can be noted that there is an increase in the prosecution of minors (from 1 in 2014 to 7 in 2016) and women (2014 -3, 2016 - 16). Most are citizens of Kazakhstan. In terms of age, it is necessary to mark persons aged 21-29 and 30-39 years old (Figure 1).

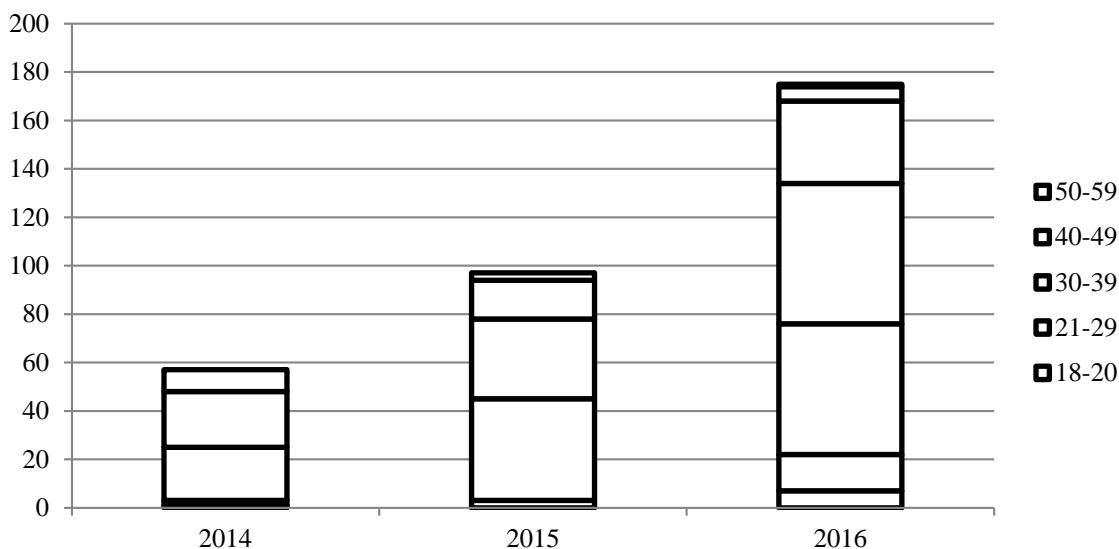

Figure 1. Dynamics of the number of persons prosecuted under articles related to terrorist and extremist activities by age
 According to the Committee on Legal Statistics and Special Accounts of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan.

In addition, the majority of persons prosecuted are unemployed (more than 70%) and have secondary, specialized secondary education, while there is an increase in the number of people with higher education who have committed criminal offenses related to extremism and terrorism (Figure 2)

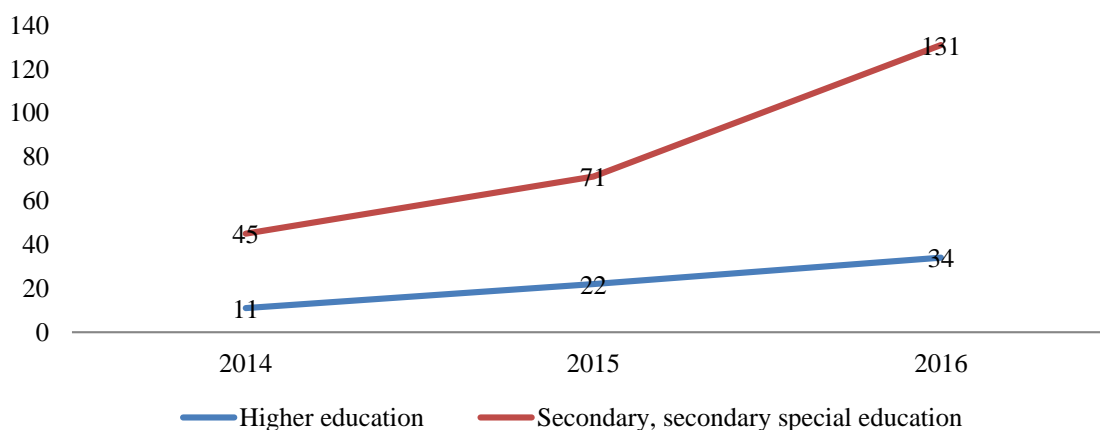

Figure 9. Dynamics of the number of persons prosecuted under articles related to terrorist and extremist activities in the context of education
 According to the Committee on Legal Statistics and Special Accounts of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan

For the period 2014-2016 in the country as a whole, more than 1000 various materials containing extremist information were seized, while these figures are growing every year. It should also be noted that materials of a printed nature (books, leaflets, brochures) are found to a greater extent (Figure 3).

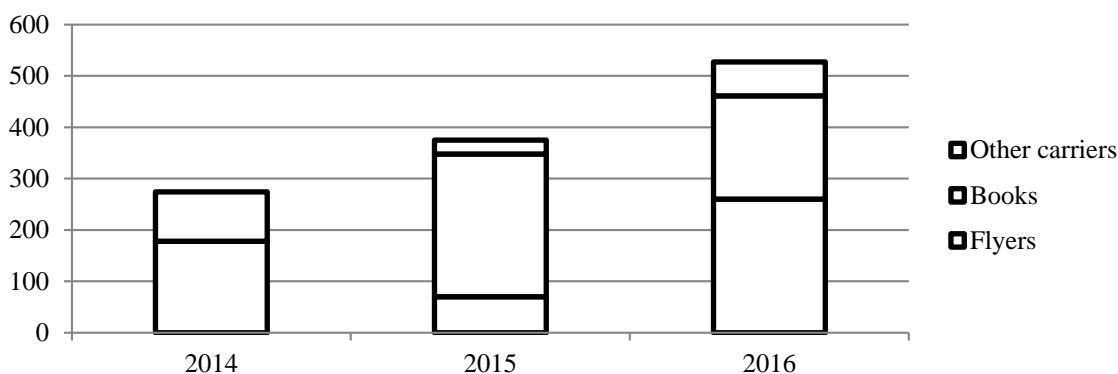

Figure 10. Dynamics of the number of seized materials containing extremist information According to the Committee on Legal Statistics and Special Accounts of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan

Thus, we can conclude that in Kazakhstan there is a tendency to an increase in the number of people - adherents of destructive religious movements, and moreover, their activities are of a criminal nature, aimed at destroying the traditional foundations of society and the state. It is worth noting the increase in the number of criminal cases under the articles "incitement of social, interethnic, religious hatred" and "propaganda of extremism and terrorism."

Against the backdrop of the growing number of followers of destructive religious movements, it is important to consider the rehabilitation of victims of destructive religious movements.

An analysis of international experience in combating the spread of destructive religious movements and the rehabilitation of victims of non-traditional religions has shown that legislation in most countries recognizes the negative impact of non-traditional religious movements and provides for measures to restrict and prohibit their activities in the territory of the State. The main mechanisms for identifying persons exposed to the negative impact of destructive religious movements are, in most cases, socio-psychological and advisory centres on religious issues and institutions for monitoring and intelligence activities.

Analysis has shown that international practice for the rehabilitation of victims of destructive religious movements attaches particular importance to the activities of non-governmental organizations that take various initiatives and projects in this area, including State support and the participation of the clergy in the rehabilitation process. A comprehensive approach to rehabilitation methods is emphasized, which includes all cycles of rehabilitation (psychological, religious, social, educational, etc.). Moreover, it is necessary to note that the methods of reintegration of a person into society, as well as post-rehabilitation support for finding housing, employment, etc., are highlighted. Much attention is also paid to work with different categories of radicals and persons at risk, in particular wives and children, relatives and friends, etc., both in the prevention of the spread of radical views among them and as a tool for support during rehabilitation.

IV. PSYCHOLOGICAL RESEARCH

This part of this article is an attempt to recreate the personality of young people who are used as instruments of murder by their leaders and who voluntarily give up their lives. The aim is to understand the psychological trajectories of personality development in the context of family environment, religious education and culture, which can contribute to the creation of a suicide bomber.

Suicide bombers have become commonplace in many parts of the world, especially over the past 10 years. Media interviews with some suicide bombers who have been arrested do not shed light on this

process, as there are significant similarities between the causes of suicide attacks. Their justification includes various reasons falling under the general categories of religion, nationalism and revenge. These factors, of course, play a role; but from a psychodynamic point of view, the first question would be "What is the uniqueness of these people's personality compared to the rest of the population? Why do they believe in the ideology of jihadists to such an extent that they are willing to kill themselves and others?"

The first factor in creating a potential suicide bomber is to abandon their family. This renunciation leads to low self-esteem, anger and a sense of misery in the individual. Strict discipline is the second factor that leads to the unconscious formation of cruelty towards authoritative figures or symbols of power. The third factor, which can contribute to the creation of a suicide bomber, is the wrong experience of puberty. As a result of careful brainwashing with heavy doses of radical religious stereotypes and discouraging overdose by independent thinking, these young people are ill-equipped to go through this stage of identity building. The fourth factor that can contribute to the creation of a suicide bomber is the inability of people to accept mortality. Therefore, recruiters develop a firm belief in potential suicide bombers that there is not only the afterlife, but also that he is provided with eternal life and bliss in heaven [7].

From the point of view of psychodynamics, any situation that develops or events that occur in a person's life are the result of interaction of a person with circumstances. Taking into account the personality traits of the suicide bomber described above, there are still people in the world who are not self-blowing, but who are also orphans and who have experienced violence and other forms of abuse. But they survive by finding other ways to fill in their limits and psychological gaps, i.e., they are not subject to the ideology of violence, but rather by being able to resist it.

Throughout history, dangerous charismatic cult leaders have addressed a wide range of individuals with alarming consequences. These charismatic personalities tend to lead young people, often idealistic, naive, and eager for a powerful parent figure, to their potential destruction.

To better explain this process, the following is worth mentioning:

1. The call and manipulation of a charismatic cult leader
2. The way of interaction of the cult leader with unique features of character for transformation of the moral code
3. Mergence of individual vulnerabilities and overarching ideologies.

Weber (1965) described charisma as "a certain quality of personality by virtue of which it is separated from ordinary people and regarded as endowed with supernatural, superhuman or at least exceptional qualities. A charismatic leader draws followers into a charismatic sphere of influence and depends on that influence. There is something self-affirming about charisma. Those who seek special power can still rely on the powers granted to them as a result of their privileged position. Charisma implies a two-way relationship between the leader and the followers, and the relationship can be either authoritarian or non-authoritarian in style.

In an attempt to gain an understanding of the powerful relationship between a charismatic leader and a group, the group begins to experience the leader as a new father figure with whom to peer and identify. By identifying with the leader, super ego followers can change: the mutual identification of all followers, resulting from the idealization of the leader, helps to relieve followers of moral responsibility for their actions, which they take at the direction of the leader. As the group becomes more authoritarian, the intensity of the absolute belief system increases, as does the demand for personal commitment to the leader's ideals. At the same time, in cults, followers are encouraged to suppress negative feelings or doubts about the leader and cult experience.

V. CONCLUSION

When members of destructive religious organizations are talked about in society, many represent them as victims. In fact, this is not the case. After all, being in such an organization and penetrating into its ideology, it is necessary to make decisions. In particular, when they do not pay attention to those moments that can contradict even personal needs. It is interesting to know why some people are ready to continue their participation in this action. One of the answers is that the adherents hope to get evidence

that everything that happens to them is "right" and that it "helps". They want to believe that they are moving forward - to the well-being, strength, the attainment of which they were originally promised. That is why it is so difficult to leave such organizations, because we have to admit that, yes, I was wrong and wanted to believe in something that makes no sense contrary to logic.

Nowadays, many organizations of a destructive nature pretend to be harmless companies, change their names, hiding behind a healthy lifestyle or Eastern spiritual practices. In such pseudo-organisations, mentors will always avoid questions, get a little irritated, try to change topics and so on. Otherwise, the organisers will only be happy to answer all your questions in detail.

In order to protect your loved one from recruitment, in particular children, you should always remember that the only thing that applies to the loved ones is care and attention. If they will grab love in the family, it is unlikely they will reach for it somewhere else.

List of references:

1. *Social and ideological essence of religious extremism / Under edition of E.G. Filimonov. M.: Knowledge, 1983. – 63 с.*
2. *Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism of 14.06.2001. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3405>.*
3. *Resolution 1344 (2003) on the threat to democracy posed by extremist parties and movements in Europe. URL: http://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/%5Brussian_documents%5D/%5B2003%5D/%5BSept_2003%5D/Res%201344%20rus.asp.*
4. *Law of the Republic of Kazakhstan "On National Security of the Republic of Kazakhstan" dated January 6, 2012 [Electronic resource]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527> (date of application 01.06.2017).*
5. *According to the Global terrorism database. URL: <http://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?expanded=no&search=central+asia&ob=GTDID&od=desc&page=1&count=100#results-table>.*
6. *Address by the President of Kazakhstan N.A. Nazarbayev at the opening of the second session of the sixth convocation of the Parliament of the Republic of Kazakhstan (1 September 2016) [Electronic resource]. URL: http://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-kazahstana-nnazarbaeva-na-otkrytii-vtoroi-sessii-parlamenta-rkshestogo-sozyva (date of request: 01.06.2017).*
7. *Strategy "Kazakhstan-2050": a new political course of the established state, voiced in the message of the President of the Republic of Kazakhstan - the Leader of the Nation Nursultan Nazarbayev to the people of Kazakhstan, Astana, December 14, 2012 [Electronic resource]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002>*

УДК 327"71"

A.K. Halnazarova¹, G.E. Kanafina¹

¹ student of the 4rd year of International relations of the Institute of Sorbonne-Kazakhstan at Abai KazNPU

¹ PhD in Political Science, Department of International Relations Sorbonne Institute-Kazakhstan KazNPU Abai Almaty, Kazakhstan

THE ROLE OF PUBLIC DIPLOMACY IN INTERNATIONAL RELATIONS IN FULL PROCESS OF GLOBALIZATION

Abstract

The purpose of the article was to highlight the role of the public diplomacy in connecting the countries of the world in the economic process globalization. Like the goals, we want to emphasize the types of powers which play an important role in public diplomacy and national politics public diplomacy. The studies we have done so far show recording contemporary international relations, a globalization, a process of resizing that leads to the abolition of the state a monopoly on foreign policy. As a result, a whole range of non-state actors they affect the appearance of a country and are provided by information technology multiple communication mechanisms. In this situation, diplomatic activities should be accompanied by and through a communication process domestic and foreign markets. The coronavirus moment was also addressed. The pandemic brought with it a new reality. World lockdown and quarantine measures created some challenges for the work of diplomats. We considered at how it affected public diplomacy.

Keywords: public diplomacy; soft power; hard power; diplomacy; globalization; interstate relations, cultural diplomacy, pandemic, Covid-19.

A.K. Халназарова¹, Г.Е. Қанафина¹

¹ Халықаралық қатынастар мамандығының 4 курс студенті, Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институтының, Алматы қ., Қазақстан

¹Саяси ғылымдар кандидаты,
Абай атындағы ҚазҰПУ Қазақстан Институт-Сорбонна Қазақстан
Алматы қ., Қазақстан

ҚОҒАМДЫҚ ДИПЛОМАТИЯНЫҢ РӨЛІ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДА ТОЛЫҚ ҮДІС ГЛОБАЛДАНДЫРУ

Аңдатпа

Мақаланың мақсаты - жаһанданудың экономикалық процесінде әлем елдерін біріктірудегі қоғамдық дипломатияның рөлін атап көрсету. Мақсаттармен қатар, біз қоғамдық дипломатияда және ұлттық саясаттың қоғамдық дипломатиясында маңызды рөл атқаратын өкілеттіктердің түрлерін атап өткіміз келеді. Біздің осы уақытқа дейін жүргізген зерттеулеріміз қазіргі заманғы халықаралық қатынастарды, жаһандануды, отставка процесін жазып, мемлекеттің сыртқы саясаттағы монополиясының жойылуына әкеліп соқтырғанымызды көрсетеді. Нәтижесінде бірқатар мемлекеттік емес субъектілер елдің сыртқы келбетіне әсер етеді және әртүрлі коммуникациялық механизмдер арқылы ақпараттық технологиялармен қамтамасыз етіледі. Бұл жағдайда дипломатиялық қызмет ішкі және сыртқы нарықтардағы коммуникация процесі шеңберінде жүруі және жүзеге асырылуы керек.

Түйінді сөздер: халықаралық терроризм, жаһандану, террористік қызмет, терроризм, есірткі трафигі, пандемия, ШЫҰ

Халназарова А.К.¹, Қанафина Г.Е.¹

¹студентка 4 курса кафедры международных отношений
Института Сорбонна-Казахстан, КазНПУ им. Абая

¹кандидат политических наук кафедры международных отношений
Института Сорбонны-Казахстан, КазНПУ им. Абая
г. Алматы, Казахстан

РОЛЬ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ПОЛНОМ ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация

Цель статьи - осветить роль публичной дипломатии в объединении стран мира в экономическом процессе глобализации. Наряду с целями мы хотели бы отметить типы сил, которые играют важную роль в публичной дипломатии и публичной дипломатии национальной политики. Наше исследование показывает, что мы писали о современных международных отношениях, глобализации, процессе отставки и разрушении монополии государства на внешнюю политику. В результате ряд неправительственных организаций влияют на внешний вид страны и получают информационные технологии через различные механизмы связи. В этом случае дипломатическая деятельность должна осуществляться и осуществляться в рамках коммуникативных процессов на внутреннем и внешнем рынках.

Ключевые слова: международный терроризм, глобализация, террористическая деятельность, терроризм, незаконный оборот наркотиков, пандемия, ШОС.

In international relations, the term "public diplomacy," as it turns out, means to describe aspects of international relations that manifest themselves outside the interactions of public bodies. There are actions that we attribute to public diplomacy and have existed since ancient times. The term "public diplomacy" was introduced into scholarly circulation in 1965 by Edmund Gullion, career diplomat and dean of the School of Law and Diplomacy. Edward R. Murrow used informational material for public diplomacy and described the term public diplomacy as "public influence, attitudes in forming and conducting foreign policy. It includes aspects of international relations that go beyond traditional diplomacy, including:

- governments' shaping of public opinion in other countries;
- interaction between private interest groups from different countries;
- informing people about international affairs and their impact on domestic politics;
- communication between those whose function is to communicate, such as diplomats and foreign journalists.

Griffin Malone expands the definition to include the need to understand others as fundamental to the success of public diplomacy: "if we are to succeed in our efforts to create understanding for our society. For our policies, we must first understand the leitmotifs, culture, history and psychology of the peoples with whom we want to communicate, and certainly in their language." Former diplomat John Brown describes U.S. public diplomacy as "a process involving three roles: information dissemination, education and cultural exchange. Political scientist Joseph Nye describes public diplomacy as a political expression of the concept of soft power, which he introduced in the early 1990s. In international politics, hard power is the ability of an actor to influence another to perform certain actions that would not otherwise be taken. So, hard power is the ability of an actor to get another to perform certain actions that would not otherwise be taken. Actions and tactics that include military intervention, coercive diplomacy, and economic sanctions. In contrast, "soft power" refers to the ability to persuade an actor to take these actions. The combination of these two actions is a power smart, an approach that uses strategically the most appropriate tactics of the two aforementioned dimensions of power¹.

Soft power of a country is created through the activities of multiple actors and organizations impacting foreign audience – artists, art galleries and music television, political parties, writers and

artists' associations, journalists and media groups, researchers and teachers, entrepreneurs and religious leaders etc. Introducing the use of this term was necessary because the activities involved were assigned to a concept that had already managed to manifest negatively – propaganda. Attempts to define the two terms lie in the Following: public diplomacy is based on known facts, real, while propaganda is based on a combination of counterfeits with the true facts. We could identify some preconditions for the emergence of public diplomacy for governments and the scientific community:

- spread of democratic political regimes is characterized by continued pressure on political society, transforming the legitimacy of government policies in a key internal stability;

- growing role of multilateral framework in solving international problems determines the importance of persuading public opinion from other countries of the need to mobilize international coalitions;

- the establishment of information technologies era allows rapid movement of information, which leads to the emergence of a transnational public opinion;

- globalization offers states the opportunity to compete in order to attract foreign investment, trade opportunities, skilled workforce in order to ensure sustainable economic growth.

In this new conjuncture there isn't a clear delineation of internal policy subjects from the external one, since, for example, the political crisis in a country can destabilize the international situation².

Unlike official diplomacy, which could be described as the way in which states communicate with each other at different levels, public diplomacy focuses on how governments (or international organizations such as the United Nations), deliberately, through both officials and private persons or institutions communicate with citizens of other states. The latter has a transparent character and involves a large number of players gathered around a common set of interests, opposed to official diplomacy, which is promoted by the relevant institutions. Although, as you know, communication with state's company, which is accredited, has always been a prerogative of the diplomats. Public relations of the foreign ministries, although using the same means and techniques such as public diplomacy, represent a communication with the citizens of the country transmitters in order to help in the understanding and interpretation of the outside world from a national perspective and to increase exposure of the international role of the respective country and its diplomatic service. The key difference here refers to the target audience of the exercise of communication, the public diplomacy being oriented in concept and definition by conviction and by hearing of external public. However, due to increased exposure of the media, the emergence of 24 hours' cycles news, the Internet and other forms of revolution in communication lately, target audience of the two exercises have begun to lose its degree of ranks, domestic audiences becoming exposed to and influenced by official communications with external audiences, and vice versa.

It is public diplomacy through open, argumentative, direct and frank dialogue has the necessary toolkit and sufficient credibility to gain the trust of foreign audiences. A key element in determining the increasing role of public diplomacy in the contemporary context is the understanding of the role of public opinion as a determining factor of international politics, since it is the one that can and does exert real influence on both governments and political systems as a whole. Compared to classical diplomacy, public diplomacy has many advantages³. Specifically, public diplomacy requires fewer resources and money, has a more diverse arsenal of methods, and is more adaptable to specific socio-cultural contexts and traditions. Long-term loyalty of foreign audiences and the creation of a stable image of the country are ensured by a particular type of diplomatic activity. The use of public diplomacy techniques is also possible in cases of complex official relations between states.

Another tool of public diplomacy is cultural diplomacy. Using cultural mechanisms in its activities, it is understood as a system of measures by governmental and nongovernmental actors seeking to achieve certain foreign policy goals. Cultural diplomacy is carried out in practice by organizing festivals, conferences, exhibitions on national culture, cinema, literature, thematic weeks, etc. Much more can be achieved by expanding and popularizing culture, science, education, literature and language abroad than by threats, intimidation and bribery. In the field of culture, this concept encompasses a wide range of measures aimed at achieving the country's foreign policy goals through the development of

international cooperation. The main goal of interethnic cultural cooperation is to spread the cultural presence of different countries abroad and to create a favorable image of a foreign audience. In action, the most vivid example of cultural diplomacy can be the numerous centers for the study of the culture and language of the state-creator: Alliance Française (France- Kazakhstan). Educational exchange programs are the most important tool of public diplomacy. Compared to other levers of pressure, the great advantage of education in the context of achieving foreign policy goals is its higher efficiency. Educational exchange activities are practiced all over the world, which not only have a beneficial effect on the image, but also contribute to the dissemination of values and lifestyles. In the international arena, the most economically developed countries of the world use financial assistance to countries in need as part of their state promotion. State and non-state charitable foundations play a key role here. As a result of natural and man-made disasters, this type of diplomatic activity offers assistance to other countries.

But public diplomacy requires more than that, regarding what we previously called the “soft” power. Unlike classical diplomacy, defined as the instrument by which heads of state or the government communicated at the highest levels, public diplomacy focuses on ways in which a country (or a multilateral organization like the United Nations), acting consciously or unconsciously, on individuals or institutions through formal or informal, directs communication with the citizens of another country. But like classical diplomacy, public diplomacy assumes that dialogue, rather than a presentation with advertising, it is essential to achieve foreign policy goals⁴. Therefore, to be effective, communication should be bi-directional, involving not only shaping messages that country transmits abroad, and analysis of how the message is interpreted by different companies and develop tools for listening and persuasion.

Public diplomacy gets a big role in world politics as the only effective tool that helps develop "soft power" in international relations. "Public diplomacy" applies technological processes in order to build long-term relationships, protect national foreign policy interests and best represent a country's values and institutions abroad. For quite some time, public diplomacy has been one of the key tools of foreign policy, but the meaning of this definition is still ambiguous. Based on the results of public diplomacy, in contemporary international relations, a government's foreign policy outcome is defined by the pursuit of its state interests as well as by direct assistance in developing a global format. The key characteristics of public diplomacy include openness, partnership mutual trust, stability in making and timely implementation of relevant decisions.

There is a direct link between public diplomacy and traditional diplomacy. However, changes in the global system that make mistakes in negotiation processes, the structure, influence and role of non-governmental organizations and individual actors, as well as the importance of specific target groups that affect the content and nature of the relationship, as a prerequisite, the reasons for action, and the need to use public diplomacy tools for the international community. The main difference is that the process of implementing traditional and public diplomacy is very different. Specifically, public diplomacy aims at connecting with civilian populations and specific target groups, organizations, and individuals of countries in order to achieve mutual understanding without official representatives and to create relationships that lead to long-term perspectives and initiatives on both sides⁵.

The mission of public diplomacy can be interpreted in different theoretical paradigms. Public diplomacy as an independent branch of the foreign policy concept of an independent state can be shaped by this study, which is based on an analysis of five major concepts. Public diplomacy is a set of interrelated and interdependent components that play a role in its ultimate implementation, through the analysis of these concepts. Despite their common characteristics, foreign cultural policy, soft power, public relations, etc., are implemented separately, but when it comes to public diplomacy, in this case they should be considered holistically.

The rapid spread of the coronavirus and the measures taken by governments have led to certain consequences for the economy, finances, and generally the imbalance of so many aspects of our current life, including political life

International cooperation in matters of public diplomacy expanded in the face of the pandemic. Now political life has been paralyzed for a while, and the political agenda has not disappeared, it is only

becoming more complex. I think public diplomacy is becoming even more important than before, but in a post-pandemic world it has to change, become more practice-oriented than in the past.

In conclusion, today's public diplomacy is one of the most important concepts of political communication. We note that the literature about public diplomacy was written either by experts in diplomatic history or by practitioners of diplomacy. Both of them are attracted to the particular individual experience or sequence of events, instead of a generalization effort. The works of diplomacy practitioners have rather a prescriptive character, being dedicated to identifying best practices and analysis of some contexts that a future practitioner will be able to recognize in his work. Sometimes just to this kind of work was placed the label "diplomatic theory", although the authors emphasize, almost always, the discontinuity and change, on the way the world has changed between the time they started their careers and the moment when they've done to it. But this rich literature is the very foundation on which to build a theory of diplomacy, through its connection with international relations theories. Of course, just as important is the crystallization of a theory about different eras of diplomacy history that allows us to extract similarities and differences. An explanation, but not an excuse, of disconnection between diplomacy and international relations theories we find in the way it is conceptualized in international system, based on autonomous constituent entities (states).

List of literature:

1. Bogdan, Alexandru T. and Comsa, Dana, *Eco-Bio-Diplomacy* (Bucharest: Academy of Scientists in Romania Publishing House, 2011) p.3-6.
2. Bolewski, W., "Diplomacy and International Relations Law in a Globalized Era", Springer Berlin Heidelberg (New York: 2003), 25-26.
3. Leonard, Mark, et al., *Public Diplomacy* (Foreign Policy Centre, June 17, 2002), 53.
4. Wolf, Charles Jr. and Rosen, Brian, *Public Diplomacy. How to Improve It and Think About* (Santa Monica, CA, Rand Corporation, 2004).
5. Korolev A.A. *Public diplomacy at the present stage* / A.A. Korolev // *Information humanitarian portal: Knowledge. Understanding. Skill.* 2017, c.209.

УДК 327
МРПТИ 10.87.31

Men D. V.¹, Tatyana Pak¹

*¹Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Kazakhstan*

**THE STRATEGIC OF THE "SOFT POWER" OF THE REPUBLIC
OF KOREA IN THE CENTRAL ASIA**

Abstract

The article examines the practical application of the concept of "soft power" in the foreign policy of the Republic of Korea in Central Asia. The authors argue that in the modern world there is an increase in the importance of "soft" levers of influence on the global community. Within the framework of this work, examples of the influence of South Korean mechanisms of "soft power" in the countries of Central Asia and the national strategy of "soft power" in the foreign policy of the Republic of Korea are considered. It also analyzes the structural elements of the New Northern policy of "soft power" in the South Korean version and the degree of their effectiveness in Central Asia. It is noted that economic and cultural relations between states is of great importance in the development of the Asian continent. One of the tasks of the authors is also to show the problems of the policy of "soft power" and their overcoming by the Republic of Korea in the countries of Central Asia.

Key words: Republic of Korea, Central Asia, soft power policy, economic aid, New Northern policy.

Д.В. Мен¹, Т.Н. Пак¹
¹Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ
Алматы қ., Қазақстан

ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ КОРЕЯ РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ " ЖҰМСАҚ КҮШНІҢ" СТРАТЕГИЯЛЫҚ САЯСАТЫ

Аңдатпа

Мақалада Корея Республикасының Орталық Азиядағы сыртқы саясатындағы «жұмсақ күш» тұжырымдамасын практикалық қолдану қарастырылады. Авторлар қазіргі әлемде жаһандық қоғамдастыққа ықпал етудің «жұмсақ» тетіктерінің маңыздылығы арта түскенін алға тартады. Осы жұмыс аясында Оңтүстік Корея «жұмсақ күшінің» Орталық Азия елдеріне әсер ету мысалдары зерттеліп, сыртқы саясатындағы «жұмсақ күштің» ұлттық стратегиясы қарастырылған. Сондай-ақ, Оңтүстік Корея нұсқасындағы Жаңа Солтүстік саясатының «жұмсақ күш» құрылымдық элементтері мен олардың Орталық Азиядағы тиімділік дәрежесі талданады. Мемлекеттер арасындағы экономикалық және мәдени қатынастардың Азия континентін дамытуда үлкен маңызы бар екендігі атап өтіледі. Сонымен қатар, авторлардың міндеттерінің бірі - «жұмсақ күш» саясатының мәселелері мен оларды Корея Республикасының Орталық Азия елдерінде жеңу жолдарын көрсету болып табылады.

Түйін сөздер: Корея Республикасы, Орталық Азия, “жұмсақ күш” саясаты, экономикалық көмек, Жаңа Солтүстік саясат.

Мен Д.В.¹, Пак Т.Н.¹
¹ КазНУ им. аль-Фараби
г. Алматы, Казахстан

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация

В статье рассматривается практическое применение концепции «мягкой силы» во внешней политике Республики Корея в Центральной Азии. Авторы утверждают, что в современном мире наблюдается повышение значимости «мягких» рычагов воздействия на глобальное сообщество. В рамках данной работы изучены примеры влияния южнокорейских механизмов «мягкой силы» в странах Центральной Азии. Рассматривается национальная стратегия «мягкой силы» во внешней политике Республики Корея. Рассматриваются основные подходы, ресурсы, цели и результаты применения «мягкой силы» Сеулом в странах Центральной Азии. Также анализируются структурные элементы Новой Северной политики «мягкой силы» в южнокорейском варианте и степень их эффективности в Центральной Азии. Отмечается, что экономические и культурные взаимоотношения между государствами имеет важное значение в развитии азиатского континента. Одна из задач авторов является также показать проблемы политики «мягкой силы» и их преодоление Республикой Корея в странах Центральной Азии.

Ключевые слова: Республика Корея, Центральная Азия, политика «мягкой силы», экономическая помощь, Новая Северная политика.

In recent years, the term "soft power" has become quite common in news reports, as well as in the statements of various experts in the field of political science and public relations. The expression "soft power" or "soft power" first appeared in a book by the American political scientist Joseph Nye in the nineties of the twentieth century. Nye argues that the policy of soft power is one of the key aspects of the modern foreign policy of the leading world powers. This is a rather subtle and ambiguous topic, and

we propose to understand what is meant by this term, as well as to show examples of such a policy in the world practice of the Republic of Korea in Central Asia.

The Republic of Korea has attracted the attention of economists, political scientists, and international experts due to the country's sharp breakthrough over the past half-century. One of the most important achievements for the domestic and foreign policy of the Republic of Korea was the effective use of "soft power" to strengthen its position on the world stage. Today, the Republic of Korea ranks 11th in the world in terms of GDP and per capita is about 41 thousand US dollars according to data for the 2018/19 financial year.

In just a few decades, this country has become one of the industrialized countries, and many attribute this to the so-called "Korean economic miracle". The phenomenal economic progress has strengthened South Korea's position in regional international relations and the global community. Moreover, the strengthening of the authority and attractiveness of this country is associated not so much with the build-up of military and technical power, but with the skillful use of the so-called "soft power" to create an attractive image of the country.

After coming to power in 2017, the administration of the President of the Republic of Korea, Moon Jae-in, initiated a new program, which was called the "New Northern Policy". As you know, the North Policy was first initiated in the late 1980s during the administration of President Ro Dae-woo, thanks to which South Korea initiated intensive contacts with China and the USSR. Subsequent administrations of the Republic of Korea also paid special attention to this policy. Thanks to these efforts, the borders of the economic cooperation space of the Republic of Korea have expanded to Central Asia.

According to the representative of the Ministry of Reunification of the Korean Peninsula, Lee Yoo-jin, the "New Northern Policy" of the country is aimed at connecting the Korean Peninsula, the Far Eastern region of Russia and Eurasia" [1]. The strategy involves the intensification of cooperation between the countries of Eurasia through the formation of the Northern economic community in the interests of peace and common prosperity. The new North Policy will also provide a basis for the institutionalization of international cooperation of the Republic of Korea, provide new points of economic growth, expand humanitarian ties, and also aim to create an integration network. The fact that the Presidential Committee for Northern Economic Cooperation was established as a separate high-level structure indicates that the strategy is being implemented seriously.

The New Northern Economic Policy proposed by the President of the Republic of Korea, Moon Jae-in, gives some hope for the activation of Central Asian-Korean cooperation. Of course, Russia is central to this strategy, but special emphasis will be placed on Central Asia, where Kazakhstan and Uzbekistan have the potential to act as agents of implementation in this strategy.

Seoul's main interest in the region is driven by the need to diversify energy supplies, which are dominated by the Middle East. According to the International Monetary Fund, in 2016, South Korea's trade with Central Asian countries accounted for just 0.33% of Korea's total exports and just 0.06% of total imports. Almost all Central Asian exports to South Korea-consisting mainly of raw materials-come from Kazakhstan and Uzbekistan [26; 205-218] it is safe to say that the potential for cooperation with the countries of the region is not exhausted and can be expanded. Seoul is actively investing in the following sectors of the region's economy: uranium, oil, and gas production, transport infrastructure, and high-tech.

Cooperation with Uzbekistan as a "success story". Uzbekistan plays a key role in South Korea's strategy in the region. Tashkent is the main trading partner of Seoul in the region, economic cooperation has been established between the countries, the most-favored-nation regime has been created, a simplified visa regime and agreements on labor migration are in effect. Uzbekistan accounts for almost 50% of South Korea's trade with Central Asia, and the volume of attracted investments is about \$ 7 billion. [3]

At the end of 2018, the trade turnover between Uzbekistan and South Korea reached \$ 2.1 billion, an increase of 27% compared to the previous year [4;1-8]. From Korea, Uzbekistan mainly supplies automobile spare parts, machinery and chemical products, and imports cotton and textiles to Korea. Strengthening the capabilities of the Uzbek-Korean trading house in Seoul, the parties plan to increase the trade turnover to \$ 3 billion per year. The Uzbek side is also interested in signing a preferential agreement or a free trade zone agreement.

During the visit of the President of the Republic of Uzbekistan, In November 2017, 60 investment agreements worth more than \$ 10 billion were signed in Seoul. Companies from Korea are actively developing deposits of silicon and tungsten ore, building mining and processing complexes, including the largest in the CIS "Southbay". The country's leading Ustyurt gas chemical complex was created jointly with the Republic of Korea.

Today, more than 70 representative offices of Korean companies are accredited in Uzbekistan, and 440 enterprises with Korean investments operate in almost all sectors of the economy. The signed agreements on loans of the Fund for Economic Cooperation and Development for 2018-2020 in the amount of 500 million US dollars will allow implementing projects to create an Uzbek-Korean Textile Technopark, a highly specialized medical center, a House of Korean Culture in Tashkent, etc.

Moreover, Uzbekistan proposed to combine the South Korean strategy "New Northern Policy", China's "One Belt and One Road" initiative and the new EU strategy to improve the interconnectedness of Europe and Asia. Such a connection, according to the Uzbek side, will contribute to the creation of transport and logistics routes connecting Central Asia through Russia, China and the Republic of Korea with the markets of Europe, Northeast Asia, and Southeast Asia, as well as the access of the countries of the region to seaports.

Korean experts, citing the example of successful cooperation with Tashkent, suggest intensifying cooperation with other countries in the region according to the Uzbek pattern.

Kazakhstan's role is in the soft power strategy of the Republic of Korea. An important event in the political life of Kazakhstan is the official visit of the President of the Republic of Korea Moon Jae-in to Kazakhstan on April 21-23, 2019. This visit is to some extent the first for both President of Kazakhstan Kassym-Jomart Tokayev and Moon Jae-in. The leader of the Republic of Korea, who was elected to lead the country in 2017, is visiting Kazakhstan for the first time. And for the Kazakh President, K-S Tokayev, this state visit is the first one that he has received since assuming the post of Head of State.

The negotiations were also highlighted by the fact that in 2020 Kazakhstan and the Republic of Korea celebrate the 12th anniversary of the establishment of a strategic partnership. During this period, the two sides have seriously advanced cooperation in all areas. The trade turnover has increased by 5 times, if in 2008 this figure was at the level of 750 million US dollars, today it is 4 billion dollars. The number of joint ventures has almost tripled and currently stands at more than 500 [5; 2-3].

Mechanisms for the development of trade, economic and investment cooperation have been established. The visa-free regime has been in effect between the two countries for several years. Traditionally, cultural and humanitarian contacts remain strong, Seoul and Nur-Sultan have no political differences, and the countries enjoy each other's support on multi-party international platforms.

Taking into account the existing foundation, the discussion held in Nur-Sultan on further expansion of cooperation was extremely substantive. And the words of the President of the Republic of Kazakhstan, K. Tokayev, that the first state visit of the President of the Republic of Korea, Moon Jae-in, will give a powerful impetus to the development of the Kazakh-Korean dialogue and economic cooperation, were not just a diplomatic statement, but a real assessment of the prospects.

According to the President of the Republic of Korea Moon Jae-in, Kazakhstan is a key partner in promoting the "New Northern Policy" of the Republic of Korea, which provides for the establishment of peace and the expansion of economic cooperation on the Eurasian continent. The Korean leader also expressed hope that this visit will give an impetus not only to the development of bilateral relations, but also to the strengthening of multilateral cooperation between the Republic of Korea and the countries of Central Asia [6;1-2].

In particular, since 2017, there has been a certain positive dynamics in the bilateral relations between Kazakhstan and Korea, due to several circumstances, such as the topic of nuclear non-proliferation. Kazakhstan in 2018, having become a non-permanent member of the UN Security Council, among other things, also actively promoted the issue of resolving the situation on the Korean Peninsula. From the high rostrum of the UN, representatives of Kazakhstan have repeatedly offered their own mediation services in establishing a constructive dialogue between interested parties on the North Korean nuclear program.

It is particularly worth emphasizing that in the field of multilateral cooperation, Kazakhstan welcomes the restoration of the inter-Korean dialogue and the agreement to hold new summits between

the Republic of Korea and the DPRK. According to the Kazakh Foreign Minister, Nur-Sultan expects great results from the continuation of inter-Korean talks and hopes that these new meetings will be a breakthrough in improving relations between the two states and easing tensions on the Korean Peninsula.

Despite the positive dynamics of cooperation between the two countries, export growth was largely due to an increase in oil supplies to Korea, and Korean investments are concentrated in the energy sector of Kazakhstan. Therefore, an important issue is the need to diversify investment cooperation with the Republic of Korea.

By the way, currently, 56 projects have been developed within the framework of the new strategy of South Korea, among which only one – the creation of the Great Almaty Ring Road (BAKAD), is allocated to Kazakhstan. At the same time, the potential areas for expanding cooperation are quite diverse: These are the development of infrastructure projects (construction of cars and railway projects), innovation and digital technologies, ICT, green technologies, modernization of public administration, development of e-government, tourism, pharmaceuticals, and others [7; 1].

The total volume of trade between Turkmenistan and the Republic of Korea is about \$ 131 million, according to WITS. In Turkmenistan, South Korean companies are attracted to the country's oil and gas complex: in February 2019, negotiations were held in Seoul with the heads of Samsung and LG companies regarding their participation in investment projects in the oil and gas complex.

Currently, gas processing projects worth more than \$ 3.4 billion are being implemented by the state concern “Turkmengaz” together with LG, Hyundai (Republic of Korea) and TOYOTO (Japan). Investments and the dynamics of economic cooperation with other Central Asian countries are less significant.

The trade turnover of the Republic of Korea with Kyrgyzstan does not even reach 100 million US dollars, in connection with which the parties intend to think about the creation of joint ventures. Moreover, at the end of 2018, the export of Korean goods shows a decline: from 85,019 thousand dollars (data for 2017) to 78,768 thousand dollars (source: Korea International Trade Association).

During the meeting of the then First Deputy Prime Minister of Kyrgyzstan Kubatbek Boronov with the Chairman of the Korean Association of Importers (KOIMA) Meng Jin Shin in December 2018, the parties discussed the possibility of holding a business forum in Bishkek with the participation of Korean and Kyrgyz companies in the first half of 2019. The Republic of Korea may be interested in the construction of clothing factories, the development of pharmaceutical production, as well as tourist links. Bishkek may also be of interest to Seoul as a potential exporter of rare earth metals needed in the high-tech industry.

The nature of economic cooperation between the Republic of Korea and the Republic of Tajikistan in many respects resembles the situation with Kyrgyzstan – about 90% of the foreign trade turnover is occupied by the supply of Korean goods to Tajikistan, and the trade turnover does not reach 100 million US dollars.

At the moment, there are 16 joint ventures operating in the Tajik territory, which receive funding from South Korean businessmen. Tajikistan promotes cooperation in the fields of energy, mechanical engineering, textile industry, information technology, and construction materials production.

Pitfalls. The Republic of Korea is the 5th largest export economy in the world and the 6th most complex economy on the Economic Complexity Index (ECI). In 2017, the Republic of Korea's exports totaled \$ 596 billion and imports totaled \$ 471 billion, resulting in a trade surplus of \$ 124 billion.

In 2017, the Republic of Korea's GDP was \$ 1.53 trillion. The main export items are integrated circuits (US \$ 104 billion), automobiles (US \$ 40.1 billion), refined oil (US \$ 32.6 billion), and passenger and cargo ships (US \$ 24.4 billion), and automobile spare parts \$ 19.1 billion.

The main imports are crude oil (\$56 billion), integrated circuits (\$38.6 billion), petroleum gas (\$17.3 billion), darkroom equipment (\$13.7 billion), and coal briquettes (\$13.3 billion). South Korea's main export destinations are China (\$149 billion), the United States (\$69.4 billion), Vietnam (\$47.7 billion), Hong Kong (\$34.8 billion), and Japan (\$26.9 billion). The main sources of imports are China 98.1 billion dollars, Japan 54.2 billion dollars, the United States 48.7 billion dollars, Germany 19.7 billion dollars and other Asian countries 18 billion dollars.

The advantages of cooperation with the Republic of Korea include Seoul's comparative flexibility and contractual ability, and its lack of serious geopolitical interests in Central Asia. In this respect, Korean

companies compare favorably with other players, such as China and Russia. Nevertheless, there are some problematic aspects in the cooperation of the Republic of Korea with the countries of Central Asia.

First, as the analysis of trade relations has shown, cooperation between the countries of Central Asia and the Republic of Korea is still mostly commodity-oriented. In the composition of exported goods, priority is given to raw materials without diversification to new lines.

Secondly, the negative effect of cooperation from unsuccessful projects persists. As history has shown, past unsuccessful examples of cooperation with the countries of the region (for example, the case of the unrealized project for the construction of the Balkhash thermal power plant in Kazakhstan) negatively affect the development of ideas and the implementation of new projects.

Third, the 5+1 multilateral format (CA+Korea) doesn't actually work. The last XI Forum on Cooperation "Republic of Korea-Central Asia" was held in Seoul in November 2018 at the level of Deputy Foreign Ministers. The results of the Forum were limited to discussing issues of cooperation in the fields of energy, transport and logistics, water resources, environment, health and culture. The Forum has not produced tangible results in the form of multilateral projects. However, in fairness, it should be noted that in the current 2020 year, Kazakhstan planned the next XII meeting, but already at the level of foreign ministers.

Fourth, the problem of irregular migration flows from Central Asia to South Korea should be highlighted as a separate block. For example, after the abolition of the visa regime with Kazakhstan and Uzbekistan, the problem of illegal employment of these citizens in South Korea has become relevant.

If before the abolition of visas in 2014, the number of identified illegal immigrants from Kazakhstan was about 300 people, and then in 2019 there were already about 3000. The growth of illegal migration forces the South Korean government to consider alternative ways to regulate migration flows from Kazakhstan. Seoul has an employment agreement with Tashkent.

And finally, when discussing the pitfalls in the interaction between the Republic of Korea and the countries of the Central Asian region, it is impossible not to touch on the issue of political regimes. In particular, if Seoul is concerned about what will happen after the completion of the state program of infrastructure development "Nurly Zhol". The transit of power in Kazakhstan and within Korea itself speaks a lot about the problem of the short-term stay of presidents in power (elected for five years) and the instability of the continuity of the political course and strategies of certain administrations. These factors certainly influence periods of decline and increased cooperation.

As practice shows, South Korea's interaction with the countries of the region is at the level of bilateral relations. And the multilateral mechanism in the form of "5+1" remains extremely ineffective. At least, Korean experts complain about this, noting the critically low level of representation at these meetings on the part of the Central Asian republics.

It should also be noted that despite all the positive results of the "soft power" policy of the Republic of Korea in this region, there are still a number of unresolved problems, in particular the problem of employment. The unemployment rate in the Central Asian states is very high, which contributes to a high level of labor emigration to South Korea. There are still some issues that need to be addressed externally by both sides. This is a violation of emigration visa laws by guest workers from Central Asia. Currently, tens of thousands of illegal immigrants work in the country of Morning freshness, which does not paint in international relations between countries. This problem is gradually being solved, and both sides are making great efforts.

Conclusion

The Republic of Korea, compared to other players, came to the region late and has limited influence in Central Asia. However, Seoul's lack of geopolitical ambitions contributes to the fact that its participation does not cause the same suspicions or negative reactions that arise from the big players – whether it is Russia, China, Japan or Western countries. In addition, the successful export industrialization in the Republic of Korea has made the country a potential development model for Central Asia. Seoul's participation contributed to a diversification of foreign relations of Central Asia, export routes and sources of investment.

It is not the first year that there has been talk that a free trade zone can be created between the EAEU countries and the Republic of Korea, and as a result, the trade turnover with the two countries

Kazakhstan and Kyrgyzstan can significantly increase. The SCO platform and its potential for denuclearization are also of particular interest to Seoul.

At this stage, the policy of the Republic of Korea in Central Asia is not conceptually formulated. Although the adoption of the program of the New Northern Policy, which includes the countries of the region, gives hope for the opening of a new stage in the history of relations. The growing interest of the Republic of Korea in Central Asia, which has been observed since the acquisition of independence, can serve in the future to expand and intensify trade and political cooperation.

List of references:

1. Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y., 2004.
2. Lee G. *A Theory of Soft Power and Korea's Soft Power Strategy* // *Korean Journal of Defense Analysis*. 2009. Vol. 21, № 2. – P. 205-218.
3. Chun C. *Soft Power and South Korea's Foreign Policy: Security Policy and North Korea Strategy* // *Diplomatic Strategy of Soft Power Seminar*. Jeju Peace Institute, 16 Oct. 2009. URL: <http://www.jpi.or.kr/skyboard/download.sky?fid=3379&gid=5309&code=jpiworld>
4. Lee S.J. *South Korea's Soft Power Diplomacy* // *East Asia Institute Issue Briefing*. 2009. № 1. – P. 1-8.
5. Mager Yu. *On a solid foundation of friendship and cooperation.*- *Kazakhstanskaya Pravda*.- April 23, 2019.
6. Kazantseva T., Khvan V. *"Fresh wind" in the sails of cooperation.*- *Letter*. – April 23, 2019
7. Dinmukhamed L. *A fruitful pairing of initiatives.* - *Letter*. – April 23, 2019
8. *Joint statement between the Republic of Kazakhstan and the Republic of Korea.*- *Kazakhstanskaya Pravda*. – April 23, 2019.

УДК 37.014.17
МРНТИ 26.05.87

Ержан Ә.¹, Байтурбаева А.Т.¹

¹магистрант 2 курса Института Сорбонна-Казахстан при КазНПУ им. Абая
¹Научный руководитель: к.п.н., ст. преподаватель кафедры международных отношений
КазНПУ им. Абая

ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И ЕЕ ЛИДЕРСТВО СРЕДИ СТРАН ЕС

Аннотация

Регион Ближнего Востока и Северной Африки (MENA) занимает особое место не только во внешней политике Франции, но и в ее обществе, политике, истории и культуре. Это проявилось в президентской кампании 2017 года, когда дебаты о регионе были резко поляризованными. С момента своей окончательной победы Эммануэль Макрон только подтвердил это, отводя Ближнему Востоку центральную роль как в своих ранних внешнеполитических выступлениях, так и в своих конкретных инициативах. Продолжающийся, переплетенный характер отношений был недавно подтвержден импровизированной поездкой Макрона в Саудовскую Аравию для поиска решения кризиса, вызванного отставкой ливанского премьер-министра в Эр-Рияде. Но Ближний Восток формировал и поддерживал международные амбиции Франции на протяжении более 200 лет. И, в свою очередь, Франция постоянно проявляла активность в регионе. Как следствие, он имеет прочные политические связи, тесные экономические отношения и крупное военное присутствие во всем регионе MENA.

Ключевые слова: Франция, Макрон, Ближний Восток, Регион MENA.

Ә.Ержан¹, А.Байтурбаева¹

¹Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институтының 2 курс магистранты

¹Ғылыми жетекшісі: Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты, халықаралық қатынастар кафедрасының аға оқытушы, с.ғ.к.

ТАЯУ ШЫҒЫСТАҒЫ ФРАНЦИЯНЫҢ САЯСАТЫ ЖӘНЕ ОНЫҢ ЕО ЕЛДЕРІ АРАСЫНДАҒЫ КӨШБАСШЫЛЫҒЫ

Аңдатпа

Таяу Шығыс және Солтүстік Африка (MENA) аймағы тек Францияның сыртқы саясатында ғана емес, сонымен қатар оның қоғамында, саясатында, тарихы мен мәдениетінде ерекше орын алады. Бұл 2017 жылғы президенттік науқан кезінде аймақ туралы пікірталастар күрт поляриланған кезде айқын көрінді. Соңғы жеңісінен бастап Эммануэль Макрон Таяу Шығысқа өзінің алғашқы сыртқы саяси баяндамаларында да, нақты бастамаларында да орталық рөл беріп, мұны ғана растады. Қарым-қатынастың жалғасатын және өзара байланысты сипаты жақында Макронның Ливан премьер-министрінің Эр-Риядта отставкаға кетуіне байланысты дағдарысқа шешім іздеу үшін Сауд Арабиясына жедел сапармен расталды. Бірақ Таяу Шығыс 200 жылдан астам уақыт бойы Францияның халықаралық амбициясын қалыптастырды және қолдады. Өз кезегінде, Франция бұл аймақта үнемі белсенді болды. Нәтижесінде ол MENA аймағында күшті саяси байланыстарға, тығыз экономикалық байланыстарға және үлкен әскери күшке ие.

Түйін сөздер: Франция, Макрон, Таяу Шығыс, MENA аймағы.

Auyel Yerzhan¹, A.T. Baiturbayeva¹

*Master degree student of the 2nd year of Sorbonne-Kazakhstan Institute
at Abay Kazakh National Pedagogical University*

*Scientific adviser: Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer of the Department
of International Relations of KazNPU named after Abai*

POLICY OF FRANCE IN THE MIDDLE EAST AND ITS LEADERSHIP AMONG THE EU COUNTRIES

Abstract

The Middle East and North Africa (MENA) region has a special place not only in French foreign policy, but also in its society, politics, history and culture. This was evident in the 2017 presidential campaign, when the debate about the region was sharply polarized. Since his final victory, Emmanuel Macron has only confirmed it, giving the Middle East a central role both in his early foreign policy speeches and in concrete initiatives. The continuing intertwined nature of the relationship was recently confirmed by Macron's impromptu trip to Saudi Arabia to seek a solution to the crisis over the resignation of the Lebanese prime minister in Riyadh. But the Middle East has shaped and supported France's international ambitions for over 200 years. And also France was constantly active in the region. As a result, it has strong political ties, close economic ties and a large military presence throughout the MENA region.

Key words: France, Macron, Middle East, MENA Region.

Временами отношения Франции с державами в регионе были очень тесными. Поэтому неудивительно, что вызов, который Ближний Восток всегда бросал амбициям Франции, только усилился после арабских восстаний. Франция глубоко обеспокоена нестабильностью в регионе, и не только тогда, когда она распространяется. Как следствие, с 2011 года Франция изо всех сил пыталась изменить свой традиционно реалистичный подход к региону и его проблемам. В частности, несмотря на первоначальный поворот на позднем этапе президентства Николя Саркози и в начале срока полномочий Франсуа Олланда, Франция в основном стремилась

поддержать ближневосточные правительства «заверениями»: давая своим партнерам обнадеживающие ответы на то, что она воспринимала как их беспокойство перед лицом внутренней нестабильности, изменений в региональном балансе сил и международной неопределенности. Сотрудничество в области безопасности, особенно на фоне жестоких террористических атак на французской земле, оказалось ключевым ингредиентом, еще более укрепляющим отношения. Но эта динамика не принесла Франции влияния и даже той стабильности, к которой она стремится. Непредсказуемая местная динамика в сочетании с возвращением России к политике крупных держав в регионе и размежеванием Америки поставили под сомнение преследование Францией своих интересов. Из-за своего стремления играть значительную роль в регионе Франция сохранила свое традиционное стремление к лидерству в самой Европе при решении вопросов Ближнего Востока. Это дает дополнительное преимущество в виде усиления его влияния. Но европейские партнеры Франции по большей части не желают следовать ее примеру. Даже в последние годы, когда массовые потоки беженцев и террористические атаки наглядно продемонстрировали, насколько нестабильность в регионе угрожает всей Европе, Франция часто чувствовала себя одинокой на Ближнем Востоке.

Тем не менее, Европе было бы глупо полагаться на внешние силы - будь то эгоцентричные Соединенные Штаты или более напористая Россия - для защиты своих интересов в регионе MENA. Скорее, европейцы должны взять на себя ответственность за свою способность отстаивать свои интересы, проецировать свои принципы в регионе и защищать свою родину. Франция, в свою очередь, должна найти лучший способ, несмотря на давление событий, найти общее направление и руководить на этой обновленной основе. На самом деле, если другие европейцы не последуют ему, это, по крайней мере, частично является результатом нежелания Франции европеизировать свою ближневосточную политику.

Избрание Макрона и его явные амбиции - от имени Франции и Европы - создают для Парижа возможность возглавить формирование европейской стратегии. Но Макрон воспользуется этой возможностью, только если он поймет, что Франция потерпела неудачу в этом стремлении отчасти потому, что она позволяет себе обойти европейский уровень, когда это удобно. Первые шаги президента уже вызвали дискуссию о том, насколько «европейская» его политика на самом деле, и сколько обновления он привносит во французскую политику. В этом отношении до сих пор неясно, насколько существенны попытки Макрона дистанцироваться от своих предшественников и насколько иначе он будет реагировать на региональную нестабильность и угрозы безопасности, которые остаются его ключевым приоритетом. Соответственно, в данной статье исследуется подход Франции к Ближнему Востоку и Северной Африке. Он рассматривает, что движет его поведением в регионе, и оценивает, почему нынешний реалистичный подход потерпел неудачу в последние годы. В нем также исследуются причины, по которым другие европейцы в основном оставили Францию «одной в пустыне». Наконец, он предлагает рекомендации о том, как Франция может побудить европейцев объединиться вокруг единого подхода к обеспечению стабильности в регионе и, как следствие, к защите своих интересов.

Политика Франции в странах Ближнего Востока и Северной Африки насчитывает несколько сотен лет, и некоторые ученые относят ее к XVI веку. Но его послевоенные черты сформировались после Суэцкого кризиса и алжирской войны, когда Шарль де Голль попытался восстановить роль и влияние Франции в новых независимых арабских странах из ситуации, когда в 1962 году (в конце алжирской Войны) У Франции почти не было дипломатических отношений с арабскими государствами. То, что впоследствии стало известно как «арабская политика», с тех пор приобрело мифический статус во французской внешней политике. Реальность такова, что Франция никогда не проводила однородной политики со всеми арабскими государствами, и она также включала Иран, Израиль или курдов в качестве ключевых собеседников во многих случаях. Эта политика также развивалась с течением времени, включая более четкий коммерческий уклон в 1970-х годах, даже до нефтяного шока 1973 года, и более сильный многосторонний тон с конца того десятилетия. Тем не менее, повторяющиеся закономерности неоспоримы в реалистическом

подходе Франции к региону MENA, особенно с точки зрения методов: придание особого значения личным отношениям на уровне главы государства; патерналистский подход к региональным партнерам; явная гордость за поддержание «диалога со всеми» заинтересованными сторонами; некоторая самоуспокоенность в работе с авторитарными режимами; и неоднозначная связь с политической ролью религий, где история секуляризма во Франции объясняет его трудности с политическим исламом, в частности, и сосуществует с сильной конкретной заботой о защите христианских меньшинств.

Но, что более важно, ключом к пониманию внешней политики Франции на Ближнем Востоке является то, что страна рассматривает этот регион, прежде всего, как арену для внешней политики и политики великих держав, а именно как возможность для Франции превзойти ее вес. С этой точки зрения, это место, где он может продемонстрировать и воспользоваться своей очень ценной (для Франции) «независимостью», т.е. его свобода маневра.

«Арабская весна» как вызов французской политике в странах Ближнего Востока и Северной Африки.

Эта реалистическая стратегия столкнулась с серьезной проблемой с приходом арабских восстаний, которые в то время назывались «арабской весной», а затем еще больше с возникшей новой и нестабильной региональной средой. Поздний шаг в поддержку революционных правительств и политических движений длился недолго, и, в конце концов, во французском ответе на этот вызов преобладала уверенность. Такой подход представляет собой новейшую форму долгосрочного реалистического позиционирования Франции в регионе. Начало арабских восстаний потрясло традиционный подход Франции до глубины души, обнажив давнюю, ранее незаметно игнорировавшуюся напряженность между ее твердой готовностью вести дела с государствами такими, какие они есть, и необходимостью признать важность гражданского общества даже для регионов.

Речь идет не только об исчезновении Ближнего Востока, каким его знала Франция. После изменений, вызванных арабскими восстаниями, возникла гораздо более опасная среда, которая потребовала кардинальных изменений. Например, хотя Франция изначально придерживалась режима Туниса, она с опозданием встала на сторону революции после падения Зина эль-Абидина Бен Али. В другом месте Саркози начал свой срок с громких сближений с Муаммаром Каддафи и Башаром аль-Асадом, но затем попытался помочь свергнуть первого и активно поддержал переходный период, направленный на отстранение последнего от власти. Эти внезапные изменения, казалось, потребовали полной трансформации французской политики в регионе. Ален Жюппе обозначил это в 2011 году в своей крупной внешнеполитической речи, начав свой второй срок пребывания на посту министра иностранных дел, ясно дав понять, что Франция ранее уступала «самоуспокоенности» в отношении работы с авторитарными режимами и ей необходимо делать больше для поддержки демократических и экономических устремлений в область.

И все же, в конце концов, предпочтение Франции своим реалистическим традициям возобладало. Это произошло не только потому, что Жюппе был заменен (Лораном Фабиусом) после президентских выборов в мае 2012 года. И не только потому, что, когда высокие амбиции были подорваны ограниченными средствами, Франция в конечном итоге почувствовала необходимость поддерживать эффективные отношения с правительствами региона. Напротив, крах большинства арабских восстаний либо в хаосе, либо в авторитаризме создал ужасную ситуацию в регионе, вызвав у французских официальных лиц чувство кризиса.

Это произошло не только из-за конфликтов как таковых, хотя они быстро оказались законным источником беспокойства. Это было также связано с менее заметными аспектами глубоких и обширных региональных потрясений с поляризацией по геополитическим, идеологическим, сектантским и этническим разломам, разделяющим регион MENA. Было даже ощущение, что на карту поставлены роль и выживание государств, которым бросают вызов их способность удовлетворять ожидания населения, включая удовлетворение основных потребностей. В Ираке, Ливии, Ливане, Тунисе и других местах Франция увидела «систематические попытки уничтожения государств».

Как следствие, конечным приоритетом Франции не будет управление и демократизация, как предполагалось в речи Жюппе. Скорее, его целью быстро стало не только предотвращение дальнейшей дестабилизации в регионе, но и заверение тамошних правительств в том, что Франция будет учитывать их озабоченность стабилизацией в своих собственных решениях. Из спорного пересмотра двусторонний соглашения о судебном сотрудничестве с Марокко, чтобы положить конец двусторонней напряженности после того, как судья кратко интервью главы контрразведки Рабата, в тесной связи с Саудовской Аравией по основным вопросам, таким как Сирия, Иран, Египет и Ливан, Франция более чем часто принимает во внимание опасения своих партнеров.

Конечно, заверения французов не всегда были последовательными. Как и в случае с другими действующими лицами, события часто застают Францию врасплох, вдохновляя ее правительства на различные полеты фантазии. Например, Франция Олланда и Фабиуса первоначально резко отреагировала на захват власти в Египте в июле 2013 года, прежде чем в следующем месяце они стали одними из ближайших партнеров нового правительства Сиси. Но в целом Франция следовала такому подходу во многих ситуациях, особенно когда речь шла о безопасности.

Например, твердая позиция Франции на переговорах по Совместному всеобъемлющему плану действий (СВПД) по иранской ядерной программе, завершеному в июле 2015 года, проистекает из ее традиционной озабоченности по поводу распространения ядерного оружия. Но это также возникло из-за необходимости того, чтобы соглашение было достаточно прочным, чтобы разрешить (по крайней мере частично) озабоченности ключевых региональных держав, таких как Израиль и Саудовская Аравия, которые в то время беспокоились о готовности администрации США уступить Ирану.

Те же региональные проблемы повлияли на борьбу Франции с группировкой Исламского государства (ИГ) - например, ее сильное сопротивление (злополучным) попыткам США заключить сделку с Россией в Сирии в конце правления Обамы. обеспокоенность сирийской оппозиции и соседей-суннитов, что, в свою очередь, привело к увеличению рядов джихадистов и их самоуспокоенности по отношению к ним.

Даже Сирия, в отношении которой Саркози занял раннюю агрессивную позицию, которую затем продолжил Олланд, соответствует такому заверению. Не просто как исключение, подтверждающее правило, как говорится. Но что более важно, поскольку французские официальные лица рассматривали Сирию как исключительный кризис, требующий исключительной политики: отсутствие международного ответа на ужасающее насилие сирийского правительства рассматривалось как способствующее росту экстремистских групп (и миграционному кризису), и в качестве сильного стимула для региональных игроков действовать самостоятельно, подпитывая рост региональной напряженности - всех тенденций, которые в конечном итоге угрожали Европе.

В целом политика Франции, основанная на подходе к заверениям, остается твердо «реалистичной». Страна время от времени показывала свою способность ставить другие факторы выше своей обычной заботы о сохранении статус-кво. Но история арабских восстаний состоит в том, что Франция склоняется к предпочтению стабильности, с дополнительным преимуществом, как она это понимает, поддержанием привычных межправительственных отношений. Суть французской политики, с редкими отклонениями, состоит в том, чтобы сосредоточить внимание на заверении правительственных партнеров в регионе в том, что их властные позиции не могут быть оспорены. Учитывая, что Франция часто занимается ключевыми проблемами, затрагивающими регион, движущие силы ее подхода часто оказываются под пристальным вниманием.

Заботы о национальной безопасности, как дома, так и за рубежом, являются ключевым фактором политики Франции на Ближнем Востоке. С момента окончания холодной войны, если не раньше, французские правительства постоянно определяли регион Ближнего Востока и Северной Африки как серьезную проблему безопасности по самым разным вопросам, от вооруженного конфликта до нераспространения и терроризма. По этой причине, хотя ее имидж в регионе часто является образцом миротворца, из-за ее противодействия войне против Ирака в

2003 году Франция часто поддерживала, участвовала и даже возглавляла военные действия в регионе. В 2017 году одна треть французских сил, участвующих в зарубежных операциях, была развернута в регионе MENA. И роль французских вооруженных сил достаточно велика, чтобы министр обороны иногда играл ключевую роль, помимо сотрудничества в сфере обороны и продажи оружия: при Олланде Жан-Ив Ле Дриан, а не Фабиус, часто был ключевым собеседником с Египтом и странами Персидского залива, включая о региональных кризисах и борьбе с терроризмом. Тем не менее, Франция традиционно чувствует себя более непринужденно, когда военные действия вписываются в более широкую политическую стратегию. Например, Олланд отказался присоединиться к ударам по ИГ в Ираке до тех пор, пока премьер-министр Нури аль-Малики не был заменен (Хайдер аль-Абади), в рамках своей приверженности более инклюзивному политическому процессу в Багдаде. А после распространения этих ударов на сирийскую территорию Франция постоянно больше беспокоилась о планах стабилизации после ИГ как в Ираке, так и в Сирии, включая их политическое измерение, чем США.

Во время президентской избирательной кампании 2017 года Макрон попытался дистанцироваться от конкретных критических высказываний своих предшественников в адрес Саркози за последствия интервенции в Ливии и Олланда за его внимание к Асаду. Ссылаясь на де Голля, а также на Франсуа Миттерана и Жака Ширака, Макрон намекнул, что он изберет более классический подход к Ближнему Востоку. Но самый важный аргумент, которым он критиковал своих предшественников - который широко разделялся другими основными кандидатами на этих президентских выборах, несмотря на большие различия между ними - заключался в том, что Франция оказалась маргинализованной на ближневосточной арене. Эта аргументация была чрезмерной, как и положено избирательной кампании. Тем не менее, это было достаточно существенным, чтобы звучать правдоподобно, даже за пределами вопроса о Сирии. Тем не менее, агджорнаменто Макрона на практике было довольно ограниченным. Первые шаги президента на международной арене показали, что обеспокоенность Франции нестабильностью и ее твердолобую реалистическую политику нелегко преодолеть. Тот факт, что Макрон назначил министра обороны Олланда Жан-Ива Ле Дриана своим министром иностранных дел, говорит о многом в этом отношении. В качестве министра обороны Ле Дриан пользовался большим уважением и не без оснований. Тем не менее, он является хорошим примером того, как французские политики мрачно смотрят на ситуацию на Ближнем Востоке («в кризисе и, возможно, под угрозой», «устойчивый хаос или более широкий пожар», как он выразился) и, в частности, указывают на к тому, что «то, что мы наблюдаем сегодня на Ближнем Востоке, - это систематическая попытка разрушить государства». При Олланде он, безусловно, склонялся к реализму, ориентированному на безопасность, будь то поддержка Хафтара в Ливии, работа с Сиси в Египте или поддержка сосредоточения внимания на ИГ в Сирии.

Анализ, на котором основан подход заверения, показывает первые шаги Макрона, независимо от его разногласий со своими предшественниками. Это ясно выражено в различных заявлениях, в которых он определяет «государства-неудачники» с «наибольшим риском в этом регионе», настаивает на том, что «борьба с исламистским терроризмом» является первым приоритетом внешней политики Франции, и подчеркивает, что, поддерживая СВПД. Это необходимость в противодействии политике Ирана в регионе, которая, по словам Макрона, «дестабилизирует регион - или, по крайней мере, способствует поддержанию сильных элементов напряженности».

Конечно, если смотреть сквозь призму желания казаться важным игроком, эта политика помогает Франции достичь своей цели - иметь сцену, на которой можно выступать, и партнеров для работы. Тем не менее, как подчеркивалось выше, к концу срока полномочий Олланда уже не было ничего, что могло бы предположить, что этот подход является долгосрочным решением вопросов стабильности и безопасности, которые, как исповедуют, беспокоят французы. Как показали случаи Туниса, Египта, Сирии, Ливии и Йемена, авторитарное правление в регионе MENA часто создает напряженность, которая внезапно перерастает в кризис. Более того, политические, демографические, социальные и экономические тенденции на Ближнем Востоке

сближаются, делая нынешний статус-кво неустойчивым. Аргумент в пользу приспособления к этим тенденциям и чаяниям, выдвинутым арабскими восстаниями, остается в силе, даже если этот сдвиг трудно реализовать в краткосрочной перспективе. Как сказал один европейский дипломат, «сегодняшняя задача состоит в том, чтобы укрепить статус-кво, который будет более прочным и стабильным, чем предыдущий».

Как Франция может вести Европу на Ближнем Востоке?

Что работает, так это сочетание французского руководства, встроеного в согласованное европейское сотрудничество. Именно эту формулу Франция должна стремиться воспроизвести. Как ни странно, дебаты во время президентских выборов во Франции оставались сосредоточенными на узких интересах безопасности Франции и на том, должны ли они перевешивать другие озабоченности или вдохновлять на изменение баланса французских союзов, в том числе со странами суннитского залива, такими как Саудовская Аравия и Катар. В целом в нем не было существенного пересмотра роли Европы в регионе. Сам Макрон, хотя и проводил кампанию на явно проевропейской платформе, гораздо более конкретно говорил о делах внутри ЕС, таких как управление еврозоной и миграционная политика, чем о своих европейских амбициях во внешней политике.

После выборов уже упущено немало возможностей. Предложение Макрона по сирийскому формату, основанному на «пятерке», демонстрирует желание Франции занять место за столом крупных держав, не предприняв предварительных усилий по восстановлению более сильных позиций ЕС. В Ливии посредничество между правительством Сарраджа и Хафтаром, подтвержденное соглашением Ла-Целль-Сен-Клу, имело место без включения Италии и даже без консультации с ней. По сути, предпочтение «стабильности» все еще присутствует, и нежелание Макрона использовать силу, похоже, больше связано с самой французской военной мощью, чем с местными игроками, будь то в Йемене, Египте, Ливии или где-либо еще.

Тем не менее, победа Макрона в мае 2017 года была наилучшим из возможных результатов как для нового мышления по Ближнему Востоку, так и для более европейского подхода к региону. У Макрона есть для этого ряд средств. Его проевропейский послужной список является большим преимуществом, хотя до сих пор он мало использовал его. Ключевые шаблоны в его подходе к внешней политике - настойчивое требование «диалога со всеми» заинтересованными сторонами, выраженный скептицизм по поводу применения силы, самопровозглашенный прагматизм и заинтересованность в посреднической роли - должны хорошо подойти его партнерам. И он, безусловно, должен иметь возможность использовать международную среду для объединения стран-членов ЕС и новой администраций США, а Владимир Путин и Реджеп Тайип Эрдоган и другие будут действовать в качестве препятствий.

Окно для изменений все еще открыто. После почти года пребывания у власти внешняя политика Макрона постепенно приходит к согласию с некоторыми ограничениями и противоречиями, указанными в этой статье. Что касается Йемена, то призыв Макрона к Эр-Рияду снять блокаду, вероятно, не требует серьезного пересмотра политики, но все же является долгожданным шагом. В Сирии он уже столкнулся с отсутствием результатов от смены тона и содержания и ищет другие пути: после принятия в феврале прошлого года резолюции 2401 Совета Безопасности ООН о гуманитарном доступе в Сирии Макрон обратился к Ангеле Меркель. Обсудить с Путиным выполнение резолюции. Что касается Ирана, он знает, что без сильной и единой политики ЕС невозможно решить проблему СВПД, которую прежде бросила администрация Трампа. В целом заинтересованность Макрона в посредничестве или содействии позициям - например, в отставке Саада Харири, переговорах между сторонами в ливийском конфликте, а также в поддержке Кувейта для ослабления напряженности между Катаром и Саудовской Аравией - также показывает понимание региональной динамики отличается от его предшественников.

Франция призвана сыграть решающую роль в создании более смелой и стратегической политики в отношении стран Ближнего Востока и Северной Африки для Европы, которая увлекает за собой своих партнеров. И его партнерам придется воспользоваться этой возможностью. В этом контексте следующие рекомендации могли бы помочь расширить европейский диалог и получить определенную поддержку как на самом Ближнем Востоке, так и в Европе.

Столь необходимое обновление политики Франции в регионе Ближнего Востока - лишь один из аспектов более широкой проблемы, стоящей перед Парижем. Франция стремится соответствовать своим амбициям - превзойти свой вес и сформировать глобальную политику в более конкурентном, более подвижном, менее государственно-ориентированном и более фрагментированном мире. Учитывая центральную роль Ближнего Востока как арены для Франции и места повышенного интереса для Европы в целом, этот регион представляет собой ключевой тест для реализации этой амбиции.

Тем не менее, любое возобновление европейских усилий со стороны Франции увенчается успехом только в том случае, если другие государства-члены ЕС согласятся с необходимостью того, чтобы Европа играла все более и более решительную роль в регионе. Прямой побочный эффект тамошнего кризиса уже всколыхнул европейскую политику и поставил под угрозу некоторые из ключевых политик и принципов, на которых построен ЕС. И все же последовательная и последовательная европейская стратегия по-прежнему явно отсутствует. Несмотря на понимание важности Ближнего Востока для их безопасности и политических интересов, европейские страны, похоже, все еще пребывают в иллюзии, что они могут защитить себя от своего южного соседа.

Соответственно, ЕСВД необходимо определить, что поставлено на карту для Европы, и оно должно защищать и продвигать прямые интересы, которые другие державы не примут во внимание. Вместо того, чтобы использовать в своих интересах отсутствие направления и консенсуса среди государств-членов для реализации своей собственной повестки дня, ЕСВД необходимо сосредоточить внимание на достижении более значимого компромисса внутри ЕС, поощрять «использование специальных групп государств-членов по конкретным вопросам», совместно с «представителем ЕС» и «не полагайтесь слишком на технические и краткосрочные инструменты».

Другим ключевым европейским государствам также необходимо поддерживать более решительную, более комплексную и более стратегическую европейскую политику на Ближнем Востоке. В число этих государств входят Германия, Италия, Испания и даже Великобритания - несмотря на Брексит - а также другие партнеры, которые понимают важность того, что поставлено на карту в регионе, от Швеции до Нидерландов. В частности, Германии необходимо продолжить текущую эволюцию в сторону большей активности в регионе и признать, что ее интересы нельзя определить только через коммерческие связи или сдерживание беженцев.

Такой пересмотренный подход позволил бы Европе стать поистине геополитическим игроком. И это позволило бы Франции подойти к вызовам, которые, как она утверждает, она хочет решать.

Список использованной литературы:

1. См. Джеймс Маколи, «Макрон пропагандирует интересы Европы, но на первых порах действия ставят Францию на первое место», *Washington Post*, 5 августа 2017 г., доступно по адресу https://www.washingtonpost.com/world/europe/macron-touts-europe-but-early-actions-put-france-first/2017/08/03/03fca30c-779a-11e7-8c17-533c52b2f014_story.html (в дальнейшем Маколи, «Макрон продвигает интересы Европы, но ранние действия ставят Францию на первое место»).

2. Сурков Н.Ю. // *Вестник МГИМО - Университета*. – 2018. – Рец. на кн.: Звягельская И.Д. *Ближний Восток и Центральная Азия: Глобальные тренды в региональном исполнении*. – М.: Аспект Пресс, 2018.

3. Олланд снова упомянул об этом в своем последнем интервью: Марк Семо и Аллан Кавал, «Франсуа Олланд: 'Quel est cet allié turc qui frappe nos propres alliés?'», *Le Monde*, 12 марта 2018 г., доступно по адресу http://www.lemonde.fr/international/article/2018/03/12/hollande-quel-est-cet-allie-turc-qui-frappe-nos-propres-allies-avec-le-soutien-de-groupes-jihadistes_5269351_3210.html.

4. «Речь президента республики на открытии конференции послов», выступление Эммануэля Макрона на неделе послов в Париже, 29 августа 2017 г., доступно по адресу

<http://www.elysee.fr/declarations/article/discours-оф-президента-республики-на-открытии-конференции-послов/>.

5. Сидорова Е.А., Европейский Союз (в соавторстве с А.А. Габартой). Глава в монографии: *Перспективы экономической глобализации / коллектив авторов; под ред. А.С. Булатова. – М.: КНОРУС, 2019.*

6. Жак Монен, «Франция-Саудовская Аравия: обратная сторона контрактов», *France Inter*, 5 мая 2016 г., доступно по адресу <https://www.franceinter.fr/emissions/l-enquete/l-enquete-06-mai-2016>. См. Также Antoine Isambard и Vincent Lamigeon, «Плохие счета Франции в Саудовской Аравии», *Challenges*, 3 июля 2017 г., доступно по адресу <https://www.challenges.fr/entreprise/defense/les-mauvais-comptes-de-France-en-Arabie-saoudite-484209>.

7. Иванов С.М. *Вмешательство иностранных государств в сирийский конфликт / С.М. Иванов // Зарубежное военное обозрение. – 2018.*

8. Джон Винокур. «Антиамериканизм на всем континенте», *Wall Street Journal*, 7 ноября 2016 г., <https://www.wsj.com/articles/anti-americanism-across-the-continent-1478551296>.

МРНТИ 11.25.57

Айтказин А.А.¹, Чумаченко Т.¹

¹магистрант 2 курса, специальности «Международных отношений»

¹кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений Института Сорбонна-Казахстан

ПРОБЛЕМА ЭНЕРГОРЕСУРСОВ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И РАЗВИТИЕ ГИДРОЭНЕРГЕТИКИ

Аннотация

Настоящая статья отображает текущую ситуацию на рынке энергоресурсов Центральной Азии с политической, экономической и географической точек зрения. Описывается исторический подход к гидроэнергетике, потенциал стран Центральной Азии в гидроэнергетике, план развития и текущие договоренности наряду с официальной позицией стран региона. Воздействие отношений между странами на развитие сектора энергетики в Центральной Азии и за её пределами. Энергетические отношения в рамках Центрально Азиатского Экономического Сообщества.

Ключевые слова: энергоресурсы, Центральная Азия, гидроэнергетика, политика, Казахстан

A.Aitkazin¹, T. Chumachenko¹

¹master 2nd year of specialty "International Relations"

¹candidate of political sciences of the Department of International Relations at the Institute Sorbonne-Kazakhstan

THE PROBLEM OF ENERGY RESOURCES OF THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA AND DEVELOPMENT OF HYDROPOWER ENGINEERING

Abstract

This article reflects the current situation on the Central Asian energy market from a political, economic and geographical point of view. It describes the historical approach to hydropower, the potential of the Central Asian countries in hydropower, the development plan and current agreements, along with the official position of the countries of the region. Impact of relations between countries on

the development of the energy sector in Central Asia and beyond. Energy relations within the Central Asian Economic Community.

Keywords: Energy resources, Central Asia, hydropower, politics, Kazakhstan

А.А. Айтказин¹, Т.Н. Чумаченко¹,

¹«Халықаралық қатынастар» мамандығының 2 курс магистранты

¹ Сорбонна-Қазақстан Институтының халықаралық қатынастар кафедрасының саяси ғылымдарының кандидаты

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРІНІҢ ЭНЕРГЕТИКАЛЫҚ РЕСУРСТАРЫ МӘСЕЛЕСІ ЖӘНЕ ГИДРОЭНЕРГЕТИКАНЫ ДАМУ

Аңдатпа

Бұл мақала саяси-экономикалық және географиялық тұрғыдан Орталық Азияның энергетикалық нарығындағы қазіргі жағдайды көрсетеді. Онда гидроэнергетикаға деген тарихи көзқарас, Орталық Азия елдерінің гидроэнергетикадағы әлеуеті, даму жоспары және қазіргі кездегі келісімдер, аймақ елдерінің ресми ұстанымдары сипатталған. Орталық Азиядағы және одан тыс жерлерде энергетика саласының дамуына елдер арасындағы қатынастардың әсері. Орталық Азия экономикалық қоғамдастығы шеңберіндегі энергетикалық қатынастар.

Түйінді сөздер: энергетикалық ресурстар, Орталық Азия, гидроэнергетика, саясат, Қазақстан

Пандемия COVID-19 пагубно сказалась на всех странах мира и Центральной Азии в частности, вследствие обвала мировых цен на сырьевые товары, сбоя в глобальных и региональных производственно-сбытовых цепях и резкого повышения степени неприятия рисков на финансовых рынках. Расширение масштабов вспышки коронавируса в странах региона усилило сокращение внутреннего спроса, усугубило перебои в снабжении и привело к остановке немалой доли экономической активности.

Экономика стран региона столкнулась с существенным оттоком инвестиций, вызванным «бегством в качество», и расширением спреда по облигациям. Относительная слабость валют способствовала росту стоимости заимствований, а резкое сокращение экспорта усугубило нагрузку на платежный баланс.

В ответ на эту кризисную ситуацию центральные банки многих стран региона наращивают масштабы поддержки денежно-кредитной системы, к примеру, власти Казахстана проводят интервенции на валютных рынках с целью стабилизации собственной валюты и снижения волатильности, а в Азербайджане и РФ используют в этих целях суверенные фонды.

Богатый энергетическим сырьем и гидроресурсами регион Центральной Азии привлекает пристальное внимание не только соседей, но и отдаленных географически США и стран Евросоюза. В то же время государствам ЦА приходится сталкиваться с проблемами бедности, перенаселения, нехватки воды и электроэнергии. На фоне постоянных конфликтных ситуаций в водно-энергетической сфере идет обсуждение вопросов восстановления единой интегрированной системы энергоснабжения Центральной Азии. Без масштабных инвестиций и укрепления связей с соседними странами – крупными игроками на рынке электроэнергии решить проблемы электроэнергетики региона вряд ли удастся.

В советское время развитие гидроэнергетики и ирригационного земледелия было увязано в единую систему. В республиках Средней Азии и южной части Казахстана был создан единый интегрированный водно-энергетический комплекс, управлявшийся из единого центра в Узбекистане. Система позволяла балансировать сезонные колебания спроса на электроэнергию и потребности в воде как ирригационном ресурсе с колебаниями запасов воды в горных реках. В зимнее время Киргизия и Таджикистан накапливали воду в водохранилищах и получали электроэнергию и энергоресурсы (уголь и природный газ) из Казахстана, Туркмении и Узбекистана. В летнее время Киргизия и Таджикистан направляли воду в Узбекистан и

Казахстан для ирригационного земледелия. Кроме того, Киргизия и Таджикистан поставляли соседям гидроэлектроэнергию, производимую в избыточных, относительно внутренних потребностей, масштабах.

Диспетчером южной энергосистемы Средней Азии являлся (и до сих пор является) координационный диспетчерский центр «Энергия», расположенный в Ташкенте.

В настоящее время единого политического и хозяйственного центра в Центральной Азии не существует, а интересы независимых государств, в том числе в энергетике, нередко носят взаимоисключающий характер. ЕЭС Центральной Азии после распада Союза не могла функционировать в прежнем режиме. Отсутствие единого центра привело к бесконтрольному отбору электроэнергии, что провоцировало конфликтные ситуации и негативно отразилось на безопасности самой энергетической системы. Системные нарушения и незаконный отбор электроэнергии из ОЭС ЦАЕЭС порождают серьезную угрозу стабильной и надежной работе национальных систем. Разбалансированность некогда единой системы уже привела к крупным авариям, вроде той, которая произошла в начале ноября 2009 г. в Таджикистане.

Водно-энергетический комплекс Центральноазиатского региона (ЦАР) обладает крупнейшим энергетическим потенциалом, составляющим, по разным оценкам, 430-460 млрд кВт/ч в год. Однако его развитие сталкивается с рядом системных проблем. Почти 85% водных ресурсов региона сосредоточено в Таджикистане и Кыргызстане. Эти страны, расположенные в зоне формирования стока Амударьи и Сырдарьи, заинтересованы, прежде всего, в энергетическом использовании водных ресурсов горных рек (Вахша, Пянджа, Зеравшана, Нарына), являющихся основными составляющими Амударьи и Сырдарьи. Ирригация для них имеет подчиненное значение. Как уже отмечалось, для данных стран вегетационный период (весна–лето) в приоритетном порядке связан с накоплением водных ресурсов в водохранилищах (Нурекское, Кайраккумское в Таджикистане, Токтогульское в Кыргызстане) во время таяния накопившегося зимой в горах снега и ледников, с которых берут начало реки региона. Межвегетационный период (осень-зима) характеризуется повышенным потреблением и активной выработкой электроэнергии, что, соответственно, требует выпуска больших объемов воды. Напротив, для Казахстана, Узбекистана и Туркменистана приоритетным является вегетационный период, в течение которого водные ресурсы активно используются для нужд орошаемого земледелия.

По данным Программы ООН для экономик Центральной Азии (СПЕКА), возобновляемый гидропотенциал в Центральной Азии в настоящее время используется только на 10% (см. табл. 1. Основной объем гидропотенциала сконцентрирован в Таджикистане (69%), что обеспечивает ему восьмое место в мире после Китая, России, США, Бразилии, Заира, Индии и Канады. На долю Кыргызстана приходится 22% регионального гидроэнергетического потенциала.

Таблица 1. Гидроэнергетический потенциал рек Центральной Азии

Страны	Установленная мощность ГЭС, МВт	Производство электроэнергии ГЭС (2005), млрд кВт/ч	Экономический гидропотенциал, млрд кВт/ч в год	Использование гидропотенциала, %	Доля в гидропотенциале ЦАР, %
Таджикистан	4037	17,1	317	6	69
Кыргызстан	2910	14,0	99	14	22
Казахстан	2248	7,9	27	29	6
Узбекистан	1420	6,0	15	49	3
Туркменистан	1	0	2	0	0

На сегодня установленная мощность электростанций Объединенной Единой энергосистемы Центральной Азии составляет примерно 25000 МВт, включая 9000 МВт в гидроэнергетике (36%) и 16000 МВт в теплоэнергетике (64%). Однако реальная мощность не превышает 20000 МВт. Крупнейшие гидроэлектростанции в системе – Нурекская ГЭС в Таджикистане (3000 МВт) и Токтогульская ГЭС в Кыргызстане (1200 МВт) [1].

Международный аспект водно-энергетических проблем ЦА

Энергетический комплекс Центральной Азии привлекает пристальное внимание практически всех прилегающих стран. Интерес к проектам развития водно-энергетических ресурсов ЦА проявляют США, ЕС, Китай, Россия, Иран, Индия, Пакистан. Как правило, внешние партнеры имеют к этим проектам не столько коммерческий, сколько геополитический интерес. Речь идет, скорее, о конкуренции за наращивание своего присутствия и влияния в регионе.

В конце марта 2012 г. госсекретарь Хиллари Клинтон презентовала новую инициативу, предусматривающую создание в США государственно-частного партнерства для улучшения управления водными ресурсами по всему миру. Основой для инициативы послужил доклад «Глобальная безопасность водных ресурсов», подготовленный разведывательным сообществом США, объединяющим 17 федеральных ведомств. В нем указывается, в частности, что в течение ближайших тридцати лет проблемы вокруг водных ресурсов в бассейне реки Амударья в Центральной Азии могут привести к «росту региональной напряженности из-за воды». А уже «спустя ближайшие десять лет повысится вероятность использования водных ресурсов в качестве оружия или для реализации террористических целей.

Россия заинтересована в развитии мощностей региональной гидроэнергетики как импортер электроэнергии, инвестор и поставщик оборудования.

Гидроэнергетический потенциал горных республик Средней Азии огромен. По подсчетам экспертов Евразийского банка развития, в течение десяти лет здесь можно ввести в строй около 10 ГВт мощности. В то же время, по подсчетам тех же экспертов, на это потребуется около 15 млрд долл. Причем следует учитывать и расходы на строительство ЛЭП большой пропускной способности, на возведение объектов сети для связи систем различного напряжения. Сейчас эта сумма составляет уже 20-25 млрд долл., и для стран региона она неподъемная. При этом расчеты приведены в ценах 2005 г., так что следует принять во внимание их рост в последние годы.

Лидеры стран Центральной Азии недооценили важность регионального энергетического сотрудничества, что привело к распаду ЦАЭС и эскалации угроз энергетической безопасности. При этом решения дезинтегрировать единую систему были приняты без серьезных на то экономических или энергетических причин.

Узбекистан покинул Единую электроэнергетическую систему после того, как таджикские власти без надлежащего уведомления объявили об открытии линии электропередач мощностью в 220 кВ., соединяющую юг и север страны.

Несмотря на то, что около 4% (527 млрд. кВт/ч) мирового гидроэнергетического потенциала приходится на Таджикистан, в настоящее время в стране производится всего 16,5 млрд. кВт/ч в год [11]. Несмотря на то, что около 4% (527 млрд. кВт/ч) мирового гидроэнергетического потенциала приходится на Таджикистан, в настоящее время в стране производится всего 16,5 млрд. кВт/ч в год. Последние геополитические изменения создают предпосылки для восстановления энергетических отношений в рамках ЦАЭС

Во-первых, неожиданная смерть первого Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова, который решительно выступал против крупных гидроэнергетических проектов в Центральной Азии. Режим Ислама Каримова всегда был категорически против строительства самой высокой в мире плотины Рогун, угрожая даже применить военную силу в случае эскалации конфликта. В 2015 году МИД Узбекистана выступило с заявлением, в котором подчеркивалась позиция страны: «Узбекистан никогда и ни при каких обстоятельствах не будет оказывать поддержку этому проекту».

Новое руководство Узбекистана воздержалось от выражения протеста по поводу перекрытия реки Вахш. Единственное официальное заявление впоследствии было сделано министром

иностранных дел Абдулазизом Комиловым, в котором подчеркивалось, что: «Принципиальная позиция заключается в том, что при строительстве таких плотин следует учитывать интересы как стран, расположенных выше, так и ниже по течению. Мы не говорим, что наши таджикские друзья должны прекратить строительство Рогунской плотины. Однако, при строительстве стороны должны придерживаться определенных гарантий в соответствии с подписанными конвенциями» [13].

Ни инфраструктура, транспортирующая энергоресурсы, ни производственные мощности пока не позволяют Казахстану трансформироваться в энергетический центр в Центральной Азии.

Таджикским властям также необходимо воздержаться от компрометирующих отношения публичных высказываний. 12 июня 2017 года на церемонии открытия ЭКСПО-2017 министр энергетики и водных ресурсов Таджикистана, Усмонали Усмозода предложил Казахстану стать энергетическим центром в геополитическом треугольнике Россия – Казахстан – Центральная Азия [14]. Таджикистан предлагает Казахстану импортировать гидроэлектроэнергию из Таджикистана летом и потреблять тепло-электроэнергию зимой. Идея состоит в том, чтобы в какой-то степени восстановить ЦАЭС, но на этот раз с Казахстаном в ее центре. Возможность реструктуризации ЦАЭС, однако, на данный момент больше представляет политическое заявление, не подкрепленное какими-либо техническими и экономическими условиями. В рамках ЦАЭС, вклад Узбекистана составлял 51% от общего объема произведенной электроэнергии, а на долю Казахстана приходилось только 9.1%. Ни инфраструктура, транспортирующая энергоресурсы, ни производственные мощности пока не позволяют Казахстану трансформироваться в энергетический центр в Центральной Азии.

Во-вторых, за последние несколько лет симметрия в уровне зависимости от региональной торговли энергоресурсами между странами Центральной Азии значительно снизилась. Предполагалось, что взаимозависимость, при которой ни одна из сторон не нарушила бы взаимоотношения внутри системы, так как все участники могли равносильно пострадать от дезинтеграции, будет сохранять стабильные отношения в рамках ЦАЭС. Альтернативой взаимозависимости была полная изоляция, что и произошло между странами. В результате узбекские власти потеряли рычаги влияния на своего соседа, а населению Таджикистана приходится выживать в тяжелых условиях дефицита энергопотребления.

Но главное, обострение проблем энергетической безопасности и отсутствие реальных перспектив для реализации крупных региональных проектов заставляют руководителей стран Центральной Азии серьезно рассмотреть возможность восстановления внутрирегиональной торговли энергоресурсов.

Первые попытки реинтеграции ЦАЭС: начало положено?

Начались переговоры по восстановлению торговых отношений между странами Центральной Азии с Узбекистаном в ее центре. Узбекистан подписал соглашение об импорте кыргызского электричества в размере 1,25 млрд кВт/ч в 2017 году. Изменение климата и быстрое таяние ледников обеспечили достаточное количество воды Кыргызстану для производства электроэнергии, не нарушая баланс потребления водных ресурсов в регионе. Токтогульское водохранилище – самое большое в Центральной Азии – было почти полностью заполнено (18.8 млрд. куб.м.) [15]. Однако в долгосрочной перспективе, изменение климата приведет к сокращению воды в Сырдарье на 10-30%, вызвав очередную волну конфликта за распределение водных ресурсов. Восстановление механизма по обмену ресурсом, но на монетарной основе может помочь смягчить кризис. Страны верховья будут аккумулировать воду, а страны низовья покупать гидроэлектроэнергию, производимую путем слива воды.

Во время последнего визита в Туркменистан нового президента Узбекистана стороны договорились о транзите туркменского электричества в Кыргызстан и Казахстан через линии электропередач Узбекистана [16]. Туркменистан ежегодно экспортирует до 2 млрд. кВт/ч, что составляет 13-17% от общего объема производства электроэнергии. Заключенный договор является хорошей возможностью восстановления торговли электроэнергией в рамках ЦАЭС.

Власти Узбекистана также договорились с Казахстаном об импорте казахской нефти через нефтепровод Омск-Павлодар-Чимкент, для переработки на узбекских нефтеперерабатывающих заводах. Сегодня нефтеперерабатывающие мощности в стране – Бухарская, Ферганская и Алтынаркская НПЗ – работают всего на 60% [17]. Данная инициатива не только позволит рационально использовать нефти-перерабатывающие мощности, но и решить проблему нехватки топлива в Узбекистане и в регионе в целом.

Анализ инициатив и подписанных недавно соглашений говорит о том, что внутрирегиональная торговля энергоресурсами в рамках ЦАЭС уже используется как решение проблем энергетической безопасности. Эскалация угроз энергетической безопасности при определенных геополитических изменениях привели к сближению энергетических секторов стран Центральной Азии. Инициативы по восстановлению сотрудничества в рамках ЦАЭС являются важным шагом на пути реинтеграции энергетических секторов региона. Для обеспечения электроэнергией свои северные районы, власти построили линии электропередач «Север-Юг» мощностью 500 кВт и 220 кВт. Однако, эти линии электропередач не решают проблему зимнего дефицита электроэнергии, и сегодня правительство Таджикистана уделяет первоочередное внимание строительству Рогунской плотины и ГЭС, что удвоит производство электричества и позволит вырабатывать электричество в зимний период. До тех пор, пока Рогун не будет построен, энергетическая безопасность Таджикистана будет под угрозой.

Ситуацию также осложняет тот факт, что Узбекистан, с одной стороны, Кыргызстан и Таджикистан, с другой, имеют территориальные претензии друг к другу, что зачастую вызывает эскалацию напряженности и обуславливает «конфликтный» потенциал в регионе. Давление Узбекистана на Кыргызстан, проявлявшееся в различных угрозах вплоть до применения военной силы, тем не менее, не дает желаемого результата, несмотря на явное преимущество Ташкента в стратегических ресурсах, так как Кыргызстан, связан сетью военно-политических договоров с Россией – явным военно-политическим гегемоном постсоветского пространства. Кыргызстан и Таджикистан, осознавая серьезное военно-политическое присутствие Москвы в регионе Центральной Азии, стремятся вовлечь Москву в водный конфликт на свою сторону. Сотрудничество Бишкека и Душанбе с Москвой касается не только тесного военно-технического взаимодействия, но и экономической сферы. Так, строительством гидроэлектростанций в Кыргызстане занимаются российские компании «Русгидро» и «Интер РАО ЕЭС» 92., а в Таджикистане российская компания «Русал» участвовала в таких проектах. [18] Таджикистан и Кыргызстан ведут переговоры о торговле энергоресурсами с Узбекистаном на более равноправной основе. Узбекистан, Туркменистан и Казахстан также пересмотрели свою политику в отношении регионального сотрудничества. Стороны понимают, что полная реинтеграция энергетических секторов будет невозможна. Однако, в том числе они понимают и то, что восстановление поставок энергоресурсов на денежной основе и краткосрочные периоды, которые позволят рационально использовать энергетические ресурсы, являются неотъемлемой частью политики энергетической безопасности в Центральной Азии.

Особенностью казахстанской энергетики является превалирование в генерирующем секторе страны теплоэлектростанций (как на угле, так и на газе), в общей сложности дающих до 89% вырабатываемой в стране электроэнергии. На ГЭС, вторую по значимости группу энергоисточников, приходится около 11% генерации электроэнергии. Около 0,12% производства дают ветроэлектростанции и солнечные станции.

Подводя итог, поскольку все ГЭС Казахстана имеют сравнительно небольшую мощность, их задача – регулировать график нагрузок, выполняя классическую функцию маневренной мощности и “закрывая” пики потребления. В такой конфигурации за гидроэлектростанциями остается роль важных элементов энергосистемы, но не определяющих ее развитие. Гидроэнергетика, успевшая в последние 50-70 лет стать одним из основных сегментов электроэнергетики ЦА, сегодня уперлась в “политический” потолок. Потенциал малых ГЭС до сих пор не исчерпан. В то же время энергосистемы отдельных стран остро нуждаются в диверсификации источников электроэнергии.

Список использованной литературы:

1. “Нефтепровод Казахстана Поможет Узбекистану Увеличить Выпуск Бензина,” March 27, 2017, <http://anhor.uz/society/10481>. (13.11.2020).
2. Yuldoshev, A. and Naumova, V., “Uzbekistan Plans to Pull Out of Central Asia’s Power Grid Next Month,” (11.11.2020).
3. “Узбекистан Прекратил Подачу Природного Газа На Юг Киргизии,” Kazenergy, July 18, 2013, (13.11.2020).
4. “Unlocking Region’s Enormous Potential in Today’s Economic Realities,” 4th International Annual Conference, Post–Conference Report 2016. (13.11.2020).
5. Ministry of Foreign Trade of the Republic of Uzbekistan, “Statistics on Investment Activity,” n.d. (13.11.2020).
6. “Heads of Companies Explained The Reason for Unsustainable Power and Gas Supplies in Samarkand,” (05.12.2020)
7. Oleg Chervinskiy, “How Astana Was Planning to Look for Kashagan on the Ground,” February 20, 2017, (05.12.2020).
8. Government of the Republic of Kazakhstan, Концепция Развития Газового Сектора Казахстана До 2030. (05.12.2020).
9. Electric Power Stations, Инвестиционные Проекты (Bishkek: Electric Power Stations, n.d), (05.12.2020).
10. Shustov Alexander, “Will Iran build HPP in Kyrgyzstan?” Eurasia.expert, January 9, 2017. (13.11.2020)
11. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan, The Energy Sector of the Republic of Tajikistan, (15.12.2020).
12. Tohir Safarov, “Tajik President Officially Launches Construction Of Rogun Dam,” RadioFreeEurope, October 29, 2016, (15.11.2020)
13. Catherine Putz, “Uzbekistan’s Changing Rogun Tone,” July 10, 2017, (05.12.2020)
14. “Роль Узбекистана в Энергетики Центральной Азии Может Перейти к Казахстану,” July 27, 2017, <http://anhor.uz/events/roly-uzbekistana-v-energetike-centralynoy-azii-mozhet-pereyti-k-kazahstanu>. (27.11.2020).
15. Серия «Международная жизнь и политика», Вестник КазНПУ им. Абая “ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.” http://sp.kaznpu.kz/docs/jurnal_file/file20210125122853.pdf (15.12.2020).

УДК339.92
МРНТИ 11.25.67

Есдаулетова А.М.¹

¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
профессор кафедры международных отношений
Нур-Султан, Казахстан

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАЗАХСТАНА И КАНАДЫ

Аннотация

В статье рассмотрены ключевые направления сотрудничества между Казахстаном и Канадой в экономической области. Обе страны имеют много общего в географическом расположении и климатических условиях, обладают богатыми природными ресурсами. Эти факторы сближают наши страны. Вместе с тем есть много отличий в экономическом развитии. В статье дан анализ основных аспектов сотрудничества в таких областях как инвестиционный климат, добывающая и нефтяная отрасль, аграрный сектор, сфера образования.

Ключевые слова: Казахстан, Канада, инвестиции, экономика, аграрный сектор, нефть.

А.М. Есдәулетова¹

¹Еуразиялық ұлттық университеті. Л.Н. Гумилев,
халықаралық қатынастар кафедрасының профессоры
Нұр-Сұлтан, Қазақстан

ҚАЗАҚСТАН МЕН КАНАДАНЫҢ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ҮНТҮМАҚТАСТЫҒЫНЫҢ БАСЫМ БАҒЫТТАРЫ

Аңдатпа

Мақалада Қазақстан мен Канада арасындағы экономикалық саладағы ынтымақтастықтың негізгі бағыттары талқыланады. Екі елдің географиялық орналасуы мен климаттық жағдайында көптеген ұқсастықтары бар және олар бай табиғи ресурстарға ие. Бұл факторлар біздің елдерімізді жақындастырады. Алайда, экономикалық дамудың көптеген айырмашылықтары бар. Мақалада инвестициялық ахуал, тау-кен және мұнай өнеркәсібі, аграрлық сектор, білім беру саласы сияқты салалардағы ынтымақтастықтың тартымдылығының негізгі аспектілері талданады.

Түйінді сөздер: Қазақстан, Канада, инвестиция, экономика, аграрлық сектор, мұнай.

А.М. Yesdauletova¹

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Professor of the Department of International Relations
Nur-Sultan, Kazakhstan

PRIORITY AREAS OF ECONOMIC COOPERATION OF KAZAKHSTAN AND CANADA

Abstract

The article discusses the key areas of cooperation between Kazakhstan and Canada in the economic field. The two countries have much in common in geographical location and climatic conditions, and they have rich natural resources. These factors bring our countries closer together. However, there are many differences in economic development. The article analyzes the main aspects of the attractiveness of cooperation in such areas as the investment climate, the mining and oil industry, the agricultural sector, and education sphere.

Keywords: Kazakhstan, Canada, investment, economy, agricultural sector, oil.

Согласно Концепции внешней политики Республики, Казахстан на 2014-2020 гг. существенное значение приобретает внешнеэкономический вектор. Для ее реализации Казахстан намерен создавать условия для безопасного развития национальной экономики и ее инвестиционной привлекательности. Наша страна «в рамках задачи по индустриально-инновационному развитию расширяет международное сотрудничество для привлечения инвестиций и передовых технологий в приоритетные сектора национальной экономики, ее диверсификации и технологической модернизации, повышения ее конкурентоспособности» [1].

Конструктивные отношения Казахстана с Канадой продиктованы тем, что данная страна входит в группу Большой семерки G7, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), входит в десятку стран-лидеров экономики. После распада биполярной системы внешняя политика Канады претерпевала существенные перемены: обновились подходы к международным отношениям и оценки своей роли в мире, стал более широким круг внешнеполитических приоритетов. Дипломатические отношения между Казахстаном и Канадой были установлены 10 апреля 1992 г. В 2003 г. состоялся официальный визит Президента РК Н.А. Назарбаева в Канаду, что придало свежий импульс развитию двусторонних отношений. Встречи на высшем уровне регулярно проводятся на полях крупных международных мероприятий. Президент РК Н.А. Назарбаев встречался с Премьер-министром Канады С. Харпером в рамках участия в Саммите НАТО в 2010 г. в Лиссабоне и во время Саммита «G20» в Санкт-Петербурге в 2013 г., с Премьер-министром Канады Дж. Трюдо на полях Саммита «G20» в Ханчжоу в 2016 году.

Министр иностранных дел РК Е.Идрисов встречался с Министром иностранных дел Канады С.Дионом в рамках Министерского совещания ОБСЕ в Белграде в 2015 г. и Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке в 2016 году. Министр иностранных дел РК Ерлан Идрисов провел встречу со своим канадским коллегой Джоном Бэрдом во время его официального визита в Астану 13 ноября 2013 г. Это был первый официальный визит главы внешнеполитического ведомства Канады в Казахстан с момента установления дипломатических отношений между двумя странами. Глава МИД РК отметил, что Казахстан является главным торговым партнером Канады среди стран СНГ, Восточной и Центральной Европы, а Канада - ведущим партнером Казахстана среди государств Северной, Центральной и Южной Америки. Основной поток канадских инвестиций направлен в нефтегазовый сектор и урановую промышленность Казахстана.

Привлечение иностранных инвестиций – ключевой вектор сотрудничества

Содействие привлечению иностранных инвестиций и инновационных технологий в приоритетные отрасли казахстанской экономики, а также продвижению ориентированной на экспорт продукции отечественных предприятий является ключевыми элементами внешнеэкономической политики РК и одним из основополагающих приоритетов торговой и экономической дипломатии.

Главным аспектом экономической дипломатии наших стран является повышение эффективности совместной межправительственной комиссии (МПК) по торгово-экономическому сотрудничеству и деловых советов (ДС). Деятельность МПК направлена на интенсификацию контактов в сфере инвестиций и развития не нефтяного сектора. В рамках ДС и МПК ведется активная работа по внедрению системы оценки и регулирования. Особое внимание уделяется рассмотрению общих проблем, возникающих в казахстанском деловом сообществе в отношениях с зарубежными странами, а также в вопросах инвестиционного и экспортного сотрудничества. Для укрепления двустороннего делового партнерства в 2016 г. был создан Казахстанско-канадский деловой совет.

Министерство иностранных дел и его зарубежные представительства проводят различные мероприятия по привлечению иностранных инвесторов. Это позволяет укрепить «группу друзей Казахстана» с участием руководителей внешнеэкономических палат и миссий, банков, бухгалтерских фирм и крупного бизнеса. Институт почетных консулов Казахстана за рубежом приобретает все большее значение в рамках экономической дипломатии. Будучи представителями бизнес - элиты страны пребывания, почетные консулы часто вносят существенный вклад

в развитие торгово-экономических отношений между двумя странами, привлечения инвестиций и технологий в экономику Казахстана.

Хорошилов Е.Е. в работе «Канадские прямые инвестиции на постсоветском пространстве» (2016) отмечает, что самые крупные инвестиции среди республик на постсоветском пространстве Канада выделила для Казахстана. Согласно данным национального банка Республики Казахстан, прямые накопленные инвестиции составляли на 31 декабря 2014 года 1, 54 млрд. долл. США, что эквивалентно 1,2% всех привлеченных страной капиталовложений. «Правда среди стран-инвесторов Канада занимает 14-е место, уступая Нидерландам (65, 8 млрд. долл.), Соединенным Штатам Америки (18, 8 млрд. долл.), Франции (11, 3 млрд. долл.), Японии (5, 0 млрд. долл.), Китаю (4,9 млрд. долл.), Великобритании (4, 0 млрд. долл.), Швейцарии (3, 4 млрд. долл.), России (3, 4 млрд. долл.), Британским Виргинским островам (2,2 млрд. долл.), Южной Корее (2, 0 млрд. долл.), Австрии (1,7 млрд. долл.), Кипру (1,7 млрд. долл.), но опережая, например, Германию (371 млн. долл.) и Бельгию (744 млн.долл.)» [2]. Если классифицировать по секторам экономики, то канадский бизнес привлекают прежде всего, урановые и нефтегазовые месторождения.

Деловое партнерство служит мощным двигателем двусторонних отношений между РК и Канадой. Казахстан включен в список приоритетных стран в «Глобальном плане действий на иностранных рынках» Правительства Канады. Товарооборот между РК и Канадой за 2018 г. составил 255,4 млн. долл. США (экспорт – 145,8 млн., импорт – 109,6 млн.). По данным Национального банка РК, за девять месяцев 2017 г. из Канады привлечено 69,5 млн. долл. США прямых инвестиций [3]. По итогам 2018 г. объем прямых канадских инвестиций в РК превысил 182 млн. долл. США [4].

Чрезвычайный и Полномочный Посол Канады в Казахстане Шон Стайл отмечал, что он состоит в инвестиционном комитете при Премьер-министре Казахстана. «В нем представлено всего четыре посла из четырех стран, там ведутся беседы о том, как улучшить инвестиционный климат в Казахстане. Это замечательная платформа, где есть возможность рассказать об опасениях наших инвесторов в Казахстане, и мы видим прогресс в этом вопросе. Основной жалобой, которые передают инвесторы, это то, что усложнены законы. И все же Казахстан сделал уже очень много для улучшения инвестиционного климата» [5]. Правительство РК тщательно изучает предложения, выдвинутые на встречах в инвестиционном комитете, и стремится улучшить ситуацию для привлечения новых партнеров и созданию более комфортных условий для притока иностранных инвестиций.

Сотрудничество в нефтяной области

Канада входит в состав крупнейших международных организации G7, G20, Североамериканской зоны свободной торговли, Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. Внутренний валовый продукт Канады равен 1 600,26 млрд. долларов США в 2020 г., занимая десятое место в мире. ВВП на душу населения достаточно высок и составлял \$46 195 в 2019 г. [6]. Что касается экономического потенциала, то следует отметить тот факт, что Канада занимает третье место по подтвержденным запасам нефти, двадцать второе место по объемам природного газа, обладает значительными ресурсами в области урановых руд, свинца, алюминия и других полезных ископаемых.

Договорно-правовая база казахстанско-канадского сотрудничества включает декларации об экономическом сотрудничестве и о принципах взаимоотношений, Соглашение о взаимной торговле, Договор об избежании двойного налогообложения, Соглашение в области мирного использования атомной энергии, а также ряд межведомственных меморандумов.

В Канадском Глобальном Плане действий по Рынкам (GMAP), принятом в 2013 году, Казахстан определен в качестве приоритетного развивающегося рынка с целым рядом возможностей для канадских компаний. Казахстан имеет 15% мировых ресурсов урана и в 2009 году заменил Канаду в качестве ведущего производителя урана. С 3,2% мировых запасов нефти Казахстан также является растущим игроком в области энергетической безопасности и выступает в качестве ключевого альтернативного источника поставок на рынки ЕС и Восточной Азии.

Как уже указывалось, для укрепления двустороннего делового партнерства в мае 2016 г. был создан Казахстанско-канадский деловой совет. На первом, инаугурационном заседании Совета, организованного НПП РК «Атамекен», Внешнеторговой палатой Казахстана совместно с партнерами из Канадской деловой ассоциации в России и Евразии (CERBA), прошла церемония подписания Соглашения о создании Делового совета.

Всего в первом заседании казахстанско-канадского Делового совета приняли участие представители более 30 ведущих компаний и экономических организаций Канады, заинтересованных в инвестициях, трансферте технологий и сотрудничестве в таких отраслях экономики, как строительство, возобновляемые источники энергии, транспорт, инфраструктурные объекты, сельское хозяйство, энергетический сектор. Такие крупные компании, как Kinross Gold Corporation, Geotech Ltd., Ronald A. Chisholm Ltd., Terralink, Morris Industries, UrtheCast Technologies проявили интерес к нашему государству. Казахстанский бизнес представили более 70 компаний, занятых в области сельского хозяйства, строительства, нефтегазовой промышленности, энергетики.

Канадские компании представляют значительную группу инвесторов в Казахстане, в основном в добывающих отраслях. Корпорация «Камеко» является крупнейшим инвестором Канады в Казахстане. В 2015 году объем товарооборота Канады с Казахстаном составил \$641 млн. Канадский экспорт составлял \$117 миллионов, состоящая в основном из аэрокосмической продукции, сельскохозяйственной техники и оборудования для нефтегазовой отрасли. Импорт Канады в Казахстан составил \$524 млн., состоящая в основном из сырой нефти [7].

Во время работы по созданию Делового совета в октябре 2015 г. было заключено Соглашение между Внешнеторговой палатой (ВТП) РК и Канадской деловой ассоциацией в России и Евразии «CERBA» (Canada Eurasia Russia Business Association), цель которого была обозначена в представлении частного сектора Казахстана и Канады, их защите их интересов и продвижении. Центр Международного правительства и инновациям (the Centre for International Governance Innovation) провело первую встречу с официальными представителями пяти республик Центральной Азии 9 декабря 2015 года. Во время обсуждения на заключительном круглом столе первой Центрально-азиатской конференции по инновациям в области безопасности в Астане участники подчеркнули важность обеспечения готовности. Они подтвердили необходимость интенсификации диалога между государствами Центральной Азии. Центральная Азия - изолированная и разъединенная в настоящее время - могла бы в значительной степени извлечь выгоду при более полном участии в глобальной экономике [8].

22-23 июня 2017 г. в Астане при активной поддержке Посольства было проведено Второе заседание Делового совета «Казахстан – Канада» (ДСКК), продолжение практической работы которого Центр определил в качестве одной из главных задач Посольства. 14-17 ноября 2017 года Посол Казахстана в Канаде Константин Жигалов совершил рабочий визит в провинцию Британская Колумбия, деловой центр которой, третий крупнейший город Страны Кленового Листа - Ванкувер, является основными «воротами» страны в Тихий океан и Азию. Важной составной частью визита стало проведение «круглого стола» с участием деловых кругов Британской Колумбии, организованного Посольством совместно Канадской деловой ассоциацией в Евразии и России «CERBA». Бизнесмены одной из наиболее динамично развивающихся провинций Канады проявили серьезный интерес к налаживанию диалога с казахстанскими партнерами в горнодобывающей сфере, машиностроении, финансах, технологических инновациях, энергосбережении, подготовке кадров, туризме и других отраслях. Ряд компаний выразили намерение принять участие в 3-м заседании Делового совета, запланированном на май 2018 года в Оттаве.

В нефтегазовом секторе Казахстана работает канадская корпорация «Тетис петролеум» (Tethys Petroleum). С 2007 г. она ведет добычу природного газа на блоках Кызлой и Аккулка (the Kuzylol and Akkulka fields), расположенных недалеко от Аральского моря. В том же районе компания ведет разработку нефтяного месторождения Дорис. Кроме того, «Тетис петролеум» владеет лицензией на поисково-изыскательские работы в лицензионном районе Куль-Бас. Всего же в 2014 г. «Тетис петролеум» добыла в Казахстане 128 тысяч тонн нефти. Это на 13, 6% больше, чем в 2013 году. Природного газа было добыто 127 млн. кубометров, что на 15, 5% больше, чем в 2013 г. Выручка казахстанского бизнеса компании составила 25, 9 млн. долларов США, а запасы

компания в Казахстане оцениваются в 221 млн. т. нефти и 17, 9 млрд. кубометров природного газа. Помимо Казахстана данная компания владеет активами в Таджикистане и Грузии [9].

Геологоразведочные работы в нашей стране ведет еще одна канадская компания, а именно, «Кондор петролеум» (Condor Petroleum). Она имеет два основных месторождения для разработки. Это – Жаркамыс западный - 1 прикаспийский бассейн и Шоба - Таскудук. Ее лицензионная территория занимает порядка 3, 8 тыс. квадратных километра [10]. Канадская компания Condor Petroleum объявила в 2016 года о том, что контракт на добычу на месторождении Шоба подписан с правительством Казахстана, которое предусматривает коммерческую добычу, на 100% принадлежащем компании [11].

В свое время крупным бизнесом обладала корпорация «Петро Казахстан» (Petro Kazakhstan). По резервам нефти и природного газа она уступала только американо-казахстанско-российской корпорации «Тенгиз Шевроил» (Tengiz Chevroil). Но в 2005 году «ПетроКазахстан» была выкуплена китайской компанией «Чайна нэшнл петрлеум корпорэйшн» (China National Petroleum Corporation). Канадские инвестиции в данной отрасли промышленности играют значительную роль её развитию на территории Республики. Обсуждаются и дальнейшие перспективы развития сотрудничества в инвестиционной среде.

Наглядным результатом данных инвестиций, уже привнесенных Канадой в Казахстан является уранодобывающий СП «Инкай», расположенный в Южно-Казахстанской области, 40% долей которого принадлежат АО «НАК «Казатомпром» и 60% - канадской корпорации «Самесо». За годы сотрудничества объемы производства достигли 2 тысяч тонн в год. На данный момент взаимовыгодное сотрудничество в данной сфере продолжает набирать обороты. Компания Самесо вкладывает инвестиции в добычу урана в Казахстане. Здесь его добывать намного дешевле, чем в Канаде. В Канаде залежи урана находятся на глубинах 600-800 метров от поверхности земли, в Казахстане - прямо под поверхностью, неглубоко. И в условиях, когда цены на ресурсы находятся на очень низких показателях, очень выгодным является добыча урана более дешевым способом.

В 2014 году прошла ратификация соглашения между правительством Казахстана и правительством Канады о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии. Данный документ позволяет Самесо в долгосрочной перспективе развивать свое сотрудничество с национальной атомной компанией «Казатомпромом».

Сотрудничество агротехническом секторе экономики.

Данный сектор является еще одним ключевым направлением двусторонних отношений, прежде всего, на основании схожих климатических и природных условий двух государств, что не может не сказаться на факте сближения. Аграрный сектор, основу которого составляют зерновое хозяйство и животноводство, ставит Канаду в число ведущих мировых производителей и экспортеров сельскохозяйственной продукции. Крупнейшие производственные мощности сельского хозяйства расположены в провинциях Манитоба, Саскачеван и Альберта. Канада является 5-ым в мире экспортером агропродовольственных продуктов (после ЕС, США, Бразилии и Китая). Страна экспортирует около 45% своих сельхозпродуктов и продовольствия на сумму \$42,8 млрд. в более, чем 180 страны мира. Она является одним из наиболее технически развитых государств мира, поэтому Казахстан испытывает потребность в налаживании отношений в данной секторе экономики с целью оптимизации рабочего процесса в Республике и повышения показателей. Технологии Канады значительно превосходят казахстанские аналоги, поскольку сфера инноваций и внедрения изобретений в Канаде находится на крайне высоком уровне. В области сельского хозяйства наиболее инновационным сектором является производство посевных комплексов для сбора урожая.

Сельское хозяйство продолжает оставаться основным аспектом для двусторонних отношений между Канадой и Казахстаном, уделяя особое внимание растениеводству и животноводству. Все чаще канадские компании предоставляют ценные рекомендации по управлению фермерским хозяйством, а также все точки по сельскохозяйственной цепочке создания стоимости. Однако не стоит полагать, что Казахстан в данном случае лишь паразитирует на сотрудничестве с более развитым партнером, напротив, существуют такие прецеденты, в рамках которых привнесенные канадскими партнерами инновации были переработаны казахстанскими представителями для нужд конкретного сектора, с учетом всех особенностей условий работы в Казахстане.

Дальнейшего инновационного сотрудничества, по мнению экспертов, следует ожидать и в другом важном секторе сельского хозяйства – животноводстве. Следует признать, что это лишь одна из перспектив для роста нашего партнерства.

Гораздо важнее стоит вопрос о сотрудничестве по инновациям в области фермерского менеджмента. На протяжении длительного времени в Канаде велась разработка наиболее эффективной методологии по оптимизации данного рабочего процесса и по повышению качества продукции. Так, был создан специально разработанный рацион для животных, который уменьшает загрязнение окружающей среды, включая эрозию почвы. Успех Канады в данной отрасли выражается цифрами. В сельскохозяйственном и агропромышленном секторе занято более 2,2 млн канадцев. поголовье крупного рогатого скота достигает 4 млн. Ежегодный вклад данного сектора в ВВП Канады составляет более \$100 млрд.

Конкретные же проекты, реализованные в рамках Казахстанско-канадского сотрудничества, Канада представила технологию нулевой обработки почвы (zero-till). Сельскохозяйственная техника, предоставляемая Канадой, вносит значительный вклад в увеличение показателей урожайности и доходности в секторе торговли зерном, а также канадский скот используется в Казахстане для повышения уровня продуктивности. Канадские генетики привносят свой вклад в области селекции крупного рогатого скота.

Затрагивая вопрос диверсификации казахстанской экономики, можно упомянуть об интересном примере. Так, растет экспорт казахстанской рыбы в Канаду. Причем объемы ежегодно удваиваются. Если в 2016 году в Канаду было завезено рыбы на общую сумму 4 миллиона долларов. «В Канаде большой популярностью пользуется выращенный в Казахстане судак. У нас все меньше людей занимается рыболовством, и поэтому, чтобы каким-то образом удовлетворить спрос населения страны в желтом судаке, мы импортируем судака из Казахстана. И я думаю, что скоро мы будем свидетелями многих таких трендов, связанных с замещением определенных товаров именно казахстанской продукцией. Потому что вкусовой рынок диктует свои требования, и у нас очень похожие вкусовые предпочтения» [12].

Казахстан сотрудничает и в агротехнической области. Компания «Дон Мар» производит для казахстанского и российского рынка сельскохозяйственную технику: жатки, опрыскиватели, посевные комплексы. История данного предприятия представляет интерес. В 1989 г. в Канаду прибыла из СССР сельскохозяйственная делегация, возглавляемая тогда еще советским руководителем Нурсултаном Назарбаевым. В ходе одной из встреч будущий президент Казахстана познакомился с фермером и начинающим производителем сельскохозяйственной техники из провинции Саскачеван Д.Уоллисом. Первую продажу своей продукции в Казахстан Уоллес осуществил уже в 1990 г. Позднее он продал свой бизнес, чтобы финансировать создание производства в Казахстане. Первая попытка – совместное предприятие в Акмолинской области – оказалась неудовлетворительной, так как не удавалось обеспечить качество продукции. В 1995 году Д.Уоллис начал производство на арендованном предприятии в Целинограде (ныне Астана). Сегодня же на заводе «Дон Мар» в Кустанае занято 120 человек. Основанное в 1999 году предприятие по изготовлению сельскохозяйственной техники ТОО «Дон Мар» на сегодняшний день стало лучшим и единственным в Казахстане производителем прицепных и навесных жаток для всех видов комбайнов. Сельскохозяйственная техника производства ТОО «Дон Мар» сочетает в себе современные технологии с относительно невысокой ценой и длительным сроком эксплуатации [13]. Во время официального визита министра иностранных дел Канады Джона Бэрда в Астану 13 ноября 2013 г. были обсуждены вопросы сотрудничества в сфере сельского хозяйства и агропромышленного комплекса, являющихся важным направлением в двусторонних отношениях. Канадская сельскохозяйственная техника и оборудование пользуются спросом в Казахстане. Для Канады Казахстан является 6-м крупнейшим рынком экспорта сельскохозяйственного и зернового оборудования. Посольство Казахстана в Канаде оказало содействие участию канадских компаний в Международной выставке сельского хозяйства «AgriTek/FarmTekAstana» в Астане, 15-16 марта 2017 г.

30 марта 2017 г. в Оттаве состоялась встреча Посла РК в Канаде К.Жигалова с Вице-министром сельского хозяйства и продовольствия Канады Ф.Горреллом, в ходе которой стороны обсудили состояние и перспективы двустороннего сотрудничества в аграрной сфере. 21-23 июня 2017 г. состоялся рабочий визит Вице-министра сельского хозяйства и

продовольствия Канады Ф.Горрелла в столице Казахстана, в ходе которого были проведены его встречи с Первым вице-министром сельского хозяйства РК К.Айтугановым, Заместителем министра иностранных дел РК Е.Ашиқбаевым, Вице-министром национальной экономики РК Е.Бакеновым, Вице-министром инвестиций и развития РК Е.Хаировым. Основной целью визита Ф.Горрелла стало поддержка позитивной динамики казахстанско-канадского сотрудничества в сфере сельского хозяйства, развитию которого способствовал ранее состоявшийся обмен взаимными визитами высокого уровня, а именно, Министра сельского хозяйства РК А.Мамытбекова в Канаду в 2012 г. и ответный визит Министра сельского хозяйства и продовольствия Канады Дж.Ритца в Астану в 2013 г.

Конструктивному диалогу способствовало участие на встрече в МСХ РК руководства и экспертов заинтересованных казахстанских ведомств, в том числе, Комитета ветеринарного контроля и надзора, Департамента производства и переработки животноводческой продукции, холдинга «КазАгро», АО «НК «Продкорпорация», АО «Казагромаркетинг», АО «Аграрная кредитная корпорация» и др.

Сотрудничество в сфере подготовки профессиональных кадров

Примечательно особенностью, успешно используемой Канадой в рамках сотрудничества с иностранными государствами, включая и Казахстан, является её сильнейший институт образования. Образовательная система, в частности её высшее звено, предоставляет канадской стороне огромные возможности для проведения публичной дипломатии, которыми Канада охотно и активно пользуется.

Также ведется и сотрудничество в сфере профессионально-технического образования, бюджетного управления и государственной службы. Двустороннее сотрудничество между высшими учебными заведениями является показателем интенсификаций отношений этого рода. На сегодняшний день осуществляется сотрудничество между Политехническим институтом Южной Альберты и «Межрегиональным профессиональным центром подготовки и переподготовки кадров в нефтегазовой сфере» в г.Атырау, в рамках партнерства в холдинге «Кэсіпқор». Данный проект нацелен на обучение казахстанских специалистов работе с новейшими технологиями и требующимися для работы с ними навыками, которые в сущности своей необходимы для максимальной оптимизации рабочего процесса в области нефтяной промышленности, а точнее для работы на нефтяных скважинах. Данное партнерство открывает Казахстану широкие горизонты для удовлетворения нужд рынка в квалифицированных кадрах. Атырауский «Межрегиональный профессиональный центр подготовки и переподготовки кадров в нефтегазовой сфере» является лишь частью реализации программы по взаимодействию в академическом поле.

Другим ярким примером является сотрудничество Казахского национального технического университета имени К.Сатпаева с Алгонкинским высшим учебным заведением прикладных дисциплин и технологий при содействии канадской компании PhoenixGeophysics. Сотрудничество этих двух институтов ставит своей ключевой целью - установление Казахстанско-Канадского научно-технического геологического центра, деятельность которого будет направлена на выполнение следующих задач:

- подготовка казахстанских кадров в области геологии и геофизики;
- функционирование в качестве учебно-тренировочного центра для специалистов в областях геологии и геофизики;
- функционирование в качестве центра интерпретации геологических и геофизических данных.

Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Казахстан в Канаде К.Жигалов в приветственном слове участникам международной горнопромышленной конференции CERVA в марте 2017 года подчеркнул, что «Казахстан заинтересован в дальнейшем развитии взаимовыгодного партнерства с Канадой, в том числе, в сфере геологоразведки и горной промышленности» [14].

Однако академическое сотрудничество не является единственным взаимодействием в образовательной сфере. Сотрудничество направлено не только на студентов и ученых; в рамках кооперации проводятся различного рода семинары для слушателей разного уровня. Так, например, в марте 2015 года состоялся семинар по теме «Внедрение талант-менеджмента в

государственный сектор» в стенах Академии государственного управления при Президенте РК. Канадским ученым Д. Брайаном Марсоном были представлены достижения и методология, используемая Канадой для грамотного менеджмента и укрепления меритократии в государственном аппарате. Слушателями данного семинара стали руководители и заместители кадровых служб Администрации Президента, Канцелярии Премьер-Министра, Сената, Мажилиса Парламента и других центральных и местных исполнительных государственных органов РК.

Казахстан активно изучает канадскую модель бюджетного управления и государственной службы с целью применения некоторых ее аспектов в Казахстане. В частности, по образцу канадского агентства «Service Canada» в апреле 2016 г. в Казахстане была создана госкорпорация «Правительство для граждан». Казахстанская сторона предложила стать независимым членом ее совета директоров г-же Николь Барбью (Barbeau), которая проработала на руководящих должностях в сфере госуправления около 20 лет и является одним из ведущих канадских специалистов в данной области.

В настоящее время продолжаются контакты на высшем уровне. Так, в ноябре 2020 года прошла серия мероприятий в рамках уже 4-го заседания Делового совета «Казахстан-Канада» (ДСКК) в онлайн-формате. В течение месяца прошло пять заседаний рабочих групп в разных секторах: сельское хозяйство, горно-металлургический комплекс, энергетика, аврокосмос, транспорт, строительство и инфраструктура, здравоохранение и образование. Основная тема Делового совета-2020 стало «Постпандемическое развитие сотрудничества между Казахстаном и Канадой: восстановление и развитие». Мероприятие было направлено на дальнейшее развитие деловых отношений между компаниями Казахстана и Канады в приоритетных отраслях экономики, привлечение инвестиций, развитие торговли в условиях постпандемического мира [15].

Заключение. Канада демонстрирует впечатляющие достижения в экономике, даже в условиях глобального кризиса. Она, как известно, является одним из крупнейших экспортеров энергоресурсов и сырья. Однако не только нефтью и газом определялось благополучие страны - Канада это в первую очередь одна из наиболее развитых в технологическом и промышленном плане держав мира, с благоприятным бизнес-климатом и государственными услугами.

Анализируя события последних лет, следует резюмировать, что экономический фактор имеет большое значение в двусторонних отношениях между Казахстаном и Канадой. Более того, происходит диверсификация экономического сотрудничества в новых отраслях, что создает основу для более интенсивного развития и вхождения в мировое хозяйство на более высоком уровне.

Список использованной литературы:

1. Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014-2020 гг. <http://mfa.gov.kz/ru/erevan/content-view/koncepcia-vnesnej-politiki-rk-na-2014-2020-gg>
2. Хорошилов Е.Е. Канадские прямые инвестиции на постсоветском пространстве // США. Канада. Экономика - политика - культура: ежемесячный научный и общественно-политический журнал. - 2016. - № 3. – С. 70-84.
3. ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТАРИИ КАЗАХСТАНСКО-АМЕРИКАНСКОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА Альмадиев Б.Б. Новый взгляд. Международный научный вестник: сборник научных трудов. Выпуск 8 / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015. – Р.120-122
4. Интервью с Чрезвычайным полномочным Послом Канады в Казахстане Шон Перри Стайл. Ахметбеков А. В поиске стабильности. //Эксперт. Казахстан. 24 апреля 2017. <http://expertonline.kz/a14836/>
6. Атлас мировых данных. <https://knoema.ru/atlas/Канада>. Стр.10-11
7. Aminjonov, Farkhod, "Security of the Central Asian Energy System Through Regional-Level Energy Governance Innovations" (2015). Theses and Dissertations (Comprehensive). 1789. – С.20-23.
8. Арапова, Е.Я. «Азиатский вектор» экономической стратегии России / Е.Я.Арапова. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015.– № 36 (321). – С.45-52.
9. The Tethys Petroleum Limited Annual Report and Accounts for 2014 / http://www.tethyspetroleum.com/system/financial_reports/downloads/000/000/007/original/AIF-2014-FINAL_v002_r2xv8t.pdf?1434678937

10. Case Study: Kazakhstan's First Application of Inflow Control Devices ICDs for Horizontal Wells Chris Smith ; Ali Dehghani ; W. B. Hatcher ; Yesset Mukhambetpaizov ; Bakhtiyar Askarov ; George Burg Paper presented at the IADC/SPE Asia Pacific Drilling Technology Conference, Singapore, August 2016. p.15-17.

11. В поиске стабильности. Интервью Чрезвычайного и Полномочного посла Канады в Казахстане Шон Перри Стайла. // <http://expertonline.kz/a14836/> 24 апреля 2017 г.

12. Дон Мар. hСтатистика, учет и аудит, 2(69)2018 p.238-240.

13. CERVA EURASIA MINING CONFERENCE. Partnerships. Opportunities. Innovation. March 8, 2017. www.cerbamining.com

14. ЧЕТВЕРТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "АЭРОКОСМИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ И ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ В ЛЕСОВЕДЕНИИ И ЛЕСНОМ ХОЗЯЙСТВЕ" ИССЛЕДОВАНИЕ ЗЕМЛИ ИЗ КОСМОСА Учредители: Российская академия наук (Москва) ISSN: 0205-9614 p.74-78.

УДК 341.4
МРНТИ 10.87.89

Қ.Қ. Жеделова¹, С.Н. Сабикенов¹

¹Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты
Алматы қ., Қазақстан

ТЕРРОРИЗМГЕ ҚАРСЫ КҮРЕС МҮДДЕСІНДЕ БҰҚАРАЛЫҚ АҚПАРАТ ҚҰРАЛДАРЫН ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ МӘСЕЛЕЛЕР

Аңдатпа

Бұл мақалада қазіргі терроризмнің өз мақсаттарына жету үшін бұқаралық ақпарат құралдарын жиі қолдануы және адам өміріне тигізетін кері әсері талқыланады. Бұл онымен күрестің қазірдің өзінде маңызды проблемаларын ушықтырады. Дәл осы тұрғыда БҰҰ Бас Ассамблеясының 46-шы сессиясында және қылмыстың алдын алу және құқық бұзушылармен қарым-қатынас жасау жөніндегі БҰҰ VIII Конгресі байланыс құралдарының дамуы мен жылдам технологиялық өзгерістердің, сондай-ақ географиялық ұтқырлықтың ұлғаюы мен қазіргі өмірдің интернационализациясы салдарынан терроризм қазіргі заманның жаһандық проблемаларының біріне айналатынын атап өтті. Бұқаралық ақпарат құралдары интеграциялық процестерде олардың әмбебап қасиеттері - әмбебаптығы, жан-жақтылығы, қоғамның өмірлік ақпарат ерекшеліктеріне енуінің арқасында үлкен рөл атқарады.

Түйін сөздер: Бұқаралық ақпарат құралдары, терроризм, халықаралық ақпараттық алмасу, бостандық феномені, әлеуметтік желі

Жеделова Қ.Қ.¹, Сабикенов С.Н.¹

¹ҚазНПУ им. Абая, Институт Сорбонна-Қазақстан

ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ СМИ В ИНТЕРЕСАХ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Аннотация

Данная статья посвящена о частом использовании средств массовой информации и негативном влиянии современного терроризма на жизнь человека для достижения своих целей. Это усугубляет и без того серьезные проблемы борьбы с ним. Именно в этом контексте на 46-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН и VIII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и взаимодействию с правонарушителями отметили, что терроризм становится одной из глобальных проблем современности из-за развития средств связи и быстрых технологических изменений, а также увеличения географической мобильности и интернационализации

современной жизни. Средства массовой информации играют большую роль в интеграционных процессах благодаря своим универсальным свойствам проникновению в жизненную ткань общества.

Ключевые слова: Средства массовой информации, терроризм, международный информационный обмен, феномен свободы, социальная сеть

K.K. Zhedelova¹, S.N. Sabikenov¹

*¹Kazakh National University named after Abay, Institute Sorbonne-Kazakhstan
Almaty, Kazakhstan*

RESTRICTIONS ON THE FREEDOM OF THE MEDIA IN THE INTERESTS OF COMBATING TERRORISM: INTERNATIONAL LEGAL ISSUES

Abstract

This article discusses the frequent use of the media by modern terrorism to achieve its goals and the negative impact on human life. This exacerbates the already serious problems of the fight against it. It is in this context that the 46th session of the UN General Assembly and the VIII UN Congress on crime prevention and interaction with offenders noted that terrorism is becoming one of the global problems of our time due to the development of means of communication and rapid technological changes, as well as increasing geographical mobility and internationalization of modern life. Mass media play a major role in integration processes due to their universal properties - universality, versatility, and inclusion in the vital fabric of society.

Keywords: Mass media, Terrorism, International Information Exchange, the phenomenon of freedom, social network

Соңғы он жылдықтарда халықаралық аренадағы идеологиялық күрестің шиеленісуінің көріністерінің бірі мемлекеттердің сыртқы саяси насихат үшін жаңа ғылыми-техникалық жетістіктерді белсенді пайдалануы болып отыр. Қалың бұқараның қоғамдық пікірін тарту мақсатында барлық бұқаралық ақпарат құралдары қолданылады: интернет, баспа, кино, радио және теледидар. Осы тұста, Бұқаралық ақпарат құралдарының көмегімен егеменді мемлекеттердің ішкі істеріне қол сұғуға қарсы тұра отырып, империалистік насихат халықаралық қатынастардағы "ақпарат бостандығы" деп аталатын ұранды алға тартты.

Халықаралық ақпараттық алмасуларға халықаралық құқықтың жалпыға бірдей императивті принциптері қолданылады. Олар бірқатар арнайы қағидаттармен толықтырылады: мемлекеттердің трансшекаралық радио хабарларын таратуды және телевизиялық хабар таратуды жүзеге асыру немесе санкциялау құқығы; мемлекеттердің әлемдік қоғамдастық айыптаған идеялардың таралуын болдырмау немесе жолын кесу міндеті; мемлекеттің ақпарат көздеріне халықтың еркін қол жеткізуін қамтамасыз ету міндеті; өз аумағында халықаралық қоғамдастық тыйым салған және мемлекеттік қауіпсіздікке, қоғамдық тәртіпке, халықтың денсаулығы мен имандылығына қатер төндіретін идеялардың таралуына қарсы әрекет ету құқығы; мемлекеттердің өздерінің саяси, экономикалық және мәдени мақсаттарына қол жеткізу үшін өздерінің ақпараттық инфра-құрылымын дамыту құқығы; ұлттық бұқаралық ақпарат құралдарын басқа мемлекеттерге дұшпандық насихаттау үшін және оларды орналастыру үшін пайдаланудың алдын алу және жолын кесу міндеті сынды. Дегенмен, бұқаралық ақпарат құралдарының табиғаты мен сипатын, оның қызметі мен құқықтық регламенттеуді зерттеуге оралсақ, халықаралық жария құқық контекстінде әлі күнге дейін жүйелі талдау жеткіліксіз. Бұл тұжырымдамалар қазіргі уақытта халықаралық шиеленістің бәсеңдеуімен сипатталатын капиталистік елдердің реакциялық орталарында белсенді дамуды жалғастыруда. Мәскеудегі Дүниежүзілік бейбітшілік күштері конгресінде сөйлеген сөзінде КОКП ОК Бас хатшысы Л.И. Брежнев атап өткендей, «кеңес заңдары біздің азаматтарымызға кең саяси бостандықтар береді. Сонымен бірге олар біздің жүйемізді, кеңес халқының мүдделерін осы бостандықтарды теріс пайдалану әрекеттерінен қорғайды...

Бізге шабуыл жасағандар қандай бостандықтар туралы айтады? Мысалы, бізде соғысты кез-келген түрде насихаттауға тыйым салатын заң бар. Кез-келген халықтың ұлттық қадір-қасиетін қорлайтын нәсілдік немесе ұлттық араздық пен жеккөрушілік идеяларының таралуын жоққа шығаратын заңнама бар ... мүмкін олар идеялар мен ақпараттың еркін алмасуы үшін осы заңдардан бас тартқымыз келеді ме?.. Мұндай талаптар мемлекетаралық қатынастардың салауатты даму болашағын жақсартпайды деп ойлаймын. Басқа халықтардың егемендік құқықтарына қол сұғып, бейбітшілік үшін күресуге болмайды» [1] дейді. Яғни, БАҚ бостандығын шектейтін нормалар санының артуымен байланысты бұл үрдіс құқық қорғау ұйымдары тарапынан да, бұқаралық ақпарат құралдары қызметкерлері тарапынан да белгілі бір қарсылыққа тап болады. Бұл ең алдымен олардың БАҚ бостандығы туралы алаңдаушылығынан туындайды. Жүргізіліп жатқан пікірталастарда мұндай шектеулерді енгізу қажеттілігі және олардың халықаралық құқық тұрғысынан жарамдылығы маңызды емес. Бас бостандығын шектеу оны қудалайтын шектеулермен мөлшерлес болуға тиіс екенін ескере кету қажет. Осы мақсатта терроризмге қарсы операцияны жүргізу кезінде БАҚ-та террористік акцияларды жариялауға қатысты терроризмді жалпы БАҚ-та жариялаудан шектеулер белгілеу қажет. Терроризмге қарсы операция кезінде адам өміріне үлкен қауіп төнеді. Өмір сүру құқығы – бұл әр адамның ажырамас құқығы. [2] Бұл құқықты сақтау және қорғау – бұл даусыз дәлел.

Жалпы цензураға халықаралық құқықпен жол берілмегеніне қарамастан, төтенше жағдай кезінде мемлекет өз міндеттемелерінен ауытқу шараларын қабылдай алады. Осылайша, құқық қорғау органдары тарапынан алдын ала бақылауды енгізуге соңғы шара ретінде жол беріледі. Шетелдік БАҚ-тардың өздері тарататын материалдарды терроризмге қарсы операция жүргізетін елдің жедел штабымен келісу міндетін тікелей көздеу қажет сияқты. Қазіргі уақытта бұқаралық ақпарат құралдарын пайдалануға байланысты баспа материалдарымен, кинофильмдермен, радио және телевизиялық хабарлармен алмасуды қоса алғанда, халықаралық қатынастардың құқықтық аспектілерін кешенді зерделеу қажеттігі айқындалған. Халықаралық бұқаралық ақпарат ағыны неғұрлым нақты және егжей-тегжейлі құқықтық реттеуге жататын сияқты. Бұл, атап айтқанда, жасанды спутниктердің көмегімен неғұрлым қуатты техникалық бұқаралық ақпарат құралдарының, ең алдымен тікелей теледидарлық хабар таратудың пайда болуына байланысты.

Терроризмге қарсы операция тоқтатылғаннан кейін кез-келген алдын-ала бақылауды енгізу ақталмайды. Алайда, терроризмді жариялау кезінде БАҚ-та пікір білдіру бостандығын шектеуді одан әрі регламенттеу арқылы БАҚ-тың олар тарататын ақпарат үшін жауапкершілігін арттыруға жол берілетін болып көрінеді. Мұндай жағдайда пікір білдіру бостандығының (БАҚ бостандығының) қандай шектеулеріне жол берілетіні туралы нақты ұстанымдарды қалыптастыру өте маңызды. Біріншіден, Бұл шектеулер терроризм идеяларын насихаттауға тыйым салуға қатысты болуы керек. Мұндай шектеу туралы мәселені қоюға белгілі бір адам БАҚ арқылы терроризм идеяларын таратуға нақты қызығушылық білдірген жағдайларда жол беріледі.

Негізінен әлеуметтік сипаттағы бұқаралық ақпараттың қоғамдық санаға әсері соңғы байланыс құралдарының дамуы үлкен болды, сондықтан американдық журналист Дуглас Кейтер баспа, радио, теледидарды "төртінші" (заң шығарушы, атқарушы және соттан кейін) билік тармағы деп атады. Шынында да, бұқаралық ақпарат құралдары ақпаратты жариялау, жасыру, бұрмалау арқылы саяси немесе экономикалық оқиғалардың барысына әсер етуі мүмкін, журналистік зерттеулер жүргізу, жоғары лауазымды тұлғалардың сенсациялық экспозицияларын ұйымдастыру, соғысты насихаттау, билікке бағынбауға шақыру, мемлекеттік немесе әскери құпияны құрайтын ақпаратты жариялау арқылы мемлекеттік басқаруға араласуы мүмкін. Осылайша, қоғамдық процестерге оң әсер етумен қатар, саяси және құқықтық шындық, бұқаралық ақпарат бостандығы теріс әсерге ие болуы мүмкін. Сондай-ақ, ақпарат көздерінің құпиялылығын қорғау құқығы сияқты құқыққа назар аудару керек. Еуропа Кеңесінің журналистердің өз ақпарат көздерін ашпау құқығына қатысты ұсынымын шарттық деңгейде енгізу қажет. Осы ұсынымға сәйкес мынадай жағдайларда ерекше жағдайлар болуы мүмкін: ақпаратты ашудың бірінші кезектегі қажеттілігі дәлелденді; мән-жайлар айтарлықтай маңызды және елеулі сипатқа ие; ақпаратты ашудың қажеттілігі қоғамдық қажеттіліктерге байланысты. Бұл ретте, көрсетілген ұсынымда осы құқықты

шектеу мүмкін болған жағдайда ғана бірқатар шарттар бар. Сонымен, құзыретті билік органдарының ақпарат көзін анықтайтын ақпаратты ашуға бағытталған іс-әрекеттерді бастау туралы өтініштері мен өтініштерін тек лауазымды адамдар қабылдауы керек. Дереккөзді анықтайтын ақпаратты аспағаны үшін журналистерге қарсы санкцияларды сот билігі және т. б. қолдануы керек.

Бостандық феномені – бұл оның мәнін сипаттайтын көптеген өзара байланысты элементтердің болуын қамтитын күрделі жүйе. Бостандық категориясы соншалықты жан-жақты, сондықтан ешқандай анықтама абсолютті толықтықты талап ете алмайды, Бостандық категориясын талдағанда бір жан-жақты анықтаманы жасау мүмкін емес, бірақ өзара толықтыратын және нақтылайтын анықтамалар тобы туралы айту мағынасы бар. Бұқаралық ақпарат бостандығы, ең алдымен, мемлекеттің көпшілікке ақпарат тарату процесіне араласпауын білдіреді. Ақпараттық процестердің алуан түрлілігі бұқаралық ақпарат бостандығы саласындағы құқықтық реттеу проблемаларын туғызады. Елдің нақты тарихи жағдайларына, дәстүрлеріне, менталитетіне, басым құқықтық доктринаға байланысты ақпараттық әлеуметтік қатынастарды нормативтік-құқықтық реттеу кезінде туындайтын мәселелерді шешудің көптеген теориялық тәсілдері бар, оларды зерттеп, шешуге тырысу керек. Сондай-ақ БАҚ басшыларын өздерінің кәсіби қызметі барысында белгілі болған ықтимал террористік акциялар туралы ақпаратты уақтылы хабарлауға міндеттеу өте маңызды болады. Терроризмнің таралуында қолдан жасалған жарылғыш құрылғыларды жасау және қолдану технологиясы, ұрыс теориясы мен практикасы туралы ақпараттың болуы маңызды рөл атқарады.

БАҚ өз табиғаты бойынша азаматтық қоғамның маңызды демократиялық институттарының біріне айналуға барлық мүмкіндіктерге ие. Өз пікірін еркін білдіру құқығын іске асыру жолымен азаматтардың қоғамды демократиялық басқаруға тікелей қатысуын қамтамасыз ете отырып, азаматтық қоғам жағдайында маңызды функциялардың бірі болып табылады. БАҚ құқықтық және заңнамалық институттарда қалыптасқан әлеуметтік – саяси шешімдерді әзірлеу мен қабылдау тетігін айтарлықтай байытады, оларға қосымша гуманистік бағыт береді, әртүрлі БАҚ-та еркін айтылған азаматтардың пікірлерінің барлық спектрін ұсынады.

Қазақстан Республикасының заңнамасында конституциялық деңгейде сөз бостандығы мен ақпаратқа қол жетімділіктің қажетті кепілдіктері тұжырымдалған. Конституциялық ережелер ішінара дамыған. Сонымен бірге заңнамада азаматтардың сөз бостандығы мен ақпаратқа қол жеткізу құқығын іске асыруына кедергі келтіретін немесе қиындататын олқылықтардың саны сақталып отыр. Өзінің мақалаларының бірінде академик С.Н. Сабикенов айтқандай: «Жалпы халықаралық жүйенің қалыпты жұмыс істеуі ішкі құқыққа байланысты. Оның уақыт талабынан артта қалуы ауыр халықаралық салдарға әкелуі мүмкін. Қазір өмір сүрудің барлық кезеңдерінде халықаралық және ішкі құқықтың өзара іс-қимылының жоғары деңгейіне тұрақты үрдіс байқалады» [3]. Яғни, мемлекеттің халықаралық аренада дұрыс байланыс жүргізуі ішкі құқықпен тікелей байланысты. Сөз бен Ақпарат бостандығының шектерін белгілейтін заңдардың тұжырымдары, әсіресе қауіпсіздікке қатысты, тым кең, жеткіліксіз анықталған, кеңейтілген түсіндіруге мүмкіндік береді және осылайша негізсіз шектеулер үшін негіз болады. Біріншіден, бұл әлеуметтік маңызды ақпаратқа қол жеткізуді реттеуге қатысты. Қолданыстағы нормалар мен тетіктер ақпаратты алу және тарату саласындағы бұзылған құқықтарды тиімді және уақтылы қорғауды және қалпына келтіруді қамтамасыз етпейді.

Ақпараттық терроризм - адамның, оның ішінде үшінші тұлғалардың негізгі құқықтары мен бостандықтарына қол сұғатын халықаралық сипаттағы қылмыстық кейбір жағдайларда ақпараттық терроризм халықаралық бейбітшілік пен адамзат қауіпсіздігіне қауіп төндіретін халықаралық қылмыстың белгілеріне ие болуы мүмкін (мысалы, ядролық терроризммен байланысты). Терроризмді және нақты Террористік актілерді және ұйымдарды насихаттайтын немесе қолдайтын материалдарды жариялайтын БАҚ-қа қарсы тыйым салу (шектеу) шараларының кешені: терроризм актілерін немесе террористік ұйымның қызметін насихаттайтын немесе ақтайтын материалдарды (мақалаларды) жариялауға тыйым салудан көрінуі мүмкін. Көрсетілген шаралар мемлекеттік органдарға айыппұл салу, сыртқы цензор енгізу, басылымды тоқтата тұру (уақытша

жабу), басылымды шығаруды тоқтату және т. б. құқықтарды беру жолымен қамтамасыз етіледі. Бұл ұлттық заңнамаға сәйкес нақты адамдарға қарсы қылмыстық іс қозғауды жоққа шығармайды.

БАҚ өмірінің кейбір салалары реттелмейді немесе нашар реттеледі. 30-дан астам заң журналистердің қызметін тікелей немесе жанама түрде реттейді, олармен бірге қолданыстағы нормативтік және заңға тәуелді актілер ақпарат субъектілері мен объектілері арасындағы қатынастар жүйесінде шатасулар тудырады, БАҚ-тың негізгі қызметін жүзеге асыруға-азаматтардың ақпаратқа құқығын қанағаттандыруға қосымша кедергілер тудырады. Бұл туралы заңнамада көп нәрсе күрделі пысықтауды қажет етеді. Заңнамалық түрде белгіленген сұрау салу жүйесі БАҚ редакциялары мен лауазымды тұлғалар арасындағы қарым-қатынасты бұзады. Егер заңның өзі ақпаратты еркін алуға және таратуға кедергі келтірсе, этикалық БАҚ, кәсіби журналистика және демократиялық қоғам туралы айтудың мағынасы жоқ. Журналистердің сұралған ақпаратқа құқығы редакциядан басқа кезде де шектеулі. БАҚ "екі құрамды" болуға тиіс - бір жағынан, макрожүйені қалыптастырудың нақты критерийлері (ынтымақтастық, бәсекелестік, Бәсекелестік және т.б. күрделі қатынастардағы басылымдар мен бағдарламалар жиынтығы ретінде) қажет, оның аясында микро жүйелер - басылымдар мен бағдарламаларға кіретін ақпарат көздерінің "жиынтығы" қалыптасады. Әрбір адам өзіне қол жетімді БАҚ арналарынан барлық қажетті ақпаратты алып қана қоймай, сонымен бірге оған бағытталған әртүрлі әлеуметтік күштерден алынған гетерогенді ақпаратты салыстырмалы түрде ұсыну негізінде шындықты түсініп, өз ұстанымын тәуелсіз шешім мен саналы таңдау негізінде анықтаған кезде екі көріністе де оңтайлы жүйе болады.

Шетелдік технологияларға ақпараттық тәуелділікті төмендету үшін ақпараттық технологиялар саласындағы перспективалық ғылыми зерттеулер мен әзірлемелерге мемлекеттік қолдауды қамтамасыз ету, Есептеу техникасы мен телекоммуникация құралдарын құрумен байланысты отандық ақпараттық технологиялар мен салаларды дамытуды ынталандыру және қолдау жөнінде шаралар қабылдау, Ақпараттық технологиялар, өнімдер мен көрсетілетін қызметтер нарығын дамытуды ынталандыру, ақпараттандыруды дамытуға инвестициялар тартуға ықпал ету орынды.

Қорыта айтқанда, өткір әлеуметтік жағдайлар туындаған жағдайда БАҚ-қа қатысты жекелеген мемлекеттік құрылымдардың мінез-құлқының болжанбау деңгейін төмендету үшін қоғамда жариялылықты қамтамасыз ету жөніндегі мемлекеттік ақпараттық саясатты жүргізудің негізгі проблемаларына алдын ала ахуалдық талдау жүргізген орынды. Халықаралық және мемлекетішілік терроризмнің ауқымы мен болжамды өсуінің шындықтары, мемлекеттер осы қылмыстық құбылыстың жалпы қабылданған анықтамасын әзірлеуді күтпей-ақ, аталған шектеулерді енгізуге мәжбүр. Құқықтық тұрғыдан алғанда, бұл өте жағымсыз болса да, бұл мәселедегі нақты жағдай басқа таңдау қалдырмайды. Осылайша, көрсетілген анықтаманы әзірлеу және терроризмге қарсы нақты шараларды қабылдау бойынша күш-жігерді қатар жалғастыру, оның ішінде осы диссертацияда зерттелген контексте

БАҚ бостандығына тиісті шектеулер сөзсіз және негізделген шындық деп санаған жөн. БАҚ бостандығына тиісті шектеулер, тіпті Террористік акцияларға әлі әсер етпеген мемлекеттерде де дереу енгізілуі керек. Бұл ақпараттық терроризмге қарсы күрестің маңызды ескерту аспектісінен тұрады, ол репрессивті сипаттағы шараларды едәуір күшейтуге, негізінен қолданыстағы террористік акциялар мен ұйымдарды, террористік қызметтің басқа субъектілерін бейтараптандыруға және жоюға бағытталған.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Брежнев Л.И. *За справедливый, демократический мир, за безопасность народов и международное сотрудничество.* – М., 1973.– С. 40-41.
2. *Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясы, Декларация Біріккен Ұлттар Ұйымы Бас Ассамблеясының резолюциясымен 1948 жылғы 10 желтоқсанда № 217 А (III) қабылданған, 3- бап.*
3. *Труды академика Сабикенова С.Н. «Проблемы взаимодействия национальных правовых систем в контексте глобализационного процесса».* – С. 57-60.

ПЕДАГОГИКАНЫҢ ТАҚЫРЫПТЫ МӘСЕЛЕЛЕРІ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИКИ TOPICAL ISSUES OF PEDAGOGY

УДК 521.7
МРНТИ 17.06.91

Шолтай С.Ш.¹

*¹Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институтының
тәрбие ісі жөніндегі директордың орынбасары*

ҮШТІЛДІ БІЛУ – КӨПМӘДЕНИЕТТІ МЕҢГЕРГЕН ТҰЛҒА РЕТІНДЕ

Аңдатпа

Мақалада үштілділік білім беру негізінде көпмәдениетті қалыптастыру мәселелері қарастырылады. Автор көпмәдениетті тұлға ұғымына және көпмәдениетті тұлға қалыптастырудың негізі болып табылатын Қазақстандағы үштілді білім беру үдерісі дамуының негізгі тенденцияларына тоқталған.

Түйін сөздер: тіл, мәдениет, үштілділік, мәдениаралық қарым-қатынас, құзіреттілік, көпмәдениетті тұлға.

Шолтай С.Ш.¹

*¹заместитель директора Института Сорбонна-Казakhstan по воспитательной работе,
КазНПУ им. Абая*

ЗНАНИЕ ТРЕХЪЯЗЫЧИЯ-ВЛАДЕНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНЫМ В КАЧЕСТВЕ ЛИЦА

Аннотация

В статье рассматривается вопрос формирования поликультурной личности в условиях трехязычного образования. Автором рассмотрены понятия поликультурная личность и основные тенденции развития трехязычного образования в Казахстане, которое является основой формирования поликультурной личности.

Ключевые слова: язык, культура, трехязычие, межкультурная коммуникация, компетенция, поликультурная личность

S.Sh. Sholtay¹

¹the Deputy Director of the Institute Sorbonne-Kazakhstan in educational work, at Abai KazNPU

KNOWLEDGE OF THREE LANGUAGES-POSSESSION AS A MULTICULTURAL PERSON

Abstract

This article considers the question of formation of the polycultural personality in the conditions of trilingual education. The author has considered concepts of the polycultural personality and the main tendencies development of trilingual education in Kazakhstan which is a basis of formation of the polycultural personality.

Keywords: language, culture, trilingual education, intercultural communication, competence, polycultural personality

Қазіргі заманның талабы - көптілділік. Жас ұрпаққа саналы, мағыналы, өнегелі тәрбие мен білім беру бүгінгі күннің басты талабы. Көптілділік мәселесі - тек Қазақстан үшін ғана емес, әлем алдында тұрған мәселелердің бірі. Қазіргі уақытта еліміздің басқа мемлекеттермен қарым-қатынасы артып отырған шақта үштілділікті еркін меңгерген, келешекте білімін түрлі саладағы қарым-қатынас жағдайында пайдалана алатын жастарды тәрбиелеу – біздің қазіргі кездегі ең басты міндетіміз.

Қазақстан Республикасының Президенті Н.Ә. Назарбаев «Қазақстан жолы – 2050: Бір мақсат, бір мүдде, бір болашақ» атты халыққа арналған Жолдауында халқымыздың ұлттық дербестігін сақтай отырып, елімізді әлемдегі өркениетті 30 елдің қатарына қосу мәселесіне баса назар аударды [1]. Сол өркениетті елдер санатына қосылуына ықпал ететін еліміздің ертеңгі болашағы жастарға білім мен тәрбие беретін - **оқу ордасы**. Осы Жолдауда сол мақсатқа жетудің жолдары мен механизмдері, түрлі иірімдері мен тетіктері көрсетілді. Ол үшін болашақ Қазақстанның азаматтары өзінің төл мәдениетін, ана тілін, мемлекеттік тілін сыйлайтын, дүниежүзілік мәдениетті танитын, ағылшын, француз тілін меңгерген, рухани дүниесі бай, білімді, білікті болуы тиіс.

Бүгінгі таңда барлық ЖОО-да көптілді білім беру жүйеленіп келеді, өйткені Қазақстанға дүниежүзілік технологиялық, ғылыми жаңалықтарды өзінің ана тілінде халқының игілігіне пайдаланатын, халықаралық байланыстарды нығайтатын, әлемдік білім қауымдастығына шығатын көптілді меңгерген мамандар даярлау қажеттілігі туындап отыр.

Көптілді маман көпмәдениетті меңгерген тұлға болып табылады. Көптілді, көпмәдениетті тұлға тілдер мен мәдениеттер байланысының нәтижесі ретінде бүкіл әлемде орын алып отырған дамытушы құбылыс ретінде бағаланады.

Тіл үйренушінің шетел тілімен танысуымен, әрі оны үйренуімен бірге, үйреніп жатқан тілдегі жаңа ұлттық мәдениетке енетіні шексіз рухани байлыққа кенелетіні сөзсіз. Әр шетел тілі сабағы мәдениеттер тоғысы, бұл мәдениетаралық қарым-қатынас тәжірибесі, себебі әр шетел тілі сөзі шетел әлемін, шетел мәдениетін көрсетеді, яғни тұл үйренуші үшін әр сөз артында ұлттық сана мен әлемді қабылдау болып тұрады.

Шетел тілін қатынас құралы ретінде үйрету үшін шынайы қарым-қатынас жағдаятын туындату керек, яғни шетел тілін шынайы, нағыз жағдаяттар, аутентикалық материалдар қолдану қажет. Олар: шетелдік маманды қатыстыра отырып немесе онсыз, шетел тілінде ғылыми дискуссия жүргізу, әдебиеттер талқылау т.б. Аудиториядан тыс қарым-қатынасқа түсу формаларын дамыту қажет: олар тілдік клубтар, үйірмелер, ашық лекциялар, on-line лекциялар, әр түрлі мамандық студенттерінің ортақ ғылыми қызығушылығын туындататын мәселелер бойынша дөңгелек үстел, пікір сайыс т.б.

Сонымен, шет тілін меңгеру бір психологиялық құралға ие болмай, сонымен қатар басқа мәдениетке араласу, жаңа әлеуметтік-мәдени мазмұнды меңгеру болып табылады. Шетел тілін үйрету мәдениетаралық араласудың ортақ форматындағы қос мәдениет, яғни тіл үйренушінің төл және үйреніп жатқан елдің, шет тілдік мәдениет диалогы ретінде қарастырылады. Мәдениет диалогы әртүрлі лингвистикалық-мәдени қауымдастықтардың, олардың өзіндік ерекшелігі мен өзгешелігін есепке алғандағы өзара тең мәдени әрекеттестігі.

Шетел тілін үйренушіде мәдениетаралық құзыреттілік, көпмәдениеттілік құзыреттілігі **мәдениет диалогы** арқылы қалыптасады. Мәдениетаралық құзыреттілік тіл үйренушіден келесі күтілетін нәтижелер арқылы көрініс береді: төл мәдениетін біледі, шетелдік әлеуметтік мәдениет әлем бейнесін ұғады, қарым-қатынастағы мәдениеттер арасындағы ұқсастықтар мен ерекшеліктерді аңғарады және шиеленістерді шешуге дайын болуды меңзейтін мәдениетаралық диалог дағдыларын меңгереді, басқа лингвистикалық әлеуметтің мағыналық бағдарларын таниды, басқа мәдениеттің концептілері мен әлеуметтік коммуникация құралдарын қолданады.

Үштілділік жөнінде Елбасымыз Нұрсұлтан Назарбаевтың «Тілдердің үштұғырлығы мәдени жобасын кезеңдеп жүзеге асыруды қолға алуды ұсынамын. Қазақстан бүкіл әлемге халқы үш тілді пайдаланатын мәдениетті ел ретінде танылуға тиіс. Бұлар – қазақ тілі - мемлекеттік тіл, орыс тілі - ұлтаралық қатынас тілі және ағылшын тілі - жаһандық экономикаға ойдағыдай кіру

тілі” деген үндеуінен бастау алған болатын. Сонымен қатар Нұрсұлтан Әбішұлы: «мектептерге ағылшын тілінен шетелдік оқытушыларды тарту қажет. Кез келген ортанқол мектептің балаларға ең жоғары деңгейде шет тілін оқып үйренуіне жағдай жасайтындай дәрежеге қол жеткізуіміз міндет» [2] - деп ерекше атап көрсеткен.

Қазақстанды бүкіл әлем халқы үш тілді бірдей меңгерген жоғары білімді мемлекет ретінде тануы керек. Олар: қазақ тілі – мемлекеттік тіл, орыс тілі – ұлтаралық қарым-қатынас тілі және ағылшын тілі – жаһандық экономикаға ойдағыдай кірігу тілі.

“Үштұғырлы тіл” идеясының үшінші құрамдас бөлігі – ағылшын тілін үйрену. Ағылшын тілін білу-өмір талабы. Ағылшын тілін меңгеру дегеніміз – ғаламдық ақпараттар мен инновация-лардың ағынына ілесу деген сөз. Үштілді саясатқа қатысты Елбасының нақты айтқан сөзі де бар: «Қазақ тілі - қазақ мәдениетін дамыту үшін, орыс тілі - әлемдік мәдениетке кіру үшін, ағылшын тілі - бизнес тілі. Ағылшын тілі біздің экономикамызды дамыту үшін қажет». «Ағылшын тілі - бизнес тілі». Ал Елбасы ұсынған 100 нақты қадамда [3] ағылшын тілін жоғары сыныптар мен ЖОО-ларда тереңдете, нәтижеге жете оқытукөзделген. Үштілділік тіл өмірлік қажеттіліктен туындаған идея. Бірнеше тілде еркін меңгерген қазақстандықтар өз елінде де, шетелдерде де бәсекеге қабілетті тұлғаға айналады. Үш тілде оқыту – заман талабы десек, оның негізгі мақсаты: бірнеше тілді меңгерген, әлеуметтік және кәсіптік бағдарға қабілетті, мәдениетті тұлғаны дамыту және қалыптастыру.

Көптілді білім беру - жас ұрпақтың білім кеңестігінде тілді еркін меңгеруіне жол ашатын, өз қабілеті мен мүмкіндігін танытуына мүмкіншілік береді, ал көптілділік әлемдік мәдениетке, өркениетке, білім кеңістігіне еркін еніп, болашақта алдыңғы қатардағы бәсекеге қабілетті дамыған 50 елдің қатарына енуімізге, жаһандану үрдісінде білім мен ғылымның барлық саласында бәсекелестікке қарсы тұруына мүмкіншілік ашады.

Қазақстан бүкіл әлемге халқы үш тілде сөйлей алатын мәдениетті ел ретінде танылуға тиіс. Бұлар – қазақ тілі - мемлекеттік тіл, орыс тілі - ұлтаралық қатынас тілі және ағылшын тілі - жаһандық экономикаға ойдағыдай кіру тілі” деген болатын Елбасымыз Нұрсұлтан Назарбаев.

Елімізде көпмәдениетті тұлғаны қалыптастырудың негізі – үштілділік екені дәлелденіп отыр. Үштілділік өзара байланысты және бір-біріне тәуелді әлем жағдайында жастарды тәрбиелеудің негізгі құралы болып табылады. Көптілді оқытуды біз бірнеше тілдерді меңгеру арқылы әлемдік мәдениетке мақсатты түрде ену, онда игерілген тілдер арнайы білім саласымен сусындаудың, әр түрлі елдер мен халықтардың мәдени-тарихи және әлеуметтік тәжірибесін меңгерудің тәсілі ретінде түсінеміз. Заманауи жаһандану жағдайында ағылшын тілінің рөлі күшеюде, ағылшын тілін еркін меңгеру инновациялық технологияларды игеруге, экономикалық және әлеуметтік жобаларды, ғылыми идеяларды және білім бағдарламаларын жүзеге асыруға мүмкіндік береді.

Біз қоғамымызға көптілді білім беруді саналы, сауатты және дұрыс енгізу оқушылардың көпұлтты және көпмәдениетті ортаға бейімделуіне, басқа мәдениетке құрметпен қарауға септігін тигізіп, бәсекеге қабілетті, өмірде белсенді, оң көзқарастағы тұлға болып қалыптасуына септігін тигізеді. Әрбір тілді меңгерген сайын біз рухани дүниемізді байытамыз.

Қазақстан - көпұлтты, көптілді мемлекет. Көптілді білім- көп мәдениетті тұлғаны қалыптастырудың өзегі. Бүгінгі таңда көп тілді оқыту – жас ұрпақтың білім кеңістігінде еркін самғауына жол ашатын, әлемдік ғылым құпияларына үңіліп, өз қабілетін танытуына мүмкіндік беретін қажеттілік. Үш тілде оқыту – заман талабы десек, оның негізгі мақсаты: бірнеше тілді меңгерген, әлеуметтік және кәсіптік бағдарға қабілетті, мәдениетті тұлғаны дамыту және қалыптастыру. Елбасы Н.Ә. Назарбаев өзінің жылдағы дәстүрлі Жолдауында «Тілдердің үш тұғырлығы» мәдени жобасын іске асыруды жеделдету тиістігіне ерекше мән береді. Ол – Қазақстан Республикасының мемлекеттік жалпыға міндетті орта білім стандарттары талаптары деңгейінде үш тілде білім меңгерген, көптілді коммуникативтік құзырлылықтары қалыптасқан, көп мәдениетті, рухани-адамгершілік қасиеттері дамыған тұлғаны тәрбиелеу.

К.Эрли мен С.Ангтың мәдени интеллект моделін негізге ала отырып, оыс ғалымдары С.К. Гураль, Е.И. Павленко мынадай ойды айтады: «Взяв за основу модель культурного интеллекта, разработанную К.Эрли и С.Ангом, нам удалось создать свою собственную модель формирования поликультурной многоязычной личности нового типа посредством третьего иностранного языка. Следует также отметить, что в теоретическом подходе к формированию поликультурной многоязычной личности мы близки к концепции вышеуказанных авторов, основанной на сложном мышлении и кросскультурной толерантности. Этот подход подкрепляется тремя выделенными уровнями культурного интеллекта: универсальным (знание о мире), культурным (знание об иной культуре) и реальным (умение адекватно взаимодействовать с представителями другой культуры)» [4].

Сондықтан да көпмәдениетті тұлға:

- өмір сүру жағдайларына бейімделген әрі өзге адамдармен әріптестік қатынас орната білетін;
- жеке, өзіне ғана тән ойы бар және өзге мәдени қоғамдар туралы көзқарастарын талдай алатын;
- дербес, өз ойын үнемі білдіре алатын, тәуелсіз болуы тиіс,
- кросс-мәдениетті қоғамға бейімделген,
- ұлттық және жалпықазақстандық, құндылықтарды қастерлейтін, тілдерді меңгеруге тұрақты қызығу танытатын, отансүйгіштік және азаматтық сана-сезімдері дамыған тұлға [5].

Қорыта келгенде, көпмәдениеттілік бүгінгі уақытта әлемдік білім беру қоғамдастығының кеңістігін қалыптастыратын білім беру құзырлығының басты бағыттарының бірі ретінде анықталды. Көптілді білім-көпмәдениетті тұлғаны қалыптастырудың негізі. Мәдениеттер диалогын жүргізуге қабілетті адамға тек қана тілді білу жеткіліксіз, ол ең алдымен мәдени, діни және, рухани білікті әрі жетік болу керек. Көпмәдениетті тұлға дегеніміз – бұл өзін мәдениеттер полилогының субъектісі ретінде танытын, белсенді өмірлік ұстанымы, эмпатия және толеранттылық қабілеттілігі бар, эмоционалды тұрақты, әр түрлі мәдениет өкілдерімен бейбітшілік пен татулықта өмір сүруге қабілетті тұлға.

Пайданылған әдебиеттер тізімі:

1. Назарбаев Н.Ә. «Қазақстан жолы - 2050: Бір мақсат, бір мүдде, бір болашақ» атты халыққа
2. Президенттің Қазақстан халқына жолдауы. – Астана. 28 сәуір. 2010.
3. Назарбаев Н.Ә.. «100 нақты қадам». – Астана, Ақорда 2015.
4. Гураль С.К., Павленко Е.И. Формирование поликультурной многоязычной личности нового типа посредством третьего иностранного языка // "Язык и культура". 2011.
5. Таскалиева Г.Е. Көпмәдениетті тұлғаны дамыту. Қазақстан, «Өрлеу» БАҰО» АҚ филиалы БҚОПҚБАИ

УДК 327
БАК 12.00.10

Salikhov A.B.¹

¹*m.a., teacher of the Institute of the Sorbonne-Kazakhstan at Abay KazNPU,
Almaty, Kazakhstan*

THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD AND ITS IMPACT ON ECONOMIC BEHAVIOR

Abstract

The language picture of the world is an environment in which language is a worldview-building tool. It is imaginative, both inherently and indirectly. Human beings take their place in speech and proceed, through their imaginative exchanges, to alter language and thought.

Therefore, it would seem that people exposed to a second language would develop a different or expanded view of the world. Not only are these visions informed by the various world structures inherent in each language structure, but also by the different interaction techniques used by each system's speakers. Speaking more than one language enables inclusion in the qualitative expansion of our social possibilities with people from various cultural groups.

Keywords: language picture of the world, bilingual person, worldview, future and futureless countries, culture, economic behavior.

Салихов А.Б.¹

¹*г.г.м., Абай атындағы ҚазҰПУ-дың Сорбонна-Қазақстан институтының оқытушысы
Алматы қ., Қазақстан*

ӘЛЕМНІҢ ТІЛДІК БЕЙНЕСІ ЖӘНЕ ОНЫҢ ЭКОНОМИКАЛЫҚ МІНЕЗ-ҚҰЛЫҚҚА ӘСЕРІ

Аңдатпа

Әлемнің тілдік бейнесі-бұл тілдік дүниетанымды құрудың құралы болып табылатын сала. Адам қарым-қатынаста өзіндік рөлін ойнайды және осындай алмасулар арқылы тіл мен ойлау процесі өзгереді.

Осылайша, екінші тілді білетін адамдар әлемге басқаша немесе кеңейтілген көзқарасты дамыта алады. Бұл идеяларға әр тіл жүйесіне тән әлемнің әртүрлі конструкциялары ғана емес, сонымен қатар әр жүйенің тасымалдаушылары қолданатын өзара әрекеттесудің әртүрлі стратегиялары әсер етеді. Бірнеше тілді білу біздің әлеуметтік мүмкіндіктерімізді сапалы түрде кеңейте отырып, әртүрлі мәдени топтардың адамдарымен сөйлесуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: әлемнің тілдік бейнесі, екі тілді адам, дүниетаным, келер шағы бар және келер шағы жоқ тілдер, мәдениет, экономикалық мінез-құлық..

Салихов А.Б.¹

¹*м.г.н., преподаватель Института Сорбонна-Казakhstan при КазНПУ им. Абая,
г. Алматы, Казахстан*

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Аннотация

Языковая картина мира – это область, в которой язык является инструментом создания мировоззрения. Она в своей сущности является созидательной. Люди занимают свое место в речи и продолжают изменять язык и мышление посредством языковых обменов.

Таким образом, представляется, что у людей, изучающих иностранный язык, может развиваться иное или расширенное видение мира. На эти представления влияют не только различные конструкции мира, присущие каждой языковой системе, но и различные стратегии взаимодействия, используемые носителями каждой системы. Знание более чем одного языка позволяет общаться с людьми разных культурных групп, качественно расширяя социальные возможности.

Ключевые слова: языковая картина мира, двуязычный человек, мировоззрение, языки имеющие и не имеющие будущего времени, культура, экономическое поведение.

Cognitive and linguistic development go hand in hand. Words, therefore, shape our lives. The way we store events for later recall can be influenced by verbal labels.

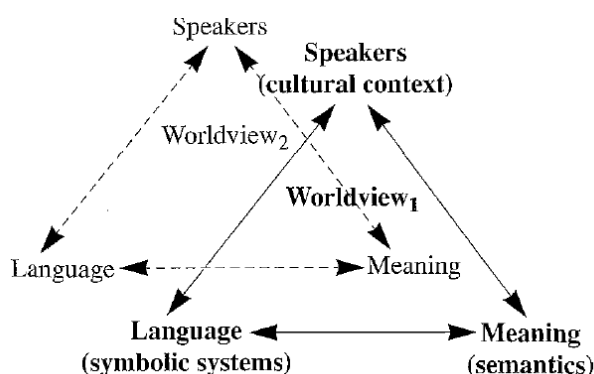
- Language is part of the Social culture
- Language is a social medium, and thus a social skill
- Language shapes an identity
- Worldview thus exists in the mental concepts dealt with in the mother tongue
- Language is integrally related to Thought-formation

A simple graph will help to put into a coherent whole the bits and pieces shaping this worldview. [1]

1. In general, structural variations between language systems will be paralleled in the native speakers of the language by nonlinguistic cognitive differences of an unspecified kind.

2. When one learns a foreign language, the structure of his native language greatly affects or entirely defines the worldview he can gain. [2][3]

Worldview of bilingual person ^[4]:

Keith Chen, a Yale University behavioral economist, suggests that the language you speak can influence the way you think about your future. Languages differ in whether or not speakers are expected to grammatically mark future events. For instance, in the present tense, a German speaker predicting rain will naturally do so, saying: “morgen regnet es”, which is translated as “it rains tomorrow”. English, on the other hand, would involve the use of a future marker such as “will” or “is going to”, as in: “It will rain tomorrow”. [5] In this way, English involves speakers to encode a distinction between current and future events, while German does not. [6] Might this feature of language affect the intertemporal choices of speakers?

In this study Keith Chen tested a linguistic-savings hypothesis: that being asked to talk about future events in a distinct way leads speakers to take less future-oriented actions. This theory emerges naturally if the future and the present are grammatically separated, causing speakers to disassociate the future from the present. This would make the future look more remote, and it would make saving harder because saving requires current costs for future benefits. Some languages, on the other hand, contrast the present and the future grammatically. For a future that seems closer, those speakers will be more likely to save.

English forces its speakers to break time between the present and the future on a daily basis in a way that Mandarin (which has no tenses) does not. This does not mean, of course, that Mandarin speakers are incapable (or much less capable) of knowing the difference between the present and the future, except that any time they speak they are not required to attend to it. This distinction is a central feature of the weak vs. strong FTR classification in the compulsory identification of future events and is the difference between languages in the further study of savings behaviors.

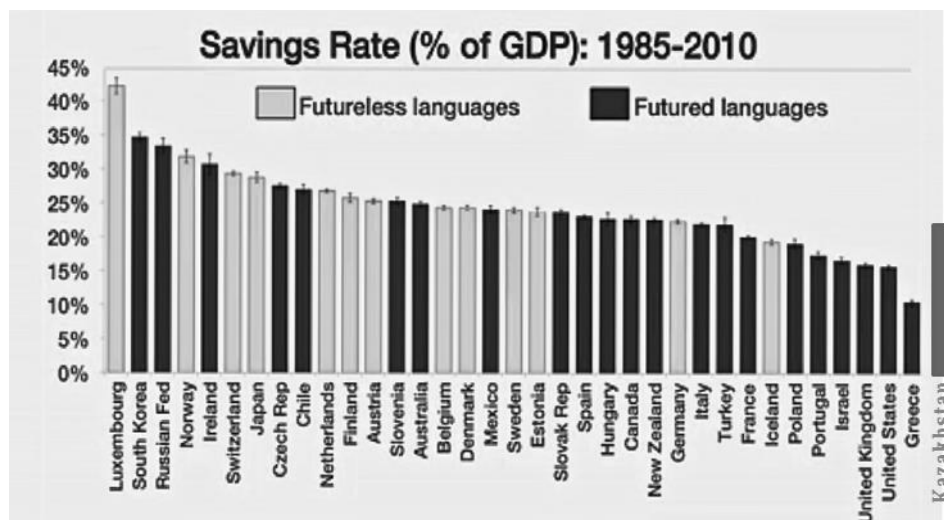
Such language differences are remarkably common and not only exist between neighboring countries in the same area. For instance, languages range from a tendency to rarely distinguish present and future time (like Finnish) to languages like Kazakh, which have separate and obligatory “future” forms of verbs. [7] A Kazakh speaker would have to grammatically mark future time («Ертең жаңбыр жауады»). [8]

“FUTURED”: languages in which the speaker is forced to separate the present from the future (English verb pattern).

“FUTURELESS”: the speaker isn’t obliged to grammatically separate the present from the future (German verbal tense).

Finally, in a cross-country setting, Chen analyzed the correlation between language and savings, using national account data from both the OECD (1970 to present) and world-bank data merged with the WVS. All 34 member countries collect and harmonize the OECD results. Also we included Kazakhstan in order to compare our savings rate with other developing countries [9]. These regressions question whether national savings tend to be influenced by the FTR structure of a country's language. A simple linear relation that follows closely from the theory of life-cycle savings is the form of the national savings theory.

OECD (Organization of Economic Co-operation and Development) countries are the wealthier countries in the world [10]

Among them are some of the countries that are the biggest savers in the world. Curiously, the language spoken in these countries is a language that is "futureless."

Overall, the results are broadly consistent with the hypothesis that languages with compulsory reference to the future lead their speakers to participate in less future-oriented behavior. Thus, a multidimensional formation is the concept of time in language, wherein the measuring aspect of the concept depends on its features.

We find that we speak "futureless" languages empirically: invest more, retire with more money, smoke less, and are less obese. When comparing demographically similar native individuals, this holds both across countries and within countries.

List of literature:

- 1 Castaneda, Carlos. *A Separate Reality*. New York: Pocket Books, 1973. p. 55-56
- 2 Kennison, Shelia (2013). *Introduction to language development*. Los Angeles: Sage.
- 3 Hoijer, "The Sapir-Whorf hypothesis", 1954. p. 92-105
- 4 Alvino E. Fantini. "Language and Worldview". Paper was presented in Ottawa, October 7-10, 1988, at the Association's Thirteenth Annual Conference, "Towards a Global Civilization." p. 2-3
- 5 Acemoglu, Daron, and James Robinson. 2012. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Publishing. p. 77
- 6 Adu-Amankwah, David. 2003. *Asante-Twi Learners' Reference Grammar*. Madison: NALRC Press. p. 85-88
- 7 Bittner, Maria. 2005. "Future Discourse in a Tenseless Language". *Journal of Semantics*, 22. p. 339-387.
- 8 John B. Burbidge, John B., Lonnie Magee, and A. Leslie Robb. 1988. "Alternative Transformations to Handle Extreme Values of the Dependent Variable". *Journal of the American Statistical Association*, 83(401). p. 123-127.
- 9 Statistical and data work at the World Bank. [Электрон.ресурс]. – URL: data.worldbank.org/indicator/kz (дата обращения: 12.10.2020)
- 10 Chen, M.K., "The Effect of Language on Economic Behavior: Evidence from Saving Rates, Health Behaviors, and Retirement Assets" (2012). p. 25.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТ

Абрешева С.М. Халықаралық құқық кафедрасының аға оқытушысы, Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

Айтказин А.А. «Халықаралық қатынастар» мамандығының 2 курс магистранты, Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

Әбдібек А.Ш. Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты, Алматы қ., Қазақстан

Байтурбаева А.Т. Ғылыми жетекшісі: Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты, халықаралық қатынастар кафедрасының аға оқытушы, с.ғ.к.

Битлеуов А.А. «Халықаралық қатынастар» мамандығының 2 курс магистранты, Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

Бердыгулова Г.Е. Абай атындағы ҚазҰПУ, Алматы қ., Қазақстан.

Дузенова Л.А. Халықаралық құқық кафедрасының аға оқытушысы, Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты, Алматы қ., Қазақстан Республикасы.

Ержан Ә. «Халықаралық қатынастар» мамандығының магистранты, Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты, Алматы қ., Қазақстан Республикасы.

Есдаулетова А.М. Еуразиялық ұлттық университеті. Л.Н. Гумилев, Халықаралық қатынастар кафедрасының профессоры, Нұр-Сұлтан, Қазақстан.

Жанпейсова К.Д. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Саясаттану кафедрасы, Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан.

Жеделова Қ.Қ. Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты, Алматы қ., Қазақстан.

Жолумбетов Е.М. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Саясаттану кафедрасы, Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан.

Жұман С. Сорбонна-Қазақстан Институтының халықаралық қатынастар кафедрасының тарих ғылымдарының кандидаты.

Калибекова Л.С. Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан.

Қанафина Г.Е. Саяси ғылымдар кандидаты, Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты, Алматы қ., Қазақстан.

Курмангали А.К. Ғылыми жетекшісі, саяси ғылымдар докторы, Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институтының халықаралық қатынастар кафедрасының доценті.

Кусаинова А.М. Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан.

Мен Д.В. Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Алматы қ., Қазақстан.

Онучко М.Ю. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Саясаттану кафедрасы, Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан.

Орумбаева М.С. Халықаралық қатынастардың 1 курс PhD докторанты, Абай университетінің Сорбонна-Қазақстан институты, Алматы, Қазақстан

Оспанова Б. Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университет, Алматы қ., Қазақстан

Пак Т.Н. Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Алматы қ, Қазақстан

Сабитова А.А. Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институтының директоры, Алматы қ, Қазақстан

Сабиқенов С.Н. Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты, Алматы қ, Қазақстан

Салихов А.Б. г.ғ.м., Абай атындағы ҚазҰПУ-дың Сорбонна-Қазақстан институтының оқытушысы, Алматы, Қазақстан

Федосеева А.А. Абай атындағы ҚазҰПУ, Алматы қ, Қазақстан

Халназарова А.К. Халықаралық қатынастар мамандығының 4 курс студенті, Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты Алматы қ., Қазақстан.

Хусаинов О.Б. Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты, Халықаралық құқық кафедрасы, Алматы қ, Қазақстан Республикасы.

Хусаинов С.О. Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты, Алматы қ., Қазақстан Республикасы.

Чумаченко Т.Н. Сорбонна-Қазақстан Институтының халықаралық қатынастар кафедрасының саяси ғылымдарының кандидаты.

Шолтай С.Ш. Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институтының тәрбие ісі жөніндегі директордың орынбасары

Щербак Е.Н. Ресей мемлекеттік гуманитарлық университеті, Мәскеу қ., Ресей Федерациясы

Шералина А. Г. Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты, Алматы қ., Қазақстан.

Эмис Д.Д. «Халықаралық қатынастар» мамандығының 2 курс магистранты, Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институты, Алматы қ., Қазақстан Республикасы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрешева С.М. Старший преподаватель кафедры международного права, КазНПУ им. Абая, Институт Сорбонны-Казахстан, г.Алматы, Казахстан.

Айтказин А.А. магистрант 2 курса, специальности «Международных отношений», КазНПУ им. Абая, Институт Сорбонны-Казахстан, г.Алматы, Казахстан.

Әбдібек А.Ш. КазНПУ им.Абая, Институт Сорбонна-Казахстан, г. Алматы, Казахстан

Байтурбаева А.Т. Научный руководитель: к.п.н., ст.преподаватель кафедры международных отношений КазНПУ им.Абая

Битлеуов А.А. магистрант 2 курса, специальности «Международных отношений», КазНПУ им. Абая, Институт Сорбонны-Казахстан, г.Алматы, Казахстан

Бердыгулова Г.Е. Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г.Алматы, Казахстан

Дузенова Л.А. Старший преподаватель кафедры международного права, КазНПУ им. Абая, Институт Сорбонны-Казахстан, г. Алматы, Казахстан

Ержан Ә. магистрант кафедры Международных отношений Института Сорбонна-Казахстан при КазНПУ им.Абая

Есдаулетова А.М. Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, профессор кафедры международных отношений, г.Нур -Султан, Казахстан.

Жанпеисова К.Д. Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Кафедра политологии, г. Нур-Султан, Казахстан.

Жеделова Қ.Қ. КазНПУ им.Абая, Институт Сорбонна-Казахстан, г. Алматы, Казахстан

Жолумбетов Е.М. Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева кафедра политологии, г. Нур-Султан, Казахстан.

Жұман С. кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений Института Сорбонна-Казахстан.

Калибекова Л.С. Евразийский национальный университета имени Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан.

Қанафина Г.Е. кандидат политических наук кафедры международных отношений Института Сорбонны-Казахстан, КазНПУ им.Абая, г.Алматы, Казахстан.

Курмангали А.К. научный руководитель, доктор политических наук, доцент кафедры международных отношений Института Сорбонна-Казахстан при КазНПУ им. Абая

Кусаинова А.М. Евразийский национальный университета имени Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан.

Мен Д.В. КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан.

Онучко М.Ю. Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, кафедра политологии, г. Нур-Султан, Казахстан.

Орумбаева М.С.PhD докторант 1 курса специальности международных отношений, Институт Сорбонна-Казахстан при КазНПУ им. Абая, г. Алматы, Казахстан.

Оспанова Б. КазНПУ им. Абая, г. Алматы, Казахстан.

Пак Т.Н. КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан.

Сабитова А.А. директор Института Сорбонны-Казахстан, КазНПУ им. Абая, г. Алматы, Казахстан.

Сабикенов С.Н. КазНПУ им. Абая, Институт Сорбонна-Казахстан, г. Алматы, Казахстан

Салихов А.Б. м.г.н., преподаватель Института Сорбонна-Казахстан при КазНПУ им. Абая, г. Алматы, Казахстан.

Федосеева А.А. КазНПУ им. Абая, г. Алматы, Казахстан.

Халназарова А.К. студентка 4 курса кафедры международных отношений Института Сорбонна-Казахстан, КазНПУ им. Абая.

Хусаинов О.Б. КазНПУ им. Абая, Институт Сорбонна-Казахстан, кафедра международного права, г. Алматы, Казахстан.

Хусаинов С.О. КазНПУ им. Абая, Институт Сорбонна-Казахстан, г. Алматы, Казахстан

Чумаченко Т.Н. кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений Института Сорбонна-Казахстан.

Шолтай С.Ш. заместитель директора Института Сорбонна-Казахстан по воспитательной работе, КазНПУ им. Абая.

Щербак Е.Н. Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация.

Шералина А. Г. КазНПУ им. Абая, г. Алматы, Казахстан.

Эмис Д.Д. магистрант 2 курса, специальности «Международных отношений», КазНПУ им. Абая, Институт Сорбонны-Казахстан, г. Алматы, Казахстан.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Abresheva S.M. Senior lecturer of the department of International law, Kazakh National Pedagogical University named after Abay, Institute Sorbonne-Kazakhstan.

Aitkazin A.A. Master 2nd year of specialty "International Relations", Kazakh National Pedagogical University named after Abay, Institute Sorbonne-Kazakhstan.

A.Sh Abdibek Kazakh National University named after Abay, Institute Sorbonne-Kazakhstan, Almaty c., Kazakhstan.

A.T. Baiturbayeva Scientific adviser: Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer of the Department of International Relations of KazNPU named after Abai.

Bitleuov A.A. Master 2nd year of specialty "International Relations", Kazakh National Pedagogical University named after Abay, Institute Sorbonne-Kazakhstan.

Berdygulova G.E. Kazakh National University named after Abay, Almaty c., Kazakhstan.

Duzenova L.A. Senior lecturer of the department of International law, Kazakh National Pedagogical University named after Abay, Institute Sorbonne-Kazakhstan.

Emis D.D. Master 2nd year of specialty "International Relations", Kazakh National Pedagogical University named after Abay, Institute Sorbonne-Kazakhstan.

Yerzhan Auyel Master of specialty "International Relations", Kazakh National Pedagogical University named after Abay, Institute Sorbonne-Kazakhstan.

Yesdauletova A. M. L. N. Gumilyov Eurasian National University, Professor of the Department of International Relations, Nur-Sultan, Kazakhstan.

Zhanpeisova K.D. Department of Political Science, L.N.Gumilyov, Eurasian National University, Nur-Sultan c., Kazakhstan.

K. K. Zhedelova Kazakh National University named after Abay, Institute Sorbonne-Kazakhstan, Almaty c., Kazakhstan.

Zholumbetov Ye.M. Department of Political Science, L.N.Gumilyov, Eurasian National University, Nur-Sultan c., Kazakhstan.

Zhuman S. candidate of historical sciences of the Department of International Relations at the Institute Sorbonne-Kazakhstan.

Kalibekova L.S. L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan.

Kanafina G.E. PhD in Political Science, Department of International Relations, Sorbonne Institute-Kazakhstan KazNPU Abai. Almaty, Kazakhstan.

Kussainova A. M. L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan.

Kurmangali A.K. scientific supervisor, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Sorbonne Institute-Kazakhstan KazNPU Abai.

Men D. V. Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Onuchko M.Yu. Department of Political Science, L.N.Gumilyov, Eurasian National University, Nur-Sultan c., Kazakhstan.

Orumbayeva M.S. PhD student in International Relations, Sorbonne-Kazakhstan Institute of Abai University, Almaty, Kazakhstan.

Ospanova B.R. Kazakh National University named after Abay, Almaty c., Kazakhstan.

Pak Tatyana Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Sabitova A.A. the head of the Institute Sorbonne-Kazakhstan, Almaty c., Kazakhstan.

S.N.Sabikenov Kazakh National University named after Abay, Institute Sorbonne-Kazakhstan, Almaty c., Kazakhstan.

Salikhov A.B. M.A., teacher of the Institute of the Sorbonne-Kazakhstan at Abay KazNPU, Almaty, Kazakhstan.

Fedosseyeva A.A. Kazakh National University named after Abay, Almaty c., Kazakhstan.

Halnazarova A.K. student of the 4rd year of International relations of the Institute of Sorbonne-Kazakhstan at Abai KazNPU.

Khussainov O.B. Kazakh National University named after Abay, Institute Sorbonne-Kazakhstan, the department of International law, Almaty c., Kazakhstan.

Khussainov C.O. Kazakh National University named after Abay, Institute Sorbonne-Kazakhstan, Almaty c., Kazakhstan.

Chumachenko T.N. candidate of political sciences of the Department of International Relations at the Institute Sorbonne-Kazakhstan.

Sholtay S.Sh. the Deputy Director of the Institute Sorbonne-Kazakhstan in educational work, Abai KazNPU.

Shcherbak E.N. Russian State University for the Humanities, Moscow c., Russian Federation.

Sheralina A.G. Kazakh National University named after Abay, Almaty c., Kazakhstan.